

Ольга Прхалова

**Нулевой меридиан
проходит
через
ТЕМУ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АФРИКИ

Ольга Прхалова

**Нулевой
меридиан
проходит
через
ТЕМУ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Olga Prchalová

Nultý poledník prochází Temou

P r a h a 1969

Перевод с чешского

П. Н. АНТОНОВА

Ответственный редактор

В. Б. ИОРДАНСКИЙ

Прхалова О.

П85 Нулевой меридиан проходит через Тему. Перев. с чешского. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972.

128 с. (Путешествия по странам Востока).

В книге популярно рассказано о социальных, экономических и культурных проблемах, стоящих перед Республикой Ганой, ярко показаны народные обычаи, культура, быт и исторические традиции народов и племен Ганы.

Из Гринвича в Гану

Мы улетали в Аккру — столицу Ганы.

Эта наша первая поездка в Африку была очень интересной. В Гане мы прожили два года и близко узнали ее. С тех пор в стране произошло немало перемен, но образ жизни ганцев в основном остался прежним.

Путь в Аккру из Праги через Лондон — не самый короткий, но логика авиационных компаний бывает иногда довольно странной. Она и завела нас в столицу Великобритании. Позже, в Гане, мы убедились, что наш маршрут никого не удивлял. Когда страна была британской колонией, вся ее связь с внешним миром осуществлялась через Лондон; до сих пор все международные телефонные линии Ганы ведут в столицу бывшей Британской империи. Если кто-нибудь, например, захочет поговорить из Аккры со своим приятелем, живущим в Абиджане, столице соседнего государства — Берега Слоновой Кости, то его голос по телефонным проводам перенесется сначала в Лондон, а затем уже вернется в Африку.

Хотя мы пробыли в Лондоне и немного времени, наши хозяева все же нашли возможность пригласить нас в Гринвич. Там есть две достопримечательности. Первая и особенно важная — обсерватория, по имени которой назван нулевой меридиан. Проходя от одного полюса до другого, он пересекает Гринвич, и весь мир определяет по нему свое время. Правда, нулевой меридиан — линия воображаемая, но в Гринвиче он воплощен в камне.

Другая достопримечательность — клипер «Кати Сарк». Он стал знаменитым во время расцвета торговли со странами Британской империи. Клипер доставлял из Австралии в Англию шерсть, из Индии — чай. Он особенно прославился в конце прошлого века. Сейчас

клипер безнадежно устарел, но англичане по-прежнему его любят, быть может именно потому, что он напоминает старые добрые времена, когда не только этот парусник, но вместе с ним и владычица морей — Британия находилась во всем блеске своей славы. Приверженцы былых порядков с обожанием смотрят на недвижимый клипер, не осознавая, что ныне он всего лишь символ.

Я знала, что в независимой Гане уже не столкнусь с порядками, характерными для времен «Кати Сарк», и поэтому, признаюсь, нулевой меридиан интересовал меня больше. Если бы я двинулась вдоль этой линии к югу, то достигла бы цели своего путешествия — Ганы, оказавшись совсем рядом с ее столицей.

В 1874 году, в период наибольшей известности «Кати Сарк», Гану, которая была тогда британской колонией и называлась Золотым Берегом, посетил английский журналист Г. А. Генти. В одном из своих репортажей он написал, что в десяти милях от Прампрама — местечка восточнее Аккры — в море находится скала, расположенная точно на нулевом меридиане. Поэтому ее называют Гринвичской.

В Лондоне я решила, что обязательно побываю на этой скале со своей шестилетней дочкой Евой и скажу ей:

— Вот здесь мы стоим точно на том же меридиане, что и в Гринвиче, только на тысячи миль южнее.

Но в Гане я не нашла Гринвичской скалы. Ее там нет. Теперь здесь раскинулся новый город Tema и его порт — самый крупный искусственный порт Африканского континента.

И это была далеко не единственная перемена, происшедшая в Гане. Я убедилась, что не случайно в наши дни разделительный меридиан проходит не через одинокую скалу, а через новый морской порт, и решила написать книгу о жизни Ганы. В ней хотя бы в общих чертах мне хотелось рассказать о том, как случилось, что сегодня нулевой меридиан проходит через Тему.

Чужая страна — чужие нравы

— Мама, мам, проснись. Слышишь, проснись!

Было еще рано. Вчера вечером я строго-настрою казала Еве, чтобы она не будила меня, если проснется раньше. И почему, собственно, мои слова должны потерять силу лишь оттого, что мы сидим в самолете, который летит на высоте пяти тысяч метров прямо на юг — в Аккру? Я сладко спала в мягком сиденье с низко откинутой спинкой и уже открыла было рот, чтобы сказать пару строгих слов дочке, которая не дала мне поспать до завтрака, но она вовремя крикнула:

— Мама, посмотри скорей в окно! Под нами песок. Это, наверное, Сахара!

Я не успела рассердиться. Итак, мы уже над Сахарой! Спасибо, Ева, что ты не дала мне проспять такое зрелище! Сон мгновенно улетучился, и я склонилась к окошку, чтобы впервые в жизни взглянуть на пустыню. Именно такой я и представляла себе Сахару — бесконечные холмы светловато-желтого песка. Они, видимо, довольно высоки, если даже отсюда видны так явственно. Я представила себе караван верблюдов, шагающих по песчаным холмам, и до самого горизонта простирающийся песок. Ничего, кроме песка. Такой я видела Сахару в кино, такой вижу ее и сейчас.

Песчаное море застыло под нами. Неподвижные волны катятся в бесконечность, и однообразное это зрелище мне кажется слишком долгим; оно уже не захватывает меня. Неожиданно я поняла, что внизу что-то изменилось. Море превратилось в горы, в высокие отвесные скалы, на которых торчат развалины средневековых крепостей. Что это? Сразу же приходит на ум мысль о «фата моргане», ведь мы продолжаем лететь над пустыней Сахарой. Но поверить в это трудно — развалины так реальны и так пластичны. И еще труд-

нее понять, что блестящие длинные ленты, извивающиеся между скалами, — это не реки, а обычный песок, отражающий солнечные блики.

Сахара бесконечна, даже если ее преодолевать не на верблюде, а с помощью современного скоростного лайнера. Шел час за часом, а она все еще проплывала у нас под крылом. Осознавая темп движения, понимаешь, эта пустыня, действительно, не такой уж маленький кусочек планеты. Вот видишь, Ева, могла бы ты меня и не будить — все равно я бы увидела Сахару.

Для меня она была бесконечной еще и потому, что, несмотря на все старания, мне так и не удалось заметить, где она кончилась. Там, внизу, этот переход вначале обозначился одинокими кустарниками, затем растительность стала гуще. И, хотя вся она высушена и покрыта слоем песка, все же — это переход к живой природе. Постепенно пустыня сменила краски — начался буш.

В то время я, конечно, не знала, что такое буш и что мы пролетаем как раз над ним. Но наш попутчик, англичанин, опытный путешественник, хорошо знавший эту трассу, сказал мне, что мы уже давно летим не над Сахарой.

— Начинается лес. Почему он такой желтый? Нет, это не потому, что мы пролетаем высоко над ним. Даже вблизи буш не намного зеленее. Скоро мы будем на месте. Учтите, сейчас начало ноября — в Аккре жарко.

Пассажиры уже начали готовиться к посадке. На первый взгляд это выглядело довольно странно. По ходу прошел мужчина, и через некоторое время появился переодетым. Потом я к этому привыкла, но тогда, в первый раз, меня все удивляло.

В туалет зашла женщина в теплом костюме и в двух свитерах, а спустя несколько минут появилась в летнем платье и без чулок. Я подумала, что в ее поступке есть смысл. Когда самолет улетал, в Лондоне было холодно, а в Аккре мы попадем в тропическую жару. Поэтому приготовились и мы с Евой, хотя надо сказать, что переодевание мало помогает. Позже у меня было достаточно возможностей убедиться в этом.

Попробуйте представить себе жаркий летний день, когда небо затянуто тучами, на деревьях не шелохнетсся ни единый листочек, все ждут первого грома и осве-

жающих струй ливня. А не приходилось ли вам зайти в прачечную, когда там кипятят белье? Последнее, пожалуй, лучше всего передает ощущение внезапной влажной жары, когда в течение нескольких секунд все тело становится мокрым. Кожа краснеет, волосы повисают, и вам кажется, что воздуха совсем нет. Примерно так же чувствовали себя и мы с Евой, когда вышли из прохладной кабины и вступили на поданный к самолету трап.

Ева вышла первой. Вслед за ней шагнула и я, взяв дочку за руку, которая мгновенно стала мокрой. Чувствовали мы себя обе одинаково. Ева предвкушала встречу с отцом, который прилетел сюда на несколько недель раньше.

Аэродром и окружающая его местность словно утопали во влажных испарениях. Солнечные лучи с трудом проникали сквозь насыщенный влагой воздух. На аэродроме не бросалось в глаза ни одного яркого пятна, очертания людей растворялись, словно в тумане. Вокруг почти ничего не было видно. Со временем к этому привыкаешь и начинаешь видеть Гану во всей ее красоте.

Мы постарались как можно скорее закончить все формальности. И вот, наконец, наш новый дом. Первым делом забираемся под душ. В дальнейшем он стал для нас одним из любимейших в Аккре мест. По нескольку раз в день мы вставали под прохладные струи воды. А в самые первые часы нашего пребывания в Гане душ доставил нам высшее наслаждение.

Как только я узнала, что мы поедем в Аккру, сразу же стала изучать карту, чтобы отыскать то место, где нам придется жить несколько лет. Оказалось, что столица Ганы лежит немного севернее экватора, и я решила, что хотя здесь между летом и зимой особой разницы не будет, тем не менее самые жаркие месяцы ожидают нас в тот период, когда в Чехословакии лето. Но я ошиблась.

Не только Аккра, но и вся Гана действительно расположена очень близко к экватору и в то же время очень далеко от солнца. Некоторое приближение к нашему светилу или удаление от него в Гане практически никакого влияния на погоду не оказывает. Температур-

ные колебания здесь определяются направлением ветра, который дует либо с моря, то есть с юга, либо с севера — из Сахары.

Ветер с моря приносит дожди. Период дождей по времени совпадает с нашей поздней весной и летом. Во время дождей ливни идут не весь день и не ежедневно, но достаточно часто и обильно. После длительной засухи — это приятная перемена, по крайней мере сначала. Вечерами все-таки прохладней. Иногда приходилось даже надевать свитера. Такие свитера поверх своей яркой одежды носят и местные жители, причем многие из них в этот период сильно простужаются.

Когда я говорю — дождь, то понимаю, что вовсе не выражаю существа этого атмосферного явления в Гане. Это совсем не тот дождь, который нам знаком. Представьте себе самую сильную летнюю грозу, но только не в начале ее, а в самом разгаре. Примерно таков здесь дождь, и длится он не минуты, а долгие часы. Однажды ливень застиг нас на открытой дороге за Аккрой. Мы включили фары, снизили скорость до минимальной, и тем не менее двигаться не могли — невозможно было различить ни метра дороги. Не оставалось ничего иного, как переждать.

Так же как и у нас, ливневые дожди в Аккре сопровождаются молнией и громом. Сила их прямо пропорциональна обилию воды, низвергающейся с неба. На горизонте несколько молний сверкают одновременно. Потом загорается сразу весь небосклон, освещая мрачные тучи, и сразу же начинается ливень, напоминающий водопад. Обильный и беспощадный. Он приносит облегчение растительному миру, но людям иногда причиняет много бедствий. Газеты часто сообщают о том, как дожди размывают глинобитные домики и затопляют целые деревни. Так бывает, когда ветер дует с моря.

Ветер из Сахары называется «харматтан». Вместе с ним в Гану несутся тучи песка, который проникает повсюду и иссушает все, принося с собой страшную жару. В северных областях ветер из пустыни еще ощутимее; проносясь над землей, он оставляет здесь толстый слой песка. Аккры он достигает уже ослабев. Дует харматтан обычно в феврале и марте. Именно эти два месяца самые жаркие и самые сухие.

Неизвестно, что легче переносить — очень сильную жару, когда сухо, или более низкую температуру, но

сопряженную с большой влажностью воздуха. Когда влажно — а этот период длится большую часть года, — то трудно понять, потеете ли вы сами или просто на вас действует влага, скопившаяся в воздухе. Она оседает повсюду, так что даже подушка вечерами часто бывает мокрой. От этой влаги не могут спастись ни люди, ни вещи: кожаные изделия уже через пару недель покрываются в шкафу плесенью.

Вряд ли климат Западной Африки можно назвать здоровым и полезным. Здесь, особенно в прошлом, свирепствовали различные болезни, благодаря чему берега Гвинейского залива получили название «могила белого человека». Медицина не умела тогда бороться с сонной болезнью и малярией. В наши дни положение значительно улучшилось. К климату можно привыкнуть, особенно если соблюдать определенный режим. Мы, например, так приспособились к жаре, что, когда температура падала ниже двадцати градусов, нам становилось холодно. А особенно быстро мы привыкли к морю и песчаным пляжам, согретым солнцем.

«Море никогда не высохнет»

Так гласит ганская пословица. Когда впервые оказываешься на берегу, то убеждаешься в справедливости этих слов. Тому, кто ни разу не видел моря, трудно себе его представить. Так же как тот, кто прожил всю свою жизнь на равнине, не знает, как выглядят горы. Но горы всегда одни и те же, в то время как море меняется ежечасно, изо дня в день. Оно — словно живое существо. Разве можно сравнить спокойную светло-голубую морскую гладь в безветренный день с разбушевавшимися волнами, которые ветер гонит, бросая на скалистые утесы?

Стоишь на берегу и кажется, что идет вечная борьба между морем и сушей. Водная стихия словно хочет вобрать в себя кусок земли, который когда-то был в ее власти. Море посылает в бой свои войска — волну за волной. Каждая из них поднимается, готовясь к решительному штурму. Но далеко ей не уйти. Переоценив свои силы, волна падает и, уже беспомощная, обессиленная, возвращается обратно. По пути назад она сталкивается с идущей навстречу ей следующей волной и

гасит ее. Борьба эта длится тысячелетиями. Веками в ней принимает участие человек. Выступая на стороне суши, защищая свой дом, он старается отобрать у моря хотя бы часть его богатства.

Рыбная ловля — одна из самых древних профессий человека. Ганская легенда утверждает, что в очень далекие времена в морских водах занимался ею Офарни Кваджи — мифический покровитель западноафриканских рыбаков. Ловить рыбу для Офарни Кваджи не составляло большого труда. Он входил в море, которое едва доходило Кваджи до пояса, — такого он был огромного роста — и голыми руками вытаскивал любую рыбу. Сказка может рассказывать и не о таких чудесах, а в жизни «без труда не вынешь и рыбки из пруда». Вот и для ганских рыбаков добывать рыбу из Гвинейского залива нелегко, да и дело это подчас опасное.

Чтобы меньше рисковать, будущие рыбаки стремятся познать море с раннего детства. Этот вероломный враг может стать и верным другом для тех, кто хорошо знает его повадки. Море — огромная сила. Я вспоминаю, как однажды Ева с отцом играли на незащищенном пляже у самого моря. Неожиданно набежала волна и опрокинула их обоих. Не выберись они на берег, прежде чем набежала вторая волна, их унесло бы далеко в море.

Теперь представьте, что в борьбе со стихией рыбаки противопоставляют ей лишь свои утлые лодчонки. Труднее всего приходится им около берега. Только преодолев прибой, могут они бросить весла и начать подготовку к ловле. Сети готовить не надо — на это уже было затрачено немало часов на берегу. Главное — найти рыбный косяк. Места, богатые рыбой, ловцы узнают по цвету воды, а самые опытные из них определяют даже на слух: рыбаки опускают один конец весла в воду, а другой прижимают к уху. И если вокруг тихо, то старый рыбак слышит рыбу под водой.

Лодки ганских рыбаков выдолблены из стволов огромных тропических деревьев. Рыбаки заплывают на них далеко в море. Назад они возвращаются без помощи компаса, дорогу указывают звезды, морские течения и направление ветра. Этому искусству сыновья учатся у отцов. И если случится так, что их знаний окажется недостаточно и кто-нибудь в первый свой самостоятельный рейс не найдет дороги домой, то он не пропадет — в лод-

ке всегда есть неприкосновенный запас продовольствия и воды. Его берут с собой на случай крайней необходимости, но все уверены, что привезут обратно нетронутым.

На берегу рыбаков ждут жены и перекупщики. Лодки еще не успели причалить, их еще не вытащили на берег, а женщины уже бросаются к своим мужьям за уловом. Самых больших рыб они продают на рынке, мелких — сушат и перемалывают в рыбью муку, которая служит приправой к различным блюдам. Часть улова коптят в особых глиняных печах. Но какая бы участь ни ждала пойманную рыбу, транспортируют ее всегда одним и тем же способом — на головах женщин. А рыбаки остаются на берегу, чтобы привести в порядок сети и приготовить лодку для нового плавания, ибо «море никогда не высохнет», но богатство у него нужно отвоевывать снова и снова.

«Для чего у тебя голова на плечах?»

Не раз говорила я так, когда мне казалось, будто Ева вовсе не думает о том, что она делает. В Гане, однако, я поняла, что кроме мышления голова может прекрасно служить для выполнения еще одной важной задачи — переносить такой груз, который вы никогда бы не унесли руками.

Перечень вещей, которые в Гане носят на голове, разнообразен. Тазы, например, служат для доставки рыбы. Они могут быть заполнены также овощами, апельсинами, орехами и другими плодами. Этот груз считается обычным для каждой ганской женщины. С раннего детства она легко шагает, держа груз на голове. Руки свободны и никогда не придерживают ношу. Женщина может бежать, садиться или просто наклоняться, но предмет никогда не упадет. Это кажется чудом. Женщины в Гане располагают груз на голове так, что даже не обращают внимания на его равновесие. Как-то раз на улице я покупала помидоры. Они лежали на одной стороне подноса, на другой — были огурцы. После того как я купила все помидоры, огурцы остались лежать с края. Продавщица не передвинула их на середину подноса. Она подняла его на голову и поспешила к следующей покупательнице, даже не по-

пытавшись поддержать поднос руками. Попробуйте-ка сделать то же самое!

Как-то раз, проезжая недалеко от Аккры, мы встретили элегантно одетую женщину. Ее короткая юбка в стране, где принято носить платье до пят, говорила о том, что это городская жительница. Кстати, мне очень понравилась ее сумочка. А на голове у нее была — нет, не шляпа, а небольшая переносная швейная машина.

Носить вещи на голове, когда руки заняты или когда ноша тяжела, наверняка удобно. Но в Гане на голове приспособливают любой, самый маленький предмет, даже когда руки свободны. Школьники свои ранцы носят таким же образом. Я видела ученика, который балансировал одной-единственной чернильницей на голове. Когда я дала знакомой девочке шоколадку, она решила взять ее домой, чтобы поделиться с родными, и положила на голову.

Эта привычка, точнее, искусство носить грузы на голове, порождена необходимостью. Когда приходится продирается сквозь непролазные джунгли, руки должны быть свободными, чтобы прорубать дорогу. И при встрече с хищником в руках также не должно быть ничего, кроме оружия. Я поняла это позже, побывав в лесном поясе Западной Африки.

Там, в глухих лесах, где находятся самые богатые золотые копи Ганы, расположен поселок Обуаси. Один из инженеров рассказал нам, что в начале века, когда англичане строили рудники, носильщики перенесли все машины и механизмы через джунгли на головах.

Я всегда с удовольствием наблюдала за ганскими девушками, которые легко и грациозно движутся с поклажей на голове. Этой, казалось бы, естественной ловкости они учатся. Я видела, как мать учила свою шестилетнюю дочку носить на голове стебель сахарного тростника. В Европе сахарный тростник не растет, поэтому этот стебель нам трудно себе представить — иногда достигает двух метров в длину и шести сантиметров в диаметре. У девочки на голове было около пяти кривых стеблей. Каждый из них она должна была поставить так, чтобы он не нарушил общего центра тяжести. Попытайтесь найти правильное положение четвертого стебля, когда остальные три готовы упасть при каждом неверном движении. У мамы на голове был точно такой же груз с одной лишь разницей — стеблей

было значительно больше. Когда она увидела, что девочка не справляется с тростником, то придержала свою ношу левой рукой, а правой помогла дочке:

— Как тебе не стыдно! Такая большая и не можешь пронести пару стеблей! Иди впереди меня. И торопись, не должны же мы тратить на такой пустяк целый день!

Так вот, оказывается, для чего у человека голова на плечах!

Музыка — это когда...

Я вспоминаю один из первых вечеров в Аккре. Солнце еще не село, а люди уже понемногу начали собираться перед своими домами, чтобы отдохнуть в прохладе, которую приносит вечер.

Закаты солнца у экватора — это чудное зрелище. Весь небосклон раскрашивается яркими красными и фиолетовыми красками, но эта цветная палитра просвечивает сквозь кроны пальм недолго — в Гане быстро темнеет. И стоит только солнцу скрыться за горизонтом, через полчаса уже наступает полная тьма — как и повсюду вблизи экватора, где солнечные лучи падают на землю почти отвесно.

Было около половины шестого. Умение точно определять время по закату связано с еще одной особенностью экваториальных стран. В течение всего года солнце заходит там около шести часов и около шести утра восходит. Но давайте оставим астрономию и вернемся на вечернюю улицу Аккры. Солнце еще не село, и люди собираются перед деревянными домиками, чтобы поболтать на свежем воздухе.

Дома на этой узкой, боковой улочке маленькие, приземистые. Их обитатели готовят себе пищу во двориках, отделяющих один дом от другого. В жару, естественно, приятнее готовить на улице, на маленькой плите, которую топят древесным углем. Разгоряченное лицо тут все же овеивает легкий ветерок с моря. Во двориках ужинают или отдыхают, расположившись на низких скамейках; дети носятся вокруг, а молодежь ищет, чем бы поразвлечься.

У молодого человека в руках деревянная коробка; он рассеянно постукивает по ней. Вскоре к нему присоединяется юноша, который сидит, широко раздвинув

колени. Стол, разделяющий музыкантов, служит ему барабаном. К двум ударникам присоединяются еще несколько рук, бьющих по чему попало в импровизированном темпе, и вот вам уже музыка для танцев. На отсутствие мелодии танцующие не обращают внимания, но когда мы вслушались в ритм, то нас он тоже увлек, хотя мы и привыкли к более мелодичной музыке.

Ганская музыка, как правило, не очень выразительна, чаще всего варьируется один и тот же мотив. Но тем живее и ярче ритм. А без ритма ганец не мыслит самого себя. Если мне предложили бы охарактеризовать самую типичную черту ганцев, я бы определила ее одним словом — ритм.

Мы уже говорили о том, что носят на головах ганские женщины. Я вспомнила об этом для того, чтобы рассказать еще об одной встрече, которая произошла на улицах Аккры.

Освещали эту совершенно пустынную улицу лишь несколько тусклых лампочек. По ней шла одинокая женщина, на голове которой возвышалась гора хлебных батонов. Это была достаточно внушительная поклажа, основанием которой служила квадратная — метр на метр — доска. Гора была столь высока, что я недоумевала — как она не разваливается. Не было сомнения и в том, что ноша была тяжелой. Женщина явно куда-то спешила, но при этом похлопывала руками по бедрам в такт ритма. Она не шла — она танцевала на улице.

Электрик, который подвешивал нашу новую лампу, тоже воплощал в себе сплошной ритм. Он стучал молотком так, словно работал на ударных инструментах. Слушать эти удары — одно удовольствие. Он бил по гвоздю, создавая живую и сложную мелодию. И когда весь гвоздь вошел по самую шляпку, он все же закончил музыкальную фразу и стукнул по нему еще раз — для завершения такта.

До того как я оказалась в Африке, у меня были определенные представления о том, что является музыкальным инструментом и как звучит музыка. В Гане я убедилась, что музыкальным инструментам нет числа, все зависит от того, умеешь ли ты играть на этом «инструменте». А ганцы могут озвучить и заставить любой предмет исполнять несложную мелодию. На музыкальном отделении Аккрского университета я видела кол-

лекцию народных музыкальных инструментов. Наряду с самыми различными барабанами и трубами из слоновых клыков там были, например, гитары, изготовленные из проволоки и консервных банок из-под селедки. Ганцы овладели техникой игры не только на местных инструментах, но и на самых сложных европейских. Меня всегда поражало их необыкновенное умение импровизировать.

Музыка, настоящая музыка возникает в Гане повсюду, где живут люди. Она стала для них жизненной необходимостью.

Кофи, Кваку и Адвоа

Первый африканец, с которым я познакомилась в Аккре, был Кофи. Потом к нам пришли ставить телефон. Монтера тоже звали Кофи. Из расположенной неподалеку средней школы к нам пришел ученик, который два года назад отдыхал в международном молодежном лагере в Чехословакии. Его звали Кофи. Кофи Гаррисон.

Почему здесь каждого зовут Кофи? Разве в этой стране не знают других имен? Ну, конечно же, это не так. Широко распространены в Гане имена Кваме или Кваку. Ведь неделя имеет семь дней, следовательно, должно быть семь мужских и семь женских имен.

— Разве не понятно? — объясняли мне друзья. — Каждому дню недели соответствует определенное женское и мужское имя. Если ты родился в пятницу, тебя назовут Кофи, если в среду — получишь имя Кваку, а если в субботу, то всю жизнь будут тебя звать Кваме. Но, конечно, если ты не девочка, ведь тогда ты будешь Амма.

Ева родилась в пятницу, и в Гане ее называли бы Афуа. Это имя ей понравилось. Может быть, вам интересно, какое имя относится к тому дню недели, когда родились вы? Пожалуйста:

День недели	Мужское имя	Женское имя
Воскресенье	Кваси	Акосуа
Понедельник	Квадво	Адвоа
Вторник	Квабена	Абенаа

День недели	Мужское имя	Женское имя
Среда	Кваку	Акуа
Четверг	Яв	Яаа
Пятница	Кофи	Афуа
Суббота	Кваме	Амма

Это довольно разумная система, и она могла бы сэкономить ганцам много времени, затрачиваемого на обдумывание имени для нового члена семьи. Но такое решение было бы слишком простым. Поэтому новорожденным кроме традиционного, ганского дают еще одно имя. Так, например, полное имя Кофи — Гаррисон Эдвард Кофи. У других моих знакомых тоже было по два имени. Вероятно для того, чтобы не обижать бабушек и тетушек.

Выбрать имя новорожденному — задача нелегкая, ведь имя дается человеку на всю жизнь. И очень важно, чтобы оно осталось чистым, чтобы к нему не пристало недоброе слово. Наречение проходит в торжественной обстановке, и хотя виновник торжества вряд ли что-нибудь сохранит в памяти, тем не менее у родителей есть повод для праздника.

Народные обычаи не разрешают кому бы то ни было, кроме родителей, видеть ребенка в течение первой недели его жизни. На шестой день после рождения отец приглашает родственников на торжество. Гости, одетые в белое платье, приходят рано утром седьмого дня. Они несут подарки — для ребенка деньги, а для взрослых еду и напитки. Отец приветствует гостей и сообщает имя ребенка. После этого старейший или наиболее уважаемый член семьи ставит перед собой две чаши и берет на руки младенца. В одной чаше чистая вода, в другой — какой-либо напиток, в основном лимонад.

Все это требуется для того, чтобы дать ребенку самый ценный в жизни совет. Затем старейший опускает палец сначала в чистую воду, а потом в лимонад и слегка смачивает губы ребенка. Он первым называет его и добавляет:

— Кофи (или Кваме, или Амма), если ты говоришь, что это — вода, то пусть это действительно будет водой. Кофи, если ты утверждаешь, что это лимонад, то пусть это действительно будет лимонад. Короче, Кофи, пусть каждое твое слово всегда будет правдой.

Потом начинается пиршество, ведь рождение нового члена семьи — это действительно радостное событие. Еще больший восторг вызывает появление на свет двойняшек. По древним обычаям близнецы — священные: им оказываются всяческие почести.

Анимизм распространен среди многих африканских народов. Это архаическая форма верований в сверхъестественные существа. Не понимая причин различных явлений природы, не умея их объяснить, люди пришли к начальной форме религии — анимизму. Почему в море иногда много рыбы, а иногда — нет? Почему оно то спокойно и миролюбиво, то свирепо и враждебно? Поведение моря зависит от настроения могущественного сверхъестественного существа — морского бога Наны Меенсы. Почему вот только что человек был живым, а через секунду его тело уже бездыханно? Его душа наверняка улетела в царство предков. Предки следят за нашей судьбой, и от них зависит, будем ли мы счастливы в этой жизни или нет. Лесные духи решают, выйдет ли из этого ствола хорошая рыбачья лодка. Все эти верования, которые далеко не столь просты, как мы их здесь изложили, в своей совокупности и называются анимистской религией.

Родственники должны приветствовать появление близнецов на свет особенно торжественно, но и самим двойняшкам следует жить по определенным правилам и обычаям.

Мать может носить их вместе, в то время как у большинства ганских племен ей разрешено одновременно держать на руках только одного ребенка. Кстати, это разумное ограничение, ведь матери таскают грудных младенцев за спиной. Одной такой ноши, да еще поклажи на голове — более чем достаточно.

Для близнецов существуют определенные имена, и все, что получает один из них, должен иметь и другой. Но ведь и мы часто одеваем близнецов одинаково, не правда ли? Больше всего мне нравится, однако, убежденность ганцев в том, что близнецы приносят радость и душевный покой. Их родители никогда не должны ссориться — ведь двойняшки этого не любят.

Так что, если рождение Кофи или Адвоа — это счастье, то рождение близнецов — счастье вдвойне.

Сумеют ли договориться?

Я объяснялась в Гане по-английски, и в общем знание этого языка мне хватало для обычных бесед. В магазинах, на рынке, в кино все говорят по-английски. Этот язык был официальным в течение всего времени, пока страна оставалась английской колонией и называлась Золотым Берегом.

Английский язык — язык официальный, но не родной для ганцев. Дома им не пользуются. Как правило, детей учат английскому языку лишь в школе. Старшее поколение ганцев при англичанах не училось. Поэтому сейчас возникает немало проблем, связанных с официальным языком. Государство организует курсы для взрослых, строятся новые школы, чтобы образование могли получить все дети школьного возраста, и все-таки процент тех, кто не умеет писать и читать и даже не говорит по-английски, довольно высок.

Почему же правительство не провозгласит официальным другой язык? Почему оно продолжает культивировать английский, привнесенный чужестранцами? Дело в том, что это не такая уж простая проблема. Ведь в Гане нет языка, на котором говорило бы все или хотя бы большинство населения.

В Гане живет свыше восьми миллионов человек. Это более половины населения Чехословакии. Но если даже нам, говорящим на двух родственных языках — чешском и словацком, эта проблема представляется довольно сложной, то что говорить о Гане, где насчитывается пятьдесят наречий и диалектов, которые в большинстве своем даже не близки друг с другом.

Не все эти наречия одинаково важны, не на всех говорит равное число людей. Основных языков — восемь. На них Управление по ганским наречиям регулярно, раз в две недели, издавало газеты, выпускало книги. Радио Ганы отводило для передач на этих языках специальные часы. Но разве может государство иметь восемь официальных языков? Некоторое представление о том, к чему это могло бы привести, я получила в отделении полиции города Тамале на севере Ганы. Распоряжения издавались там на пяти местных наречиях, да еще по-английски. Вся стена была залеплена сообщениями о продлении удостоверений на право вождения автомобиля до первого декабря, а также о

прививках против желудочных заболеваний скоту. Управлять государством на восьми языках просто немыслимо.

Границы нынешних африканских государств часто возникали случайно, в зависимости от того, какую по величине территорию захватывали отдельные европейские страны. На племенную принадлежность жителей никто не обращал внимания. Когда же бывшие колонии постепенно стали обретать независимость, границы остались прежними. И поэтому одна часть народности эве живет, например, в Восточной Гане, а другая — в Западном Того, которое когда-то было французской колонией.

В Гане проблемы возникают и с письменностью. В литературную форму отдельные африканские языки облекали в основном миссионеры и некоторые европейцы. При этом они придерживались системы, принятой для их родного языка. И если такой миссионер слышал гласную, которой не знал, то он просто придумывал для нее новую букву, новый значок. Эти знаки сохранились до сих пор.

Это были не клетки

— Застегни как следует туфли!

Это были последние слова, сказанные Еве. Новое платье пока еще чистое, волосы уложены, и самая строгая проверка не обнаружила ни малейших следов грязи. Мы отправились наносить свой первый визит новым ганским друзьям. Нас пригласили на обед в семью, где дети были примерно одинакового с Евой возраста — так что мы все с нетерпением ждали интересной встречи.

По дороге я вспомнила, что кое-что все-таки забыла сказать Еве:

— Смотри у меня, чтобы ты съела все. Ни кнедликов, ни других знакомых блюд не будет, но ты не подавай вида, что тебе что-то не нравится, и не ковыряй вилок!

Последние слова я сказала по привычке, ибо Ева ела всегда медленно, и я, конечно, не могла ожидать, что на этот раз она изменит своим привычкам.

От дальнейших наставлений Ёву спасло лишь то, что мне пришлось сосредоточить все свои усилия на поисках дома, куда нас позвали. Наконец мы свернули в улочку, обозначенную на собственноручно нарисованном друзьями плане Аккры. Общей карты столицы Ганы в то время еще не было. Вдоль улочки росли акации, в их ярко-красных цветах утопала зелень листвы. По обе стороны, к садам, огороженным живыми, зелеными заборами, убегали дорожки. За ними скорее угадывались, чем виднелись приземистые коттеджи. Мы находились в районе, где живут высшие государственные чиновники и интеллигенция Ганы.

У входа в один из садов мы увидели табличку с именем пригласившего нас друга и въехали в ворота. Дорожка вела прямо к главному входу и заканчивалась петлей для разворота. Перед нами открылся одноэтажный домик с крытой верандой. Такие коттеджи здесь строили когда-то англичане.

С веранды нас провели в большую гостиную. В центре были в круг расставлены кресла, у каждого стояли маленькие сервизные столики, на которые наши хозяева поставили бокалы с охлажденными напитками. «Что будете пить?» — в тропических странах это первый и очень своевременный вопрос хозяина, когда вы приходите к нему в гости.

Между тем дети отвели Еву в сад. Как они понимали друг друга, не знаю, ибо Ева не говорила на языке га, родном для наших хозяев, но они прекрасно между собой ладили. Когда обед был готов, мы нашли детей с веселым хохотом бегающих друг за другом в саду.

Обед был подан в просторной гостиной, соединенной с кухней небольшим окошком. На стол поставили тарелки с мясом, приготовленным в каком-то соусе, и еще одну тарелку с чем-то, по виду напоминающим наши кнедлики. Ева, которая притихла за столом, при виде их явно развеселилась.

Я смотрела на хозяйку. Она не резала «кнедлики», а брала их ложкой — именно так, как когда-то моя бабушка подавала клецки. Но это блюдо было каким-то тягучим, напоминающим густое, сбитое тесто. Вскоре перед детьми, которые должны были начать есть первыми, уже стояли полные тарелки. Они схватились за ложки. Жидкий соус напоминал суп, который удобнее

всего было есть именно ложкой. Дети наших хозяев с аппетитом начали уплетать любимое блюдо и уже успели поработать ложками, пока Ева решилась последовать их примеру. Вдруг она побледнела, потом покраснела и закашлялась, на глазах выступили слезы. Ева вновь принялась за еду, но результат был тем же. Ганцы с удивлением смотрели на нее.

Попробовав «кнедлики», я сразу же поняла, в чем дело. Мне пришлось перепробовать много всяких блюд, в том числе и острой венгерской кухни, но то, что мы попробовали у наших друзей, не идет ни с чем ни в какое сравнение. Соус так обжег рот, что я даже не ощутила его вкуса. И жалею об этом, потому что готовили его из орехов.

Так «собственный язык» убедил нас в том, что ганская кухня — острая и маленькие красные стручки перца, развешанные на рынках, выставлены вовсе не для показа.

Все дело, видимо, в привычке, потому что даже самые маленькие дети в Гане, как только перестают пить молоко, переходят на очень острую пищу.

Ну, а как же «кнедлики»? Это было «фу-фу», блюдо широко распространенное в Гане. Приготавливают фу-фу не из муки и не варят в соленой воде. Его составная часть — ямс — корнеплод, напоминающий нашу картошку, но значительно более крупный. Повсюду в Гане я видела женщин, которые толкут фу-фу длинными палками в специальных деревянных ступах. На вкус это блюдо слегка напоминает наши клецки без масла. Однако, когда я об этом начинаю рассказывать, Ева всякий раз утверждает, что это были вовсе не клецки.

Блочный дом, простоявший века

Как вы думаете, сколько может простоять блочный дом? Я не знакома со статистическими данными, но на побережье Ганы увидела смонтированное из блоков здание, возраст которого достиг пяти веков. Стены его до сих пор еще прочные, а помещения используются людьми, хотя и не служат первоначальным целям.

Тем, кто интересуется историей архитектуры, могу сообщить, что это здание португальцы построили как крепость, центр сперва золото-, а потом и работорговли. Она носит название Эльмина, что, впрочем, особой роли не играет. Здесь много подобных построек, просто Эльмина — одна из самых ранних.

Эльмина, как и другие крепости ганского побережья, интересна не только с точки зрения архитектуры. Для нас важнее события, которые здесь разыгрывались, цели, ради которых эти сооружения были возведены. Давайте совершим небольшую прогулку по побережью Ганы. Это будет наша прогулка в прошлое.

Мы выехали из Аккры ранним утром, чтобы большую часть пути проделать до тех пор, пока солнце не начнет палить — а в тропиках оно жжет немилосердно! В нашу «шкоду» мы положили термосы с ледяными напитками, фрукты, фотоаппараты и блокноты. Последняя проверка — все ли в порядке. Как будто все. Надо заметить, что мы не испытывали в тропиках со «шкодой» почти никаких хлопот, она «прижилась» в Гане.

По дороге из Аккры на запад путешественника окружает типичный для юга Ганы ландшафт. Сначала моря не видно, вдоль обеих сторон прекрасной автостреды вьется слегка холмистая местность, покрытая буйной, почти непролазной растительностью. Это, собственно, не лес, а скорее кустарники, сквозь которые прорастает густая, высокая трава. Я думаю о том, что у

нас в таких местах обязательно рос бы малинник. Кстати, в Западной Африке мало ароматных фруктов. Даже апельсины и мандарины здесь какие-то пресные. И так захотелось мне родной малинки! Особенно здесь, где все о ней так напоминает.

Примерно часа через полтора дорога приблизилась к побережью; с левой стороны мы увидели море. Ландшафт изменился. Здесь среди дикого бамбука, каучуковых деревьев и вообще всего, что принято называть тропическим лесом, мысль о каких-то кустах малины даже и в голову прийти не могла.

Мы все смотрели туда, где за двумя шеренгами высоких пальм, за яркой лентой желтоватого песка раскинулось море. Двойной ряд кокосовых пальм тянется вдоль всего ганского побережья, словно их кто-то здесь специально посадил. Во время особенно сильных приливов вода подмывает пальмы, и они долго стоят с обнаженными с одной стороны корнями, пока пальма не падает во время очередной бури. Но к этому времени возле нее вырастает другая. Живая лента деревьев, местами узкая, местами широкая, постоянно обновляется. В тени пальм сидят рыбаки, чинят сети или готовятся к выходу в море. А поблизости раскинулись рыбацкие деревни. Дома в них глиняные, перед ними сооружены глиняные же печи для копчения рыбы. Вряд ли приходится гадать о том, чем питаются обитатели этих домиков.

По дороге все чаще попадаются крепости. Окрашенные в белый цвет, они видны издали, и только оконные рамы, лестницы и ворота — черные. Достояния восхищения забота, с которой оберегаются эти исторические памятники. Хотелось бы посетить каждый из них. Но мы торопимся дальше, к Эльмине, самой древней, самой знаменитой из ганских крепостей. Если будет время, на обратном пути заглянем и в другие.

Все окна в машине открыты, но нам совсем не холодно. И вот вдаль мы видим цель своего пути — среди пальм на песчаной косе возвышается Эльмина.

Крепость вновь исчезает из виду — мы проезжаем по городку Эльмина. Миновав мост, который когда-то был подъемным, давая возможность перебраться через ров, защищавший крепость, оказываемся на крепостном подворье. Как и другие крепости, Эльмина сверкает белоснежными стенами. Но мы видим и другие краски:

хаки и черный — цвета мундиров ганских полицейских, для которых это подворье служит учебным плацем. Однако Эльмина открыта для туристов, и мы можем детально ее осмотреть.

Бродим по дому, собранному из блоков пятьсот лет назад, осматриваем стены, каждая из которых была когда-то привезена сюда парусниками из Португалии. В те времена будущие работорговцы прибывали в страну, где хотели удержаться с помощью силы. Им нужна была защита с самого первого дня и полагаться на местные материалы для строительства крепости португальцы не могли. Ведь в течение многих лет европейцы не решались ни на шаг выходить из крепостей. Поэтому они везли с собой каменные блоки, собирая здания на месте. Но надо сказать, что их постройки вовсе не напоминают нам современные блочные дома. Так строили лишь в старину — в древней стене спокойно может уместиться целая комната наших панельных зданий.

Такой, какой мы видим Эльмину сегодня, она стала не сразу. История ее, как жизнь, исчисляется веками. Первыми, кто высадился на место, где была воздвигнута крепость, оказались португальцы. Произошло это в 1471 году. Открытая страна околдовала колонизаторов обилием найденного ими здесь золота.

Знакомясь с дошедшими до нас литературными памятниками, мы обнаруживаем, что золотые украшения, которыми были буквально увешаны местные жители, как магнит, притягивали к себе пришельцев. Золото определило и название, которое португальцы дали месту высадки. Эльмина по-португальски означает «рудник». Именно в связи с золотыми копиями, которые надеялись открыть здесь колонизаторы, и получила свое наименование крепость. Строить ее, или, точнее, собирать, начали в 1481 году.

Не только португальцев влекли сюда легенды о богатстве Африканского континента. Датчане и голландцы, а позже англичане и французы бросились в Африку. И хотя здесь, на побережье, они враждовали и дрались между собой, их цели и методы порабощения местного населения оказались схожими, и сейчас нередко стыдишься того, что ты — европеец, ибо колонизация других континентов — это отнюдь не самые светлые страницы нашей истории.

В 1600—1601 годах в Эльмине жил голландский мореплаватель Питер де Мари. В книге, где он описал свои путешествия, можно прочитать и такие строки:

«Вначале мы их [африканцев] обманывали не только тем, что неправильно мерили полотно, но и тем, что продавали им разбитые тазы, дырявую посуду, гнилые ткани, сквозь которые просыпалась даже фасоль; ножи столь заржавевшие, что их невозможно было, не сломав, вытащить из ножен, и другие такие же товары. Но теперь они стали умнее и хорошо знают наши товары, так что обман почти всегда раскрывается».

Таким образом, африканцы перестали быть доверчивыми и стали внимательно осматривать европейские товары, прежде чем обменять их на золото.

Мы бродили по Эльмине — центру этих «торговых» связей, слушая рассказ гида, из которого было ясно, что надувательство африканцев при обмене товаров — это лишь первая из печальных глав истории крепости.

Нас провели во внутренний двор, где росли тропические цветы. Вдоль стен тянулась галерея с темными помещениями, закрытыми решетками. Здесь был когда-то рынок, на котором продавали в рабство женщин. А в одной из комнат галереи содержались в ожидании смерти взбунтовавшиеся рабы.

Торговля африканскими рабами резко возросла после открытия Америки, которой для обработки многочисленных плантаций требовалась дешевая рабочая сила. Предприимчивые дельцы поняли, что африканцы «прекрасно подходят» для этой цели, и началась эпоха работорговли, не имеющая себе равной в истории.

До наших дней сохранилось воспоминание современника работорговли в Эльмине — голландца Вильяма Босмана. Он провел в принадлежавшей в то время голландцам крепости четырнадцать лет. В 1700 году Босман написал своему другу:

«Рабов для продажи выводят всех вместе, мужчин и женщин, голых, на площадку, и наши врачи тщательно осматривают их. В одну сторону отводят тех, кто абсолютно здоров, в другую — тех, кто имеет какие-то недостатки. Инвалидами считаются все, кому больше тридцати пяти лет, у кого плохо развиты руки или ноги, недостает зубов, или те, кто болен. Когда инвалидов уводят, здоровых мы нумеруем и записываем, кем они поставлены. К этому времени уже готово рас-

каленное клеймо с названием нашей компании, чтобы мы могли выжечь его у каждого раба на груди. Мы делаем это для того, чтобы отличить их от рабов английских и французских, у которых другое клеймо, а также для того, чтобы негры не подменили рабов и не подсунули нам кого похуже... О цене на рабов мы обычно не говорим, так как она более или менее стабильна, причем женщины на четверть или на пятую часть дешевле мужчин. После того как за рабов заплачены деньги, они уже считаются нашими, и нам приходится заботиться об их питании. Мы даем им хлеб и воду, что обходится примерно по два пени в день на раба, и поэтому стараемся как можно скорее отправить их, чтобы не кормить... Вы бы удивились, если увидели их в трюмах кораблей — по шесть, семь сотен в каждом...»

Мы видели темный подземный коридор, по которому рабов гнали из крепости на ожидавший их корабль. Это было место, где они в последний раз касались родной земли и откуда бросали прощальный взгляд на свой дом. Африканцы понимали, что как только их увезут за море, они потеряют последнюю надежду оказаться на свободе. Перед своим последним путем невольники часто оказывали отчаянное сопротивление. Но что могли противопоставить силе безоружные люди? В конце концов работорговцы загоняли их на корабль.

Создали целую науку, как разместить рабов в трюмах. Велись «ученые» диспуты, можно ли разрешить невольникам лежать на спине или их следует укладывать на боку. В первом случае в трюм вмещалось меньше рабов, но зато и смертность среди них была ниже, поэтому многие утверждали, что этот способ выгоднее. В то время путь до Америки, особенно если не благоприятствовал ветер, длился месяца три и случалось, что около четверти рабов не доживали до его конца.

Покидая Эльмину, мы чувствовали себя неважно. Европейцы представились нам такими, какими их видели африканские берега и запомнили здешние крепости. Подобных каменных свидетелей нашей бесславной истории — множество. От некоторых остались лишь развалины, другие хорошо сохранились и до сих пор используются в качестве присутственных мест. У нас не было времени посетить все крепости, но Форт-Вильям мы не могли пропустить.

Он когда-то принадлежал англичанам. Они построили эту крепость на территории, населенной племенем фанти. А на севере, в глубине материка, жили ашанти, которые владели золотом. Как и рабов, добытых в войнах, они продавали золото англичанам. Торговля велась с помощью фанти. Ашанти не были удовлетворены таким положением дел, так как большие барыши от торговли перепали фанти. Началась длительная война, во время которой ашанти оттеснили врага и в конце концов осадили прибрежный поселок Аномабу, где был построен Форт-Вильям. Крепость защищали двадцать пять английских солдат; вместе с ними за ее стенами укрылись две тысячи фанти. Крепость ашанти захватить не смогли, но амбразуры для пушек были так широки, что они сумели перебить большую часть защитников крепости. Наконец, в ней осталось всего лишь восемь боеспособных солдат и так мало продовольствия, что осажденным стал угрожать голод. Команданту форта удалось послать бриг в ближайшую крепость Кейп-Кост, оттуда пришла помощь. Форт-Вильям был спасен. Однако фанти, которые искали здесь защиты, так ее и не получили. Чтобы умиротворить ашанти, англичане при заключении мира отдали в их руки тысячу фанти, а оставшуюся тысячу продали в рабство в Америку.

Вблизи Аномабы расположен лагерь ганской молодежи. Потомки тех, кто испытал на себе все ужасы колониализма, проводят здесь часть своих каникул; купаются в теплом море, играют в футбол.

Все крепости, которые еще сохранились, верой и правдой служат сегодня независимой Гане. В одних разместились органы управления местных властей, в других — гостиницы или увеселительные заведения. А над крепостью в Шаме мы прочли надпись: «You can telephone from here» *. Ни о чем подобном строители крепостей наверняка не помышляли. Хотя и создавали свои блочные сооружения на века.

---

* «Вы можете позвонить отсюда» (англ.).

На улицах Аккры

В период нашего двухлетнего пребывания в Аккре мы жили в Кокомлемле. Слово «Кокомлемле» на языке народа га, населяющего Аккру и ее ближайшие окрестности, означает «Красная вершина». И это действительно вершина. Преимущество ее в том, что сюда долетает ветерок от неблизкого моря. Занавески на наших открытых, защищенных лишь сеткой окнах всегда полоскались. Особенно приятно было по вечерам, когда все мы рассаживались на веранде. При мне нельзя сказать недоброго слова о Кокомлемле — за эти два года я стала истинной его патриоткой, хотя и должна признать, что наша Красная вершина не относится к самым фешенебельным районам столицы Ганы.

Современных районов в Аккре несколько. Центр города — это новые здания и широкие улицы. Когда вы пролетаете над Аккрой или когда смотрите на нее с окружающих холмов, город исчезает под кронами деревьев. В некоторых жилых кварталах деревьев и садов столько, что за ними почти не видно домов.

У нас в Кокомлемле лишь создавался современный жилой район. Деревянные бараки постепенно исчезали, и на их месте появлялось все больше и больше семейных домиков.

Где же мы жили в Кокомлемле? Объяснить это не так просто. Когда мы кого-нибудь впервые звали к себе, находил нас гость далеко не сразу. Можно было назвать порядковый номер здания, сказать, что наш дом находится недалеко от средней школы, но назвать улицу и номер дома мы не могли. Потому что улицы здесь не имеют названий. Подобные трудности испытывали не только мы. Аккра — это город с населением свыше семисот пятидесяти тысяч человек. И в таком городе большинство улиц — безымянные. Имеют назва-

ния лишь главные проспекты. Поэтому все жители и все владельцы магазинов, расположенных на других улицах, должны сами решать эту проблему. Чаще всего ганцы рисуют стрелки и указатели на важнейших перекрестках. Такой указатель может поставить каждый, кто захочет, без специальных на то разрешений. Так что на перекрестках действительно можно многое прочитать. Например, что ясли расположены в двухстах метрах левее, что портниха «икс-игрек» берет недорого и быстро сошьет вам платье, а дом ее вы сможете найти, руководствуясь вот этими стрелками. Вам укажут, куда надо свернуть, чтобы найти дом господина Джеймса Кофи Брауна. Многие можно узнать на перекрестках, но по двухлетнему опыту жизни в Аккре могу сказать, что поиски по этим надписям часто превращаются в целое приключение.

Мне вовсе не хотелось бы работать здесь почтальоном. Впрочем, я бы и не могла им стать — в Аккре, да и вообще в Гане почты на дом не носят. Каждый, кто умеет читать и писать и кто ждет писем, должен арендовать почтовый ящик и сам получать корреспонденцию. Мы ездили к своему ящику на почтамт ежедневно, всегда с нетерпением ожидая писем из дома. И если бы получали их дважды в день, то и в этом случае считали бы, что их приходит слишком мало.

Я сказала, что мы ездили на почту, но необходимо еще объяснить, как аккрские улицы выглядят и какой по ним движется транспорт. Значительную часть Аккры и ее улиц построили англичане. Строительство это они вели для своих собственных нужд — то есть прежде всего для машин. У каждого англичанина был собственный автомобиль, а тот, кто его не имел, ездил на такси. Поэтому здесь прекрасные мостовые и почти нет тротуаров. Вместо них вдоль проезжей части тянутся полосы утрамбованной глины. В большинстве случаев эти «тротуары» отделены от улиц открытым каналом, достаточно глубоким для того, чтобы в период дождей собирать с мостовых воду и спасать их от полного затопления. Для неопытных водителей эти канавы могут оказаться роковыми. Я не раз видела, как на поворотах в них заносило машины.

Должна сказать, что на улицах Аккры робкому и неопытному водителю делать нечего. Вы сможете попасть туда, куда хотите, только в том случае, если

отлично водите машину и обладаете достаточной смелостью. Профессиональные шоферы — главным образом таксисты — так носятся по улицам, что проезд по ним всегда рискован. Втиснуться в поток движущихся автомобилей почти невозможно, по крайней мере для меня это было нелегкой задачей. Как-то раз я поставила машину около универмага. Мне надо было выехать и попасть в левый ряд (в Аккре, как и во всех странах Британского содружества, левостороннее движение), но там машины летели одна за другой. Опытные водители не обращают на это внимания и смело выезжают вперед, уверенные, что кто-нибудь уступит им дорогу. Обычно так и случается, ну, а если не повезет — машина будет разбита. Кстати, изуродованных машин здесь больше чем достаточно. Поэтому я всегда покорно ожидала, пока кто-нибудь из водителей не проявит ко мне жалости и не притормозит, пропуская меня в ряд.

Улицы Аккры — нелегкий орешек для шофера. Но самые большие неприятности ожидают вас, если пристроиться за «тро-тро». Выражение это требует, впрочем, дополнительного пояснения.

Внимание, тро-тро!

Тро-тро, или мамми-лорри, — самый распространенный вид транспорта в Аккре. И к тому же — самый демократичный. Местные жители утверждают, что он надежнее и удобнее, чем автобусы городского транспортного агентства. Надежнее? Бесспорно, но только в том случае, если тро-тро вообще доберется до цели, не развалившись под тяжестью своего груза. Что же касается удобств, то тут я решительно не могу согласиться с этим утверждением.

История тро-тро начинается так. Жил-был однажды владелец и одновременно шофер небольшого грузовика. С годами водитель становился старше и его грузовичок тоже. Но человек выносливее машины, особенно если она ездит по сельским дорогам Ганы. Случилось так, что водителю понадобилось ездить и дальше, чтобы заработать себе на жизнь, но его машина перевозить грузы уже не могла. А нашему герою как раз нужно было попасть на другой конец Аккры. Он дисциплини-

рованно ждал автобус в очереди, как это здесь принято, и слушал, как пассажиры ругают городской транспорт. Однако наш водитель, будучи человеком дела, пошел дальше слов. Ему пришла в голову мысль, которая вскоре изменила всю систему общественного транспорта в Аккре. Как и все великие идеи, она была проста: свой грузовичок он решил использовать для перевозки людей. Достаточно было поставить вдоль бортов несколько скамеек — самых простых, без спинок — и соорудить деревянную крышу, чтобы пассажиров не мочил дождь и не пекло солнце, и новый вид городского транспорта обрел свои права.

Естественно, что столь прекрасная идея быстро нашла своих последователей. Сегодня мамми-лорри (тро-тро) можно встретить в Аккре на каждом шагу. Вас интересует, откуда пошло двойное название? Лорри — это грузовик, а мамми — рыночная торговка. Последние — постоянные пассажирки этого вида транспорта. Они перевозят на мамми-лорри свои товары на рынок, и нередко на весьма значительные расстояния. Хорошие идеи распространяются быстро. Мамми-лорри сейчас уже привилегия не только столицы.

Что касается второго названия — «тро-тро», то оно происходит от слова «три», звучащего на аккрском «диалекте» английского языка, как «тро». Три пенса — стоимость поездки на этом виде транспорта, куда бы вы ни ехали. Отсюда и название. Трехпенсовые монетки собирает с пассажиров кондуктор, сидящий сзади. Он следит за теми, кто прыгает через борт грузовика, и рассаживает их по скамьям. Плату за проезд пассажиры передают друг другу, так же как это бывает у нас в переполненных троллейбусах. Однако в отличие от троллейбусов, трамваев и вообще большинства транспортных средств мира тро-тро не имеет определенного маршрута. Он идет и останавливается по желанию пассажиров.

Хуже всего если вы, ведя машину, пристроитесь за тро-тро. Никто не знает, куда он свернет и где может остановиться. Кроме того, из кузова грузовика постоянно со всех сторон выскакивают люди. Как правило, это молодые парни, но иногда и стройные торговки. Они, правда, чаще всего выходят у рынка. Давайте и мы последуем за ними.

На рынке есть все

Когда я впервые ехала на аккрский рынок, то сгорала от любопытства. Я много наслышалась об африканских рынках. Знакомые предупреждали меня — ни в коем случае не следует платить на рынке цену, запрошенную продавцом. Покупка удачна, если заплачена треть первоначальной цены. Можно смириться и с половиной. Но больше платить не надо. Этого не знают лишь неопытные новички.

Должна признаться, что таким неопытным новичком я была довольно долго. И все же в конце концов научилась торговаться.

Вы, например, остановились около продавца, который разложил на земле изделия из кожи, слоновой кости и тому подобные предметы. Вам понравилась змеиная кожа, и вы решили ее купить. Прежде всего вы выражаете восхищение ожерельем из слоновой кости. Затем спрашиваете, сколько оно стоит. Как того и ожидает продавец, поражаетесь его цене и называете свою — примерно половину реальной, с вашей точки зрения, стоимости предмета. Теперь, как и следовало ожидать, поражается продавец. Вы некоторое время торгуетесь, он чуть сбавляет цену, вы слегка прибавляете. Когда вам кажется, что торг длится слишком долго, вы заявляете, что договориться вам, видно, не удастся, и поэтому уходите. И действительно, делаете несколько шагов в сторону. Продавец зовет вас, вы неохотно возвращаетесь и мимоходом спрашиваете, сколько стоит кожа, которую и собираетесь купить. Узнав ее цену, вы снова все внимание уделяете ожерелью. Игра эта длится довольно долго, причем все расписано как по нотам. Наконец вы сходите на цене кожи, забираете ее и уходите. Продавец кричит вам вдогонку о том, как он продешевил, какой понес убыток, что он это сделал только ради вас, только потому, что вы его лучший друг.

Может быть, вам когда-нибудь пригодится мой опыт. Повторяю — его приобретаешь с трудом, и за него приходится дорого платить.

И еще одно. Как правило, намного выгоднее покупать у продавца, чем у опытной торговки, ибо мамис (именно от них идет название мамми-лорри) воплощают в себе своеобразный институт, без которого я не

представляю Западной Африки. Существенная часть торговых операций совершается с их участием, и именно они обеспечивают бесперебойное снабжение продовольствием жителей Аккры. Мамис продают все, что угодно. И встретить их можно повсюду, но главным образом на рынках. А их в Аккре несколько. На один из них мы и отправились.

Сейчас в Аккре торговать разрешено лишь в определенных местах, однако мамис встречаются на каждом шагу. Они несут свои товары на головах или раскладывают их на краю дороги, издали зазывая прохожих. Они часто продают горячие блюда, которые готовят прямо на месте на маленькой жаровне, разогреваемой древесным углем. Вы можете полакомиться крупными бананами — плантенами, поджаренными на растительном масле; мясом, сваренным в остром соусе, и другими подобными блюдами.

Любимый товар торговков — апельсины. В Гане их выращивают много. На земле стоят тазы, полные апельсинов. Продащицы берут их по очереди и ловкими, быстрыми движениями маленького острого ножа снимают кожуру. На землю падают оранжевые очистки, а в руках остается сам апельсин, на белой коже которого остаются различные, в зависимости от опыта продавщицы, узоры. С очищенного таким образом апельсина срезают верхушку, его сок выпивают, а все остальное выбрасывают. Это дешево, полезно. Апельсиновый сок хорошо освежает. Так же освежают и различные напитки, которые продаются на улицах Аккры. Повсюду можно купить молоко или какао. Оно всегда холодное, упаковано по всем правилам гигиены в воощеных пакетах, и жаль, что у нас не видишь людей, пьющих молоко на улицах, как в Аккре.

Но это все еще не сам рынок, это только улицы. Что-то никак мы до него не доедем. Наконец мы на рынке. Но здесь приходится смириться с черепашью темпом — торопиться нельзя.

Людей столько, что тот, кто знаком лишь с европейскими городами, не сможет себе даже представить такой массы народа, собранной в одном месте. Когда вы пробираетесь по главной улице в шесть часов вечера за три дня до Нового года в толпе, стремящейся все скупить, то давка здесь еще не так сильна и толпа одноэтажна, хотя есть люди высокие, есть

низкие и тут же под ногами вертятся дети. Но все-таки в основном все находятся примерно на одном уровне. Внизу — ноги, сверху — головы. В худшем случае кто-нибудь вам наступит на ногу, но и это можно пережить.

На рынках Аккры давка «многоэтажна». Где-то в самом низу разложили свои товары те, у кого нет собственных лотков. Вокруг них, ползая на четвереньках, играют дети. Нужно быть очень внимательным, чтобы не раздавить им руки или ноги. Над этим партером возвышается бельэтаж самих продавцов, сидящих около товара. Они во весь голос расхваливают свои изделия, зазывая покупателей. Если им кажется, что они уже не в состоянии перекричать окружающих, то хватаются за колокол и начинают неустанно и оглушающе звонить. Бельэтаж рынка, без сомнения, самый шумный.

Но и первый ряд балкона стремится от него не отстать. Над деревянными лотками с самым различным товаром — бижутерией, консервными банками, порошками для чистки посуды и самой посудой (список всех этих товаров столь обширен, что занял бы не одну главу) — стоят торговки и звонкими голосами предлагают, уговаривают, смеются, ссорятся друг с другом — словом, делают все, чтобы и их голос, несмотря на жесточайшую звуковую конкуренцию, тоже был слышен.

Но вы ошибетесь, если подумаете, что эти торговки довершили нашу «постройку». Остается еще чердак. Высоко над головами возвышаются сосуды и тазы с товарами, которые проносят на голове. Меня всегда охватывало чувство, что я бесследно теряюсь среди этих ярких вершин, и я казалась сама себе совсем маленькой, едва заметной. И вообще на рынке я даже больше чувствовала свою беспомощность, чем в тот момент, когда меня покачивали волны океана, и я поражалась пресловутым аккрским мамис, чувствовавшим себя как дома именно здесь, в этой среде, которую они, собственно, сами и создают.

Я побывала на всех рынках Аккры, но больше всего любила Джеймстаунский. Джеймстаун — это старейший район Аккры, расположенный у самого моря; его рынок специализируется на продаже продовольственных товаров. Меня привлекали фруктовые ряды, и

я никогда не могла заставить себя покинуть ананасовую улочку. Рядом с ней располагались банановая и апельсиновая. При всем хаосе, который я описала, на рынках Ганы существует определенная система. Если вы ищете какой-то товар, то найдете его всегда на одном и том же месте. Так, например, однажды я увидела эмалированную посуду с клеймом «*made in Czechoslovakia*». И тут же оказалось множество различных чехословацких изделий — цветные носовые платки, мужские сорочки, полотенца и, естественно, туфли и бижутерия.

В настоящее время меняется структура и характер нашего экспорта в Гану, все более популярными становятся здесь чехословацкие трактора, автомобили, станки. Но и традиционных товаров тоже достаточно.

В крупных магазинах можно увидеть пражскую ветчину и купить чешское пиво, а «шкоды» на столичных улицах чувствуют себя как дома.

На раундбауте — налево

Раундбаут — это английское название и перевести его можно весьма приблизительно выражением «кружись-вертись». Но это не детская игра и не хоровод, а серьезное решение важной проблемы.

В центре перекрестка располагается круг с травянистой или цветочной клумбой. На раундбауте — всегда одностороннее движение и машины движутся в левую сторону. Это напоминает наше «круговое движение» на больших площадях. Если вы на таком перекрестке хотите свернуть в первый переулок справа, вам придется раундбаут объехать, так как в Гане левостороннее движение. И еще одно важное правило — преимущественно всегда пользуются машины, движущиеся вокруг центра перекрестка, по сравнению с машинами, выезжающими на него.

Впервые раундбауты я увидела в Англии. Они мне показались практичными, повышающими безопасность движения. Но в Аккре они мне понравились еще больше. Ведь что ни говори, Аккра — это не только рынки и улицы без тротуаров. Аккра — это современный город с такими архитектурными ансамблями, которые вызывали у нас настоящую зависть. Раундбауты — лишь одна из черт современной столицы Ганы.

Если вы от раундбаута на площади Национального освобождения направитесь вниз, к морю, то окажетесь на главной улице Аккры — проспекте Свободы. Он разделен зеленой полосой на две линии одностороннего движения. Машин здесь много, и чем дальше вы продвигаетесь вперед, тем чаще и дольше вам приходится ждать на перекрестках. Если при этом раскаленное солнце висит прямо над головой, то ожидание это не из приятных. С правой стороны вы оставляете трехэтажный универмаг «Кингсвей». Напротив — современное здание банка, а в боковой улочке разместились магазины государственной торговой сети. Они так же хорошо снабжаются, как и «Кингсвей», и в них столь же удобно делать покупки. Впрочем, на проспекте Свободы магазинов больше чем достаточно. В большинстве своем это частные лавки ливанцев и индийцев — они ведут торговлю во всей Западной Африке.

Если с площади Национального освобождения повернуть налево, то вы увидите Дом профсоюзов Ганы и здания некоторых министерств. Все они построены после завоевания Ганой независимости. И всюду — новостройки. Тропическая архитектура вписывается в зеленый наряд так, словно они соседствовали многие века. Большие окна зданий расположены друг против друга, и в помещении все время ощущается ветерок. У многих домов имеются галереи, построенные так, чтобы коридоры не препятствовали сквознякам. Окна закрывают защитные козырьки от солнца.

Однако легче всего переносить жару в здании университета. Аккрский университет расположен за городом на вершине холма Легон. На самом вершуре построен большой зал и стела, поставленная в честь независимой Ганы. К ней ведет широкая дорога, по обеим сторонам которой расположены приземистые здания факультетов. Более высокие постройки — это студенческие общежития. Легон — трехцветный: зеленый, белый и красный. Зеленый — это великолепно ухоженные газоны. Ослепительной белизной сверкают стены зданий. А красный цвет — черепичные крыши домов и цветущие сады. И еще Легон немного фиолетовый. Лотосы распускаются в бассейне перед университетской библиотекой. Моя память неразрывно связывала их с университетом.

Я много раз бывала здесь. Иногда приходила поку-

пять книги, иногда заглядывала в библиотеку, а чаще всего, особенно вечерами, мы приезжали сюда просто погулять. В Легоне всегда дует свежий ветерок.

В День открытых дверей студенты и студентки подробно познакомили нас с отдельными зданиями и факультетами. Среди наших гидов была Грейс Офори, студентка первого курса исторического факультета. Родилась она в деревне недалеко от Аккры. После окончания университета собиралась преподавать в средней школе, но сейчас приближалась пора первой сессии и ни о чем другом думать она не могла. Я подумала, что Грейс вполне сошла бы за пражскую студентку. Те же заботы, те же надежды и мечты. И какое значение может иметь цвет кожи?

Аккрский университет — это не единственное высшее учебное заведение в Гане. В главном городе области Ашанти — Кумаси есть Высшее техническое училище. Позже возник педагогический институт в приморском городе Кейп-Косте. Чехословацкие специалисты оборудовали все лаборатории нового вуза.

Высшие учебные заведения, открытые за последние годы, имеют для Ганы куда большее значение, чем просто механическое добавление к старому университету. Учеба здесь основана на иных принципах, отличающихся от тех, которые внедрялись англичанами. Эти институты уже не являются филиалами лондонских вузов, как это было раньше, когда создавались первые факультеты на легонском холме. Они стали самостоятельными национальными высшими учебными заведениями. В соответствии с этим определены цели учебы и содержание отдельных дисциплин. Каждый студент, на каком бы факультете он ни учился, обязан прослушать курс: «Изучение Африки». Сюда входят — фольклор, история, география. И это понятно — будущих специалистов ждут большие задачи в деле развития африканской культуры в целом. А пока что культурных мероприятий проводится еще мало. Самым распространенным видом развлечений является кино, где демонстрируются иностранные картины.

Чтобы посмотреть их, нам придется третий раз вернуться на площадь Национального освобождения, где находится кинотеатр «Орион», один из крупнейших в городе.

Экран моннет от дождя

Субботнее утро. В «Орионе» идет детский сеанс. Показывают мультипликационный фильм Уолта Диснея о Золушке. Мы поставили свою «октавию» на стоянку рядом с другими машинами и пошли за билетами. Сам театр, или, точнее, вход в него, расположен в отдельном здании. Мы останавливаемся купить воды и с бутылкой в руке входим в зрительный зал. Пробираемся поближе к центру — там больше всего ощущается ветерок. Последние ряды зрительного зала находятся под крышей, остальные места и экран — под открытым небом. Правда, вначале я больше смотрела на звездное небо, чем на экран, но потом привыкла к несколько необычной обстановке и отвлечь меня могли лишь огни пролетающего над зрительным залом самолета.

Ряды представляли собой свободно поставленные стулья, и время от времени кто-либо двигался, чтобы лучше видеть или вытянуть затекшие ноги. Тишины в зале никто не требует и не соблюдает, особенно когда идет фильм с драками, погонями и стрельбой. Зрители вначале аплодируют и кричат, потом поднимаются с мест, а самые горячие из них вскакивают на стулья, чтобы подбадривать полюбившихся им героев. Ни один режиссер не может пожаловаться на то, что его фильм был здесь принят холодно.

Перед началом сеанса из динамика раздались слова: «Дамы и господа, прошу встать, исполняется государственный гимн». На экране появились цветные кадры: почетный караул в красной форме с ганским национальным флагом. Солдаты стоят по команде «смирно», и, как только начинает звучать гимн, знаменосец склоняет флаг. Все зрители стояли до окончания гимна. Не только демонстрация кинофильмов, но и все другие культурные мероприятия в Гане начинаются с исполнения государственного гимна.

После гимна — перерыв, затем идет реклама. Но это не те рекламные объявления, к которым мы привыкли у себя дома. Здесь каждый рекламный ролик — маленький художественный фильм, герои которого — чаще всего с помощью песенок — стараются убедить вас в преимуществах того или иного сорта лимонада, внушают, где лучше покупать продукты и какой автомобиль самый надежный. Песенки и припевы рекламных роликов

довольно популярны. Зрители с удовольствием их подхватывают. К тому времени уже каждый выпил свой лимонад и поставил пустую бутылку в проходе между рядами. Тот, кто опоздал или двинул стулом, нередко с шумом опрокидывает какую-нибудь из бутылок на бетонный пол. Но это мелочи, на которые никто не обращает внимания. Все увлечены фильмом.

Самым рискованным в Гане приключением является возвращение домой из кинотеатра, так как большая часть зрителей приехала на собственных машинах. Так уж получается — те, у кого нет денег на машину, не могут и слишком часто ходить в кино, так как билеты совсем не дешевы. И уж если они решили посмотреть фильм, то идут не в такой дорогой кинотеатр, как «Орион». Поэтому после окончания сеанса «моторизованные» зрители бросаются к машинам и начинается суматоха. Каждый считает делом своей шоферской чести выехать со стоянки по узкой дорожке одним из первых. Все спешат, рвутся вперед. Не знаю, как это получается, но в конце концов все выбираются целыми и невредимыми. Кроме слегка оцарапанных бамперов, я за два года поездок в кино не видела ни одного столкновения. Еще более оживлен разезд из кинотеатра в дождь.

Я думала, что во время проливного дождя смотреть здесь картину нельзя, так как падающие струи воды просто закроют экран. Но и на этот раз ошиблась. Когда начинается дождь, зрители аккрских кинотеатров прячутся в закрытой части зала и продолжают следить за тем, что происходит на экране. Кошмар начинается после окончания сеанса. Пока от выхода добежишь до машины — промокнешь насквозь. Но еще больше достается тем, кто надеется добраться домой автобусом, тро-тро или пешком.

Еще совсем недавно самое бедственное положение испытывали зрители кинотеатра «Орион». Я сама видела машину, по крышу залитую водой. В течение многих лет именно на этом перекрестке возникали самые сложные транспортные проблемы в период дождей. Сюда, на площадь, выходят улицы, спускающиеся с холма Кокомлемле. В ливень они превращаются в горные реки. Около площади протекает речка Одав. Обычно она лениво струится по своему бетонному руслу, но в июне выходит из берегов. Бурные потоки воды каж-

дый год превращали площадь перед кинотеатром в почти непреодолимую для транспорта водную преграду.

В 1963 году проезд здесь был закрыт еще до начала периода дождей. Однажды я отправилась в город за покупками и увидела, как рабочие перекапывают улицу. Нам пришлось потом долго объезжать этот перекресток — здесь строился огромный двойной туннель для отвода воды в море. Свыше четырехсот человек трудились на стройке. И в 1964 году, когда начались дожди, наводнений уже не возникало.

Кстати, вода с площади стекает в лагуну, которая называется Корле Бу. Это почти полностью закрытая морская бухта, соединенная с морем узким проливом. Во время отлива связь прерывается, и лагуна превращается в озеро. Раньше, читая о лагунах, я представляла себе тропическую природу, стройные пальмы, синее море и белый песок. Все это так, но рядом с лагуной Корле Бу находится вонючее гнилое болото, откуда разлетаются тучи малярийных комаров. Поэтому было принято решение большую часть лагуны осушить, а в оставшейся части углубить дно, построить современные пляжи и создать зону отдыха. Свежей водой наряду с морем лагуну будет питать также и речка Одав, стекающая сюда по подземному руслу с площади, которая уже не превращается в озеро, какой бы силы ливень ни поливал экран кинотеатра.

Из Аккры в Такоради

Мы отправились по уже знакомой дороге из Аккры на запад, вдоль берега моря. Вновь проезжаем мимо крепостей, которые когда-то были центрами работорговли, но теперь мы здесь не останавливаемся, наша цель — портовый город Такоради.

Не доезжая до Эльмины, минуем Кейп-Кост, бывшую столицу британской колонии Золотой Берег, с городской крепостью — первым пунктом, когда-то захваченным англичанами.

В самом начале колонизации европейцы владели крепостями, но не территорией вокруг них. Они покупали лишь те товары, которые приносило сюда местное население. Но шло время, и такой вид торговых связей становился все менее эффективным.

Первый английский корабль бросил якорь у Кейп-Коста в 1554 году. По утверждению капитана Джона Локка, здесь была деревня, состоявшая из двадцати домов, окруженных высоким забором. Со временем эта крепость стала приобретать все большее значение. Она была расположена вблизи от Мансы, главного торгового центра, где ашанти продавали рабов фанти. И поэтому не случайно именно в Кейп-Косте колонизаторы сделали следующий шаг — они вышли из крепости и двинулись в глубь материка. В 1844 году англичане заключили с местными предводителями соглашение, по которому взяли на себя «защиту» их территории. Прошло сто тринадцать лет, прежде чем народ Ганы избавился от этой «защиты».

Орудия в Кейп-Косте уже давно никому не угрожают. В самой крепости расположился местный суд, возле ее стен рыбаки чинят свои сети и готовятся к выходу в море. А мы тем временем едем дальше в направлении Секонди — Такоради.

За Эльминой ландшафт меняется. Западное побережье Ганы не похоже на равнину, окружающую Ак-

кру. Здесь покрытые лесом пологие холмы спускаются к самому морю. Растительный мир становится все более богатым, чаще встречаются масличные пальмы и заросли бамбука. А почва по бокам дороги и на проселках такая красная, что кажется искусственной среди окружающей ее зелени. Не только суша, но и само море становится все менее однообразным. В чаще попадаются небольшие пальмовые островки.

В лесах много гигантских деревьев; их редкая древесина пользуется большим спросом на мировом рынке. Лесной пояс Ганы, поднимаясь клином к северу, становится все шире, пока не достигает засушливого пояса. Леса — это одно из важнейших богатств страны, и мы еще вернемся к ним. А пока что нас интересует юг Ганы — дорога, которая ведет в Секонди — Тако-ради.

Близится полдень, и нас все больше мучает жажда. Мы останавливаем машину чтобы глотнуть воды из термоса и немного размяться. «Октавия» стоит в тени высокой пальмы. Ева долго рассматривает пальму.

— Почему она такая зеленая, и почему на ней не растут кокосовые орехи? — спрашивает она.

Моя дочка ошибается. Это масличная пальма и на ней не может быть кокосов.

Масличная пальма

Вначале все пальмы казались нам «на одно лицо», но теперь я отличаю их так же легко, как яблоню от груши. У кокосовой — листья, или, точнее, побеги, длиннее и цвет у них желтовато-золотистый. Когда поднимается ветер, ее крона начинает грациозно и легко раскачиваться. Масличная пальма — ядовито-зеленого цвета. В то время как орехи кокосовой пальмы легко различимы издали, плоды и цветы масличной скрыты там, откуда вырастут сами листья. Они расположены прямо у мочуемого ствола и надо близко подойти к пальме, чтобы их разглядеть.

Масличная пальма дает не только масло, но и многие другие важные продукты. И супом и хорошим вином снабжает эта пальма ганцев. Хотите, например, пальмовый суп? Этот жирный суп (в пальмовых орешках содержится много масла), приготовленный из паль-

мовых плодов, здесь называется «*palm nut soup*». Пальмовое масло выжимают и употребляют в пищу. В Гане всё жарят: например, одно из любимых местных блюд — жареные платаны (большие бананы).

Вино из сока масличной пальмы мне не очень понравилось — показалось слишком терпким, но ганцы его любят. Обычно вино тем лучше, чем больше его выдерживают, а вот для пальмового вина время — враг. Его надо выпить в течение суток, иначе вино прокиснет. Не буду вдаваться в технологию его приготовления.

Итак, немаловажную роль масличная пальма играет в народном хозяйстве Ганы. Ганцы очень ценят ее, ведь масличная пальма непритязательна. Популярность не вскружила ей голову. Уже на третий год она начинает плодоносить и дает плоды до конца своей пятидесяти-, а то и семидесятилетней жизни. За четверть века она вырастает до десяти метров, и тогда уже взобраться по стволу с мачете в руках, чтобы собрать урожай, становится практически невозможно. Выход прост — надо найти другую пальму, помоложе.

В лесном поясе Тропической Африки масличную пальму специально не культивировали. Стоило взобраться на дикую пальму, и можно было ножом срезать гроздь плодов. И все же хотя она и плодоносит круглый год, так что на одном и том же стволе можно одновременно обнаружить и цветы, и зрелые плоды, тем не менее урожаи бывают незначительными. Поэтому на специальных фермах предпринимаются попытки выращивать масличные пальмы, добиваясь получения высоких урожаев. Пока что на этом пути сделаны первые шаги, но число экспериментальных хозяйств все время растет.

Мы посетили одну из таких ферм, расположенную в Сесе, недалеко от Такоради. Дорога к ней была покрыта красной пылью. За нашей машиной поднималась туча, которая неохотно и лениво опускалась на землю. По мере нашего продвижения по обеим сторонам дороги все чаще стали попадаться масличные пальмы, пока они наконец не вытеснили все остальные породы деревьев. Пальмы росли правильными рядами. Почва между ними была лишена всяких трав и кустарников — явный признак вмешательства человека. Вскоре мы выехали на просеку, посреди которой стояла небольшая фабрика по выработке масла из пальмовых орехов.

Сюда как раз подвезли только что собранный урожай, и нам удалось внимательно рассмотреть пальмовые плоды. Несколько сотен орешков величиной со сливу каждый, крепко прилепившись друг к другу, составляют гроздь от золотистого до медно-красного цвета, которая весит от двадцати до тридцати килограммов. Я вскрыла один орех, и тут же ладони мне залило маслом, которым пропитана волокнистая ткань под кожей. Прессуя эту ткань, ганцы получают масло бледно-красного оттенка. Из-за этого цвета с пальмовым маслом связана жуткая легенда. Согласно местным верованиям колдуны высасывают из жил больных кровь и превращают ее в пальмовое масло.

Я видела, как из-под прессов в Сесе вытекает пальмовое масло, но оно совсем не было похоже на кровь. Может быть, когда ганцы варят орешки у себя в деревнях и затем из размягченных плодов выдавливают масло домашним способом, оно приобретает более яркий цвет. Но я этого не знаю.

Сож выжат, остаются сухие волокна и твердые ядрышки с очень крепкой скорлупой. Поэтому в Гане их выбрасывают. Однако эти ядра представляют собой немалую ценность. Их можно было бы даже экспортировать, так как из белой массы ядер масличных орешков в Европе делают особое масло, которое затем идет на изготовление маргарина, высококачественного мыла и свечей. В Англии на нем даже жарят рыбу, картофель и другие продукты.

И в Гане, и за ее рубежами спрос на пальмовое масло очень велик. Директор фабрики в Сесе нам говорил, что он легко мог бы найти покупателей, даже если бы производил масла в несколько раз больше. Фабрика перерабатывает пока урожай с трех тысяч гектаров плантаций. Пальмы тут сравнительно молодые — первые были высажены в сороковых годах. Но учет, надо сказать, ведется точный — на каждом гектаре растет сто тридцать семь пальм.

Здесь не только считают пальмы, но и заботятся о каждой из них, оберегают их от насекомых и регулярно удобряют почву. В общем работы не очень много, но пальма платит людям трсйным урожаем. Сейчас перед Ганой стоит задача — широко распространить опыт, приобретенный в Сесе.

Чтобы добиться более высоких урожаев, необходимо

культивировать и другие полезные растения. Ганцы этому искусству постепенно учатся. Примером может служить каучуковое дерево.

С деревьев капает латекс

Вокруг нас раскинулись густые леса западного побережья Ганы. После однообразной равнины, которая окружает Аккру, зеленый ландшафт радовал глаз. Мы сожалели лишь о том, что заросли оказались такими густыми: отличить одно дерево от другого было почти невозможно. На фотоснимках, как правило, получалась сплошная зеленая стена.

Вскоре кроме различных видов пальм и высоких бамбуковых рощ мы научились распознавать еще один вид деревьев — стройные каучуконосы. Эта задача облегчалась еще и тем, что каучуковые деревья высаживаются на плантациях, где за ними заботливо ухаживают.

Если бы мы отправились в Такоради лет двадцать назад, то каучуконосов здесь не нашли бы. А еще раньше, примерно в конце XIX века, когда Золотой Берег был третьим в мире производителем природного каучука, он добывался из сока растущей в джунглях лианы. Впрочем, и для пришельца из Азии — каучуконоса гевеи — природой здесь были созданы прекрасные условия: очень жаркий климат с обильными осадками — около двухсот сантиметров в год. Но английские колонизаторы распорядились по-своему. Каждая их колония должна была производить те виды продуктов, которые считались выгодными для метрополии. Это удешевляло перевозки, позволяло лучше использовать английских специалистов и вообще давало колонизаторам много других преимуществ.

Короче говоря, англичане решили, что выращивать каучуконосы следует в азиатских колониях. Гане же была определена другая специализация — шоколадное дерево.

Так продолжалось до конца пятидесятих годов нашего столетия. Правительство независимой Ганы сразу же обратило внимание на производство каучука. Ведь если страна зависит от одной культуры, как, например, когда-то Куба от сахарного тростника или та же Га-

на — от какао-бобов, то ее экономическое положение весьма непрочное. Падение цен на мировом рынке или неурожай влекут за собой тяжелые последствия. Правительство Ганы понимало, что ассортимент сельскохозяйственных продуктов необходимо резко расширять. Каучуконосы оказались для этого самой подходящей культурой.

Но производить каучук нужно и по другой причине. Мы уже говорили о дорогах Ганы и о машинах и автобусах, которые мчатся по ним. Если число всех машин умножить на четыре, то мы получим необходимое количество колес. Я не знаю, с чем можно сравнить самые плохие проселочные дороги Ганы. Известно лишь, что на них «летит» огромное количество покрышек. И каждую из них нужно было привозить с другого континента, а ведь каучуконос — местное растение. Подобных несуразностей при колонизаторах было предостаточно. Та из них, о которой мы только что говорили, уже исправляется.

Когда вы будете читать эти строки, положение изменится. Ведь уже в середине шестидесятых годов в Бонсане несколько человек, вооруженных примитивным оборудованием, исследовали местность с целью определить, где лучше строить завод по производству покрышек. В то же время в Праге в объединении «Техноэкспорт» заканчивали проект этого завода. К переработке сока каучуконоса готовились не только чехословацкие специалисты, но и ганские растениеводы.

На одной из плантаций мы разговорились с местными специалистами. Наш проводник надрезал острым ножом ствол, и из косога среза каплями потекло густое, белое молоко. Это было еще молодое деревце, которое примерно через год даст столько латекса, что его можно будет использовать промышленным способом. Я растерла одну из капель и убедилась, что она не имеет никакого специфического запаха и быстро высыхает. Между большим и указательным пальцем протянулась белая ленточка. Она уже растягивалась как резина.

Из молодого деревца вытекло еще несколько капель, и я подумала, что нет ничего проще, чем надрезать ствол, приложить к нему сосуд и собирать каучук. Но наш гид тут же доказал мне, что все это не так просто. Сборщик должен не только точно знать место

надреза, но и глубину, с которой его надо делать. Слишком глубокий — поранит ствол, слишком мелкий — приведет к потере каучука.

Как и каждая работа, сбор каучука требует точных знаний. Ганцы приобретают их на специальных курсах и во время практики на крупных плантациях. Так Западная Африка вернула свою давнюю сельскохозяйственную культуру.

Новый вождь в Ассин-Джакае

Мы снова мчимся по утрамбованной красной глине — типичному африканскому проселку, такому же, какой привел нас в Сесе. Машину трясет как в лихорадке, она готова каждую минуту развалиться на куски. Двигаться по такой дороге без тряски можно лишь набрав определенную скорость: колеса начинают проскакивать по отвердевшим гребням. Но скорость эта довольно высока. Из-за поднявшейся столбом пыли так ехать рискованно.

Ева сидит на заднем сиденье, муж ведет машину, я рядом с ним. По обеим сторонам тянется тропический лес с банановыми и шоколадными деревьями, увешанными золотистыми плодами. Позади остаются глинобитные деревеньки, свидетельствующие о том, что и здесь живут люди. Сверяю с картой дорогу: без нее мы вряд ли нашли бы Ассин-Джакай.

Карта изображена на обратной стороне приглашения, которое несколько дней назад получили все журналисты и дипломатические представительства в Аккре. Заместитель министра социального обеспечения собирает гостей на торжество по случаю избрания его вождем родной деревни.

На последнем перекрестке карту можно было уже спрятать. Там стоял полицейский, указывавший путь в Ассин-Джакай. В ту субботу сюда приехало много машин, но деревня к такому количеству гостей, да и вообще к предстоящему торжеству была готова.

На главной улице, или площади, — даже не знаю, как назвать это пространство между глиняными домиками, которые стоят не рядами, а каждый сам по себе, — короче говоря, на участке под навесами, сплетенными из пальмовых листьев специально для данного случая, стояли стулья. Перед ними было сооружено вре-

менное возвышение с тронюм. На него и воссядет наш хозяин, или, как его теперь будут величать, — нана.

Мы решили, что присутствие такого количества гостей изменит характер всего торжества и нам покажут всего лишь спектакль для иностранцев. Ведь среди гостей были представители самых разных национальностей и профессий, в том числе немало миссионеров и католических священнослужителей. Вскоре мы убедились, что важность момента и темперамент местных жителей не позволят превратить праздник в заурадное зрелище.

Первыми появились женщины Джакая. Они шли, пританцовывая, в пестрых платьях с юбками до пят. Головы повязаны платками в виде тюрбанов. Медленно двигаясь, напевая и прихлопывая в ладоши в такт движениям, танцующие женщины приблизились к возвышению, образовав круг. Ритм их танца убыстрялся, увлекая всех присутствующих. Даже известные своим хладнокровием англичане оживились. От общей дремы, к которой склоняло палящее полуденное солнце, не осталось и следа.

Во главе процессии шли глашатаи. Они несли украшенные жезлы — знаки власти нового вождя. Каждый вождь имеет одного или нескольких глашатаев, задача которых выступать от имени вождя. По древнему обычаю, сохранившемуся до наших дней в самых отсталых деревнях и соблюдаемому в некоторых местах лишь во время празднеств, вождь говорит со своим народом не прямо, а через глашатая. Он шепчет на ухо то, что хочет сказать, а глашатай громко за ним повторяет. Считается, что вождь не может ошибиться, и, если вынесет все же неверное решение, ошибка будет отнесена за счет искаженной передачи его слов, допущенной глашатаем. Вслед за глашатаями движутся носилки с вождем.

Он одет в яркие, домотканые одежды, голова, руки и ноги украшены огромными золотыми изделиями. Драгоценности также выкованы кустарным способом. Их было столько, и они так блестели, что мне пришлось зажмуриться. Я представила чувства, обуревавшие европейцев-колонизаторов, когда они впервые увидели подобное богатство. Это наверняка было не столько восхищение, сколько желание как можно скорее завладеть золотом. Описание золотых украшений местных вождей зани-

мало много места в их путевых дневниках. Эдвард Боудич, например, описал в 1819 году ашантийских военачальников, которые шли опершись на головы юношей, так как их руки, увешанные огромным количеством золотых украшений, просто необходимо было на что-то положить.

На новом джакайском вожде достойны внимания были не только золотые изделия. Весь его наряд являлся произведением искусства, созданным местными мастерами. Например, сандалии. Сандалии вождя означают у народов акан нечто значительно большее, чем просто обувь. С ними связаны древние обычаи и символика. Подошва — кожаная, на ноге они держатся с помощью двух кожаных лент, соединяющихся между пальцами. Они ярко раскрашены, причем каждый узор что-нибудь значит, каждый символизирует какую-то жизненную мудрость. Но главное — сандалии вождя должны быть большими, чтобы его нога случайно не коснулась земли. Этот обычай, вероятно, восходит к тому времени, когда почти все жители деревень, кроме вждсй, ходили босыми. Если случится так, что племя свергает вождя, то он должен коснуться босой ногой земли в знак того, что вновь становится простым смертным.

Время от времени такие случаи бывают. Например, если вождь не выполняет своих обязанностей или если члены рода, и главным образом старейшины, не удовлетворены им. Титул вождя не является наследственным, но новым главой рода, как правило, становится кто-нибудь из семьи старого вождя.

Когда мы говорим о семье, надо иметь в виду, что речь идет о семье по материнской линии. В Гане еще сохраняются пережитки матриархата — строя, в котором главную роль играет мать и имущество наследуется не по отцу, а по брату матери. Это очень сложная система. Постепенно она отмирает, но во время выборов нового вождя ее строго придерживаются.

Когда трон вождя освобождается, старейшины рода вносят предложение, называя кандидата, достойного титула нана. Трон акан — это прогнутое деревянное кресло с резной спинкой. Трон служит символом единства рода, притом не только жителей деревни, но и всех их предков, от имени которых вождь правит родом и распоряжается землей.

Роль вождей, после того как Гана добилась независимости, изменилась. Англичане в своих колониях поощряли родовой строй. Они исходили из того, что проще привлечь на свою сторону одного вождя, оказывающего влияние на весь род, чем иметь дело с каждым человеком в отдельности.

В независимой Гане институт вождей сохраняется. Было бы невозможно, да и неправильно ломать обычаи, корни которых еще живы. Правительство Ганы следит лишь за тем, чтобы вожди не выступали против интересов народа. Избрание каждого крупного вождя утверждает министерство внутренних дел. Закон определяет и сумму подати за пользование землей, которую вожди имеют право собирать с подданных. И хотя Гана является государством централизованным, с единым правительством в Аккре, с судами, которые руководствуются общегосударственными законами, тем не менее за вождями сохраняется право решать споры между соплеменниками по древним, традиционным обычаям. Вожди являются хранителями народной культуры. Они следят за тем, чтобы древние виды искусства, музыка и народные легенды не были забыты. Вожди заботятся также о развитии своей общины — мы не раз слышали их призывы к родителям посылать детей учиться. Они осуществляют строительство на селе и вообще играют немаловажную роль в современной Гане, являя собой пример древней традиции, служащей интересам нового времени.

Спустя месяц после описанного торжества я посетила нового нана в министерстве социального обеспечения, разместившемся в одном из современных зданий правительственного квартала Аккры. Как и многие другие вожди, он решил продолжать свою государственную деятельность. Но Джакай нана посещает регулярно, помогая жителям строить новую жизнь. Я спросила о планах развития его деревни и узнала, что там запланировано строительство новых яслей, здания почты и культурного центра.

Но давайте вернемся в прошлое, на праздник, где заместителю министра предстоит стать вождем. Для нас, гостей, обряд начался с появления процессии, в которой вождя принесли на площадь. Но для самого вождя и для самых знатных представителей рода он начался задолго до этого. В течение нескольких дней

будущий вождь жил запертый в домике, чтобы там сосредоточиться на своих задачах. В это время к нему заходили лишь самые уважаемые соплеменники, а о питании заботились деревенские женщины.

В ночь накануне торжественного дня его отвели в потайное место в лесу. Где оно расположено, знают всего несколько человек, и лишь им известны ритуалы, которые его там ждут, и присяги, которые он должен дать. Сам вождь не знает, в какие тайны рода его посвятят. Весь ход ночного обряда — глубокая тайна. Во время встречи в министерстве мне так и не удалось выудить у нана ни одного слова об этой важнейшей части посвящения простого смертного в вожди. Тайна есть тайна. Он не мог ее раскрыть, и я это поняла.

Поэтому я могу рассказать лишь о том, что видела, точнее, что угадывала. Народу было столько, что иногда оставалось лишь догадываться о происходящем. Правда, самого вождя несли на разукрашенном сиденье так высоко, что он был отовсюду прекрасно виден. Нана вел себя с достоинством, благосклонно показывая, что принимает приветствия своего народа, сгрудившегося вокруг него. Время от времени он простирал руки в знак того, что отныне вся деревня должна подчиняться ему и что он повелитель всех, за исключением бога. Это он подтверждал, поднимая два пальца к небу. Потом широко раскрывал свои объятия, показывая, что он друг каждого соплеменника и никого не хочет иметь своим врагом. При этом вождь ритмически раскачивался в такт музыке, которая звучала непрерывно. Ее издавали барабаны и бубны самой разной величины. Музыканты несли их под мышкой сами или перетаскивали при участии помощников. Барабанный бой дополняли звуки свирелей и металлических ударных инструментов. Равнодушным к ним не мог остаться никто. Вся толпа как бы превратилась в единый танцевальный ансамбль. Во время народных торжеств в Гане танцуют не парами, а каждый по отдельности. При этом особенно хорошо видно, как ритмичны ганские женщины.

Близился полдень, день, как и всегда в сухой период, был безоблачным, но танцы не прекращались, и мы могли только поражаться энергии, вызванной всеобщим энтузиазмом и ликованием.

Вождю было лучше, чем нам. Он не только сидел, но над ним еще держали огромный зонт, защищающий от солнечных лучей. Этот зонт также символ власти; он всюду сопровождает вождя. Об удобствах нового нана заботились прежде всего женщины, которые пробрались к нему поближе, обвевая его лицо платочками и отгоняя мух, которых здесь было предостаточно.

Так, под огромным зонтом, нана пронесли по всей деревне, а затем вернули на возвышение. Все это время говорящие барабаны пели хвалу новому вождю, чтобы о торжественном событии узнали все в окрестности. Голос барабанов перекрывал наш многоголосый гомон и был слышен далеко вокруг. Нам об этом рассказали потом те, кто понимает язык говорящих барабанов, которые не переставали восхвалять нового вождя.

Ева первая заметила, что вождь сидит на носилках не один. Рядом с ним находился мальчик. В повседневной жизни он был младшим сыном заместителя министра социального обеспечения. Сейчас он играл совершенно другую роль. Это был дух нового вождя. Может показаться странным, но в Гане каждый вождь во время торжеств держит возле себя мальчика, олицетворяющего его дух.

И в Ассин-Джакае его дух сошел вместе с вождем с носилок и сел на возвышении к его ногам. К вождю подошли жена и ближайшие родственники. Поблизости столпились также те предводители, которые должны были принести присягу новому нана. Виновник торжества выступил с речью и заверил всех, что будет соблюдать интересы деревни и ее окрестностей и следовать заветам предков. После того как предводители кончили присягать, начались поздравления и приветствия. Каждый, кто подходил, во всеуслышание сообщал, какой он принес подарок. В основном это были деньги — ведь само торжество и угощение, которое за ним последовало, обходится недешево. А все, что останется, должно было пойти на новое строительство.

Но это уже заботы будней, которые последуют за великим праздником. Пока что всех захватило веселье. Танцы и пение продолжались до позднего вечера.

Такоради лишается своего богатства

Свое пребывание в этом портовом городе мы начали с того, что заблудились.

Мы заранее послали телеграмму, чтобы нам забронировали номер в рест-хаузе. Рест-хауз, или в дословном переводе — дом отдыха, это нечто среднее между гостиницей и пансионатом. Рест-хаузы распространены во всех странах Западной Африки, где говорят на английском языке. Здесь вас обеспечат ночлегом и питанием, все будет очень чисто и сравнительно дешево. Путешествуя, мы привыкли пользоваться только рест-хаузами и никогда об этом не жалели.

Когда мы наконец нашли такорадский рест-хауз, он удивил нас тем, что, во-первых, был значительно больше всех предыдущих и, во-вторых, имел расписание движения пароходов и автобусов, идущих в порт.

Такоради — это прежде всего порт. В наши дни большинство людей прибывают в Гану самолетом, приземляясь в аэропорту Аккры, но все же остались и такие, кто предпочитает морское путешествие. Не так давно в страну можно было попасть только морем. Корабли бросали якорь в такорадском порту, и путешественники свою первую и последнюю ночи проводили в местных гостиницах.

Рядом с рест-хаузом — маяк. Начиная с 1928 года, когда был построен порт, он регулярно, каждую секунду посылает в сторону моря две световые вспышки, хорошо различимые на расстоянии тридцати километров. Для пассажиров кораблей это первый привет или последнее прощанье Африки. А для мореплавателей, находящихся в Гвинейском заливе, это знак того, что они приближаются к порту.

Но англичане построили порт в Такоради не только для туристов. Ему предназначалась роль главных ворот, через которые должно было уходить богатство колоний. Ведь Такоради расположен вблизи богатейших областей Ганы. Здесь растут деревья редких пород, чуть выше на север расположены золотые и алмазные рудники, рядом добываются бокситы и марганец. И все это англичане стремились вывезти из страны.

Как это часто бывает, порт рос быстро. Постепенно обрастал промышленными предприятиями. В наши дни Такоради производит сигареты, здесь обрабатывается

часть бобов какао, производится распиловка леса. Но все это не идет ни в какое сравнение с тем, что вывозят из Такоради в виде необработанного сырья.

Как мы умудрились заблудиться здесь в первый день, было просто непонятно. В Такоради нет ничего легче, чем найти рест-хауз. Он стоит прямо над портом, и каждый раз, когда мы из него выезжали, перед нами словно рельефная карта раскрывался вид на весь Такоради.

Повсюду бросаются в глаза огромные резервуары с нефтью, которую доставляют сюда иностранные компании. Они выкрашены в разные цвета; названия компаний написаны на них огромными буквами. Отсвечивают на солнце красные терриконы бокситов; руду сюда доставляют маленькие вагонетки по подвесной дороге. Сухогрузы отвозят ее в другие страны, где из бокситов выплавят алюминий, без которого немислима современная индустрия. Алюминий очень дорог, зато бокситы, вывозимые из Ганы, как и всякое сырье, дешевы. Разница оседает в сейфах иностранных корпораций.

Точно так же обстоит дело и с марганцем. На вид он не очень красив, своим цветом напоминает уголь, смешанный с сажей. Целые горы марганца ждали в такорадском порту погрузки на транспортер, перебрасывающий его прямо на корабль.

Интереснее всего было наблюдать за тем, как складывают древесину. И хотя в Такоради есть фабрика по распиловке леса, она перерабатывает лишь незначительную часть редких пород африканской древесины. Из страны вывозятся гигантские стволы деревьев. Мы видели бесконечные железнодорожные составы леса. Вагоны приходили нагруженными до самого верха, но в них умещалось от силы три дерева. Портальные краны опускали стволы прямо в море. Здесь, в специальной бухточке, сцепщики соединяли их в плот. Буксир доставлял его в открытое море к ожидающему груза судну. Кран поднимал плоты и укладывал их в трюмы.

Так загружалось бесконечной вереницей одно судно за другим, и каждое из них вывозило из страны частицу ее богатства. Пропускная способность такорадского порта — около двух миллионов тонн грузов в год. Подавляющее большинство их вывозится из страны. Импорт осуществляется в основном через новый порт — Тему. С 1928 года, когда порт вошел в строй,

здесь ежегодно грузится от полутора до двух тысяч судов.

Корабли прибывают сюда со всех концов земли, поэтому порт считается международным. Мы встречали здесь людей самых различных национальностей. Вот вышли, например, из международного морского клуба два матроса. Больше всего они смахивали на скандинавов, на руках у обоих татуировка, у одного ж тому же маленькая серьга в левом ухе. Ева все глаза проглядела, рассматривая их, но больше никто внимания на моряков не обратил. Где же еще, как не в порту, должны встречаться татуированные матросы?

Мы приближались к гаражу, где стояли пожарные машины, находящиеся все время в готовности номер один. Остановившись около блестящих пожарных машин, приводящих в восхищение детей всего мира, мы узнали, что в такорадском порту ежемесячно вспыхивает до полутора десятков небольших пожаров. Здесь, где сконцентрировано такое количество нефти и древесины, любая неосторожность может иметь трагические последствия, поэтому так велика роль пожарных. Они гордятся ею, хотя и не всегда могут предотвратить беду. За месяц до нашего прибытия в порту около нефтехранилища вспыхнул пожар. Днем там жгли траву, считая, что это проще и быстрее, чем ее косить. Огонь как следует не загасили, и ночью сухая трава вновь вспыхнула. Прежде чем прибыли пожарные, огонь причинил ущерб, равный двум тысячам фунтов стерлингов.

Пожары — далеко не единственная опасность, грозящая такому крупному порту, как Такоради. Управление им требует больших знаний. Раньше работой руководили англичане, считая, что только они имеют для этого необходимый опыт. Но когда мы посетили порт, возглавлял его уже местный житель. Управляющий железными дорогами и портами Ганы — не маленькая должность. Ведь только в такорадском порту работают около трех с половиной тысяч человек, примерно столько же насчитывается и в Теме.

— Железные дороги — моя первая любовь, ведь по профессии я железнодорожник, — сказал нам управляющий.

Встретились мы с ним в Управлении портами и железными дорогами Ганы. Здание это отделано дорогими

породами африканской древесины, которую только что грузили на иностранные корабли. Кабинет самого управляющего расположен на третьем этаже; он просторен, по стенам развешаны фотографии порта и схемы отдельных его участков. Впрочем, это не так уж и странно, что специалист по железнодорожному транспорту сидит за этим столом. Ведь крупный порт сродни большому вокзалу — сюда прибывают грузы и пассажиры и отсюда они должны быть отправлены. Все рассчитывается на секунды — как в порту, так и на железной дороге.

В те дни, когда мы посетили Управление, железные дороги Ганы отмечали свое шестидесятилетие.

Путеец в душе, управляющий горячо убеждал нас, что будущее внутренних транспортных коммуникаций Ганы теснейшим образом связано с железными дорогами. Он повторял аргументы, которые за несколько дней до этого высказал правительственной комиссии, слишком большое внимание, по его мнению, уделяющей развитию автомобильных дорог. Управляющий говорил вдохновенно и убедительно; чувствовалось, что в обиду свои железные дороги он не даст никому.

На стене около кабинета висел список всех работавших здесь ранее управляющих железными дорогами и портами — англичан. Но теперь мы были твердо убеждены, что ни один из предшественников нашего нового знакомого не мог работать с таким энтузиазмом. Ведь он первый руководит своими поездами и портами, он первый из них — ганец.

Такоради непосредственно переходит в Секонди.

По сути дела это двойной город. Мы ехали вдоль берега моря из Такоради в Секонди. Казалось, мы возвращаемся в прошлое. В Такоради есть промышленные предприятия, новые улицы и, конечно, порт. Секонди намного старше. Он не так благоустроен, хотя так же чист и опрятен.

В городе до сих пор сохранилась древняя крепость. Она была построена в 1670 году и называлась Форт-Орэндж, по всей вероятности, в честь принца Оранского. До наших дней постройки крепости сохранились в основном в их первоизданном виде. Но теперь здесь вместо европейцев живет ганская семья. Глава ее сторожит маяк.

Во дворе, на брусчатке, где раньше толпились рабы, сейчас важно вышагивают индюшки, которых разводит жена смотрителя маяка.

От Секонди у нас осталось еще одно приятное воспоминание — мы встретились здесь со старым знакомым. Но это уже другая история.

Наш друг — вождь

История эта началась в Теме с одной из многочисленных встреч в этом самом современном городе Ганы. Мы много фотографировали и колесили из одного конца в другой, пока наконец не проголодались. Зашли в ресторан. Зал был почти пуст, только за одним столиком сидело трое мужчин. Один из них пил лимонад, двое других — пиво; при этом все углубились в газеты. Тут же на столе стоял транзистор: до нас доносилась джазовая музыка. Такая картина — обычна для любого ресторана любой страны мира, если не считать самих посетителей. Все трое мужчин были одеты в традиционный наряд, состоящий из длинного куска ткани, собранного наподобие древней римской тоги. Одежда одного из посетителей отличалась особой пышностью. Золотые перстни и браслеты, расшитая золотом черная шапочка, большие сандалии — все это свидетельствовало о том, что перед нами — вождь племени со своей свитой.

Я сразу же пустила в ход фотоаппарат. Сидящие за столом лишь на секунду оторвались от газет, затем снова углубились в них, не обращая на меня никакого внимания. Аппарат был заряжен цветной пленкой, чувствительность которой могла оказаться недостаточной для закрытого помещения. Поэтому мне очень хотелось попросить вождя выйти на улицу, где светило яркое солнце. Но ведь вождь — большой человек, почти царь. Могу ли я обратиться к нему с подобной просьбой? А вдруг он надменно объяснит мне, что значат его золотые украшения и большие сандалии, и просто выставит вон? Но мне повезло. Вождь оказался удивительно благожелательным человеком. Я отсняла всю пленку, и в конце концов мы с ним даже подружились. Нана Квамина Ахинкофи Второй сказал мне, что он гостит здесь у приятеля, а постоянно живет в городе

Секонди, являясь вождем близлежащей деревеньки. Он пригласил нас к себе, заверив, что найдем его легко, ибо каждый в Секонди знает Синий дом нана. Мы с удовольствием приняли приглашение.

Синий дом — это официальное название резиденции Квамина Ахинкофи Второго, кстати, он действительно выкрашен в синий цвет. Это, видимо, была любимая краска вождя. Зал для гостей на третьем этаже также оказался синим. Правда, на это мы обратили внимание несколько позже, когда пришли в себя от первых впечатлений.

Расскажу все по порядку. Синий дом мы нашли действительно быстро и убедились, что резиденция вождя мало чем отличается от других домов Ганы. В ганских семьях, как правило, много детей, и в Синем доме также повсюду — в коридорах и на лестницах — играли дети. Запахи приготовляемых блюд распространялись из нескольких мест одновременно, и, как везде, где много маленьких детей, шуму было предостаточно.

Комната, в которой нас принял нана, была небольшой и буквально переполненной вещами, что производило странное, непривычное впечатление. На стенах висели фотографии вождя. Он был снят и в европейском платье и в национальной одежде, тут были снимки давних лет и совсем новые, черно-белые и цветные. Никогда в жизни я еще не видела ни в одном месте столько портретов одного человека. Они висели с большим наклоном, и мне казалось, что нана спускается к нам со всех сторон. В центре комнаты стоял круглый стол. На нем — огромная ваза с искусственными цветами. Цветов было много — десятки, может быть, сотни — и все очень высокие. Точеные ножки стола напоминали колонны барочных храмов. На столе симметрично располагались пепельницы — каждая на пяти салфеточках, уложенных одна на другую. Тяжелые мягкие кресла были тоже устланы салфеточками.

К своей чести, Ева высидела среди всего этого нагромождения вещей молча и почти без движения около двух часов — а это что-нибудь да значит. К тому же мы говорили по-английски, и она не понимала ни одного слова. Для нас же беседа была очень интересной. Оказалось, что нана Ахинкофи — вождь весьма прогрессивный, он горячо говорил о будущем Ганы и ее народов. Ахинкофи — один из двух вождей, избранных в город-

ской совет, и к этому он относится вовсе не как к пустой формальности. Ведь главная задача вождя — помогать людям, вести их вперед.

— Каждый вождь является политиком, — сказал он, — важно лишь, чтобы он был хорошим и прогрессивным политиком.

Мы поняли, что для вождя психологически вовсе не так просто быть рядовым членом какого-то выборного органа. Ведь вожди привыкли, что к ним все обращаются с должным почтением. Например, подчиненный нана предводитель должен снять одну сандалию, когда разговаривает с ним. В присутствии вождя можно сидеть лишь с его разрешения. А на заседаниях выборного органа он вынужден садиться рядом с другими, просить слова и ждать, когда председательствующий его предоставит, вставать, выступая с речью, в то время как другие сидят — все это не мелочи для вождей, которых люди привыкли чтить и обожествлять. Нана, который осознает необходимость столь радикальных перемен, должен быть действительно передовым человеком.

Таких вождей пока немного. Но нана, которого мы посетили в Синем доме, далеко не единственный из них, стремящийся к тому, чтобы из Такоради не уплывало столько богатства в чужие страны. Чтобы побольше его оставалось народу Ганы.

Золото, алмазы и какао

Тропический лес подходит у Такоради к самому берегу. Отсюда начинается лесной пояс — самая богатая область Ганы. Говорят, что богатство, как и счастье, не приходит в одиночку. Лесной пояс богат не только древесиной и шоколадным деревом. Именно здесь скрыты и полезные ископаемые — золото, алмазы, бокситы, марганец.

Вначале мы отправились за богатством растительным — по направлению к Кумаси, главному городу ашанти. Вокруг раскинулись холмы, покрытые густыми лесами, то и дело встречались кокосовые пальмы, — пожалуй, самые элегантные из тропических деревьев. Они стройны, вытянуты вверх и лишь на самой вершине несут шапку листьев. Листья растут от ствола тоже вверх, но со временем, старея, начинают склоняться в стороны, опускаются все ниже, пока наконец не повисают как тряпки. Но к этому времени уже вырастают новые листья. Когда высохший лист опадает, после него остается узкий след — своеобразная зарубка на стволе.

Пальмовые листья знакомы всем по оранжереям. В тропиках такой лист достигает длины двух метров, а его средняя ось, с которой свисает бахрома, обладает твердостью дерева. Такие листья напоминают мне лысеющего мужчину, тщательно расчесывающего на пробор свои редкие волосы. Золотисто-зеленые, длинные бахромки пальмовых листьев весело полощутся на ветру.

Кокосовых орехов здесь тоже много, а следовательно, и кокосовой муки. Кокосы вырастают из неярких желтых цветков. Так же как и на масличной пальме, здесь могут одновременно созревать орехи и распускаться цветы.

Надо сказать, что орехи значительно крупнее цветов. Растут они не гроздьями, а каждый в отдельности. Сверху под зеленой кожурой ореха скрыт волокнистый слой, слегка пропитанный маслом. Волокнами отапливают помещения или плетут из них рогожи. За этим слоем идет коричневая скорлупа ядра. В нем содержится холодное кокосовое молоко. Если вам попался хороший, зрелый орех, то на вкус оно будет приятно, хотя несколько своеобразно. По цвету молоко скорее напоминает воду. Кокосовая пальма — одно из самых продуктивных деревьев тропических стран, растет она главным образом на побережье.

Поэтому, чем дальше мы удалялись от берега моря, тем реже нам встречались кокосовые пальмы. Зато лес становился все гуще и непроходимее.

Дорога была прорублена через эти джунгли сравнительно недавно, и, казалось, лес собирается отобрать свою территорию. Высокие деревья и густые кустарники доходили до самого асфальта и даже выбирались на шоссе. Оно было довольно широким, и все же ветви деревьев над нашей головой почти смыкались. При этом мы нигде не видели ни одной живой души.

Леса в Гане густые, они представляют собой сплошное переплетение ветвей и лиан. В такой чаще обычно не удастся сделать ни шагу. Для того чтобы пройти, надо сначала прорубить дорогу. Нам попадались апельсиновые, банановые и другие фруктовые деревья — но все дикие. Так же как плоды дикой яблоньки, эти апельсины горьки на вкус, им не достает сладкого сока. Это богатство, которое еще ждет того времени, когда люди начнут его использовать.

Богаты леса Ганы, но в то же время и бедны. Тот, кто надеется увидеть здесь яркие краски — разочаруется. В лесах преобладает ядовитый зеленый цвет тропической листвы, выросшей в избытке влаги и жары, как в большой оранжерее. Но здесь ни за чем не ухаживает заботливый садовник и поэтому все буйно разрастается и уже не может уместиться на отведенном природой пространстве. Я вспомнила, как однажды пересаживала растеньице из маленького горшка в большой. Корни его от долгого пребывания в тесной посуде скрючились и переплелись так, что уже почти не видно было земли, в которую они проросли. Так же выглядит ганский лес. В нем не остается места для живых су-

ществ. Никто, кроме змей, насекомых, птиц и обезьян, здесь, вероятно, не живет.

И все же тропические леса отвоевывают для себя люди. Они выжигают поляны, вспахивают крошечные поля, выращивают шоколадные деревья и ищут алмазы. А как мы убедились, это далеко не так просто.

Алмазы лежат в болоте

Нашу «шкоду» мы вынуждены были оставить на краю дороги. Дальше уже не пройдет ни одна машина. Людям и то пришлось идти гуськом, продираясь сквозь густые заросли. Если бы с нами не было проводника, который хорошо знал дорогу, мы вряд ли обратили бы внимание на тропку, петляющую между деревьями.

Шли гуськом, и я старалась как можно больше шуметь, чтобы отпугнуть змей. Наши друзья шли босые, и мне было стыдно, но я ничего не могла с собой поделать, тем более что перед глазами все время стояли змеи, которых мы задавили по дороге. Ни одну из них нельзя было назвать маленькой.

Шли долго. Дважды встретили людей, несущих на головах связки бананов, и я еще раз убедилась в том, как удобно в джунглях переносить грузы на голове — вряд ли кто-нибудь из нас сумел бы сейчас идти с огромной банановой гроздью в руках.

Мы шли долго, но все же дошли. Сплошная зеленая стена неожиданно раздвинулась, открыв выжженную желтоватую площадку. Под ногами заскрипел песок и гравий, захлюпала вода — грязная, донная, заполнявшая около двадцати ям. Мы — на алмазных разработках, где трудятся десятки землекопов. Это изнуряющий физический труд, требующий кроме всего прочего огромного внимания и отличного зрения.

Во многих странах мира есть современные алмазные рудники, где драгоценные камни добывают с помощью новейшей техники, руководствуясь последними научными достижениями. В Гане тоже есть такие подземные алмазные копи. Но мы видели другие разработки — те, где используется примитивная техника и труд малопроизводителен.

Все здесь начинается с лопаты. Землекоп роет яму глубиной около полутора метров. Среди песка и кам-

ней, которые он выбрасывает, попадают алмазы. Они очень мелкие, чтобы найти их, землекопу по нескольку раз приходится просеивать землю. Он постепенно отбрасывает породу — сначала крупные, потом всё более мелкие камешки. Наконец остается песок. В нем и нужно искать драгоценные камни. На солнце блестят все песчинки. Как же среди них найти алмаз? Но вот на наших глазах одному старателю повезло. Он показал нам драгоценный камешек, вытащил из кармана пузырек с водой и к трем уже лежащим там алмазам добавил новый. В воде хранить алмазы особенно удобно — в ней не сломается даже самая острая их грань.

И хотя ганские алмазы используют лишь для нужд промышленности, они играют важную роль в народном хозяйстве страны. Вывоз алмазов — третья по величине статья экспорта Ганы после какао и золота.

Пока мы не вышли на поляну, я и не предполагала, что такой лес можно заставить отступить. Теперь, стоя на открытой площадке, усыпанной лишь песком и гравием, я думала о том, что здесь вряд ли опять что-нибудь будет расти. Нам сказали, что старатели проработают еще дней двадцать. А как же выглядит «алмазное» поле после того, как люди покинут его?

Способ добычи алмазов, с которым мы познакомились, конечно, малоэффективен. Во-первых, много труда уходит на рубку леса, во-вторых, ямы старатели роют без всякой системы. Не меньше трети алмазов при этом остается в земле. Это слишком большой процент отходов. И здесь еще непочатый край работы.

Золото из глубин земли

Золотой Берег. Так называли когда-то европейцы Гану, пораженные обилием драгоценного металла, который они здесь нашли.

Со времен первых португальцев, прибывших сюда в конце XV века, сохранился рассказ о богатстве королевства Боно, раскинувшегося на территории нынешней Северной Ганы. Золотую пыль здесь хранили в сосудах, достигавших высоты трех метров. Самородки подвешивали на столбах, поставленных так близко друг к другу, что они составляли золотые стены. Этот клад охранял целый отряд, живший со своими семьями в особом поселке. Все богатство, а следовательно, и зо-

лото принадлежало вождям. Король акан считался сыном солнца, и символом его неземного происхождения было золото — он спал на подушках, наполненных золотой пылью. Каждое утро, когда король просыпался, рабы подносили ему сосуд со свежедобытым золотым порошком, чтобы он умыл в нем руки. Даже после смерти король не расставался с драгоценным металлом — его голова покоилась на сосуде, наполненном золотым песком.

Это огромное богатство не давало покоя европейским завоевателям. Вначале они выменивали его на безделушки, но потом и этого им показалось мало. Африканцы работали по старинке, промывая песок вручную. А сколько золота можно было бы добыть, используя современные механизмы! И англичане с энтузиазмом принялись за дело.

История добычи золота промышленными методами ведет здесь начало с 1877 года. У истоков ее стоит французский коммерсант Пьер Бонна. Он провел несколько лет в плену у ашанти и хорошо знал эти края. Когда его освободили, Бонна построил вблизи поселка Авудуа золотой рудник. Позже он прослышал о более прибыльных рудниках в Таркве, где африканцы добывали золото более полувека. Он приобрел их и открыл новые. Золотоносные рудники в Таркве оказались действительно «золотой жилой», они стали приносить огромные доходы. Сложнее всего было транспортировать добытый металл, но Бонна добился от властей средств на строительство железной дороги Секонди — Тарква. Она была построена в 1901 году.

Между тем золотая лихорадка стала охватывать и другие области Ганы. Как-то лондонскому коммерсанту Кейду, торгующему западноафриканскими товарами, преподнесли золотой самородок, найденный вблизи Обуаси. Он показал самородок специалистам, которые высоко оценили качество золота. Кейд решил основать новую компанию и открыть в Обуаси рудники. Правда, осуществлению этого плана мешала одна досадная мелочь: Обуаси находился на территории государства Ашанти, то есть вне пределов колонии, которая ограничивалась сравнительно узкой береговой полосой. Но разве какое-то государство Ашанти могло стать препятствием для британских империалистов? Создавая свое «содружество», они сумели преодолеть и куда

большие трудности. Англичане объявили войну ашанти, которая в английских учебниках истории характеризуется как война за приобщение дикарей и язычников к высокоморальному, христианскому образу жизни. Мы еще вернемся к ней; заметим пока, что англичане ее выиграли, а потом все уж пошло как по маслу. В июне 1897 года Кейд получил концессию — то есть разрешение творить на предоставленной территории все, что ему заблагорассудится. В июле он основал компанию, а спустя год получил первое золото. Дела компании «Ашанти Голдфилдс Корпорейшн» шли удивительно гладко.

Для африканцев, которые строили рудник, все было далеко не так просто. В то время железной дороги еще не было — ее подвели к рудникам только в 1903 году. Дорог тогда тоже не было. Но шахты нуждались в сложном оборудовании. Африканцы переносили его на расстояние около ста километров от реки Пра, куда механизмы доставляли по воде. Каждый инструмент они несли на головах, чтобы англичане, благодаря столь дешевой транспортировке, получили как можно больше прибыли.

Когда мы беседовали со служащими «Ашанти Голдфилдс Корпорейшн», они жаловались, что для компании настали теперь плохие времена. Прибыли уже далеко не те, какими они когда-то были. Правда, тогда жить здесь было опасно. Англичане показали, например, здание, расположенное на одном из холмов. В нем в 1900 году вынуждены были укрываться от гнева закабаленных ашанти в течение четырех месяцев все европейские специалисты. Они просидели там, пока не подошли английские войска. Но о былом быстро забывают. Главное — прибыль. Даже после второй мировой войны дела акционеров компании идут не так уж плохо. С 1945 по 1961 год они получили с золотых рудников в Обуаси 4 273 185 фунтов стерлингов чистой прибыли.

Рудники в Обуаси — одни из самых богатых в мире. Речь идет не о количестве получаемого золота, в этом отношении южноафриканские рудники значительно прибыльнее, а о процентном содержании золота в руде. Дело в том, что золото не лежит под землей пластами, как, например, уголь. Его приходится добывать из руды механическим и химическим способами. В Обуаси

получают тридцать граммов золота из каждой тонны руды. Это — мировой рекорд.

Я внимательно следила за производственным процессом, во время которого тонны земли превращались в золотые слитки.

Сначала рабочие дробили руду в мелкий порошок, который затем смешивали с различными растворителями. Получившуюся черную грязь нагревали до температуры в одну тысячу сто пятьдесят градусов Цельсия. Хотя полученное сырье представляет известную ценность, так как в нем растворено золото, но концентрация его очень слаба. Поэтому вы можете взять несколько граммов сырья себе на память. С помощью последующего процесса выделяется чистое золото. Мы прошли сквозь несколько дверей по узкому коридору, пока не попали в зал, где с помощью движущейся наклонной доски под струей воды золото отделяют от породы. На верхней части доски образовалась сверкающая солнечная полоса, а внизу осела порода. Около шестидесяти процентов всего золота здесь добывается именно таким способом. И чтобы никому не пришлось в голову присвоить себе немного порошка, повсюду вмонтированы камеры промышленного телевидения. А около экранов сидят сторожа, которые зорко следят за каждым движением рабочих.

Оставшиеся сорок процентов добывают химическим путем. Можно привести и другие цифры — англичане гордятся точностью учета. Служащий, с которым мы беседовали, имел все эти данные. От него мы узнали, что обработка каждой тонны руды обходится в пять фунтов. Стоимость золота, добытого из этой тонны, составляет одиннадцать фунтов и пять шиллингов. Таким образом, прибыль, получаемая с каждой тонны, равна шести фунтам и пяти шиллингам.

В Обуаси на одной из шахт достигли глубины тысячи двухсот восьмидесяти метров. Чтобы создать здесь хотя бы мало-мальские терпимые условия для работы, в шахту надо постоянно нагнетать холодный воздух. Во время нашего посещения холодильного оборудования на шахту еще не завезли, и даже английские специалисты признавались, что если на поверхности работать нелегко, то в шахте условия труда просто невыносимы.

Однако англичан не так волнуют проблемы технического оборудования шахт, как то направление, по

которому будет развиваться народное хозяйство Ганы. Тарквинский и еще четыре других золотых рудника были национализированы в начале шестидесятых годов. Повышены налоги, которые теперь должны выплачивать иностранные компании. Так стоит ли при этих условиях завозить в шахты холодильное оборудование?

Глядя на городок рудокопов, мы вспоминали наши угольные районы. Но стоило зайти в клуб горняков в Обуаси, как сходство разом исчезло. В новом шахтерском клубе в Чехословакии (в Гандлове) каждый вечер собираются горняки. Местный же клуб, куда нас пригласили на обед, посещают лишь высшие чиновники. В бассейне купаются только их семьи, а на прекрасно ухоженных площадках для гольфа и теннисных кортах простых рудокопов не увидишь.

Шоколад растет на деревьях

Приходилось ли вам когда-либо бывать на шоколадной фабрике? Это неплохая экскурсия, ведь там разрешают есть столько шоколада, сколько захочешь. Поэтому ваше внимание, наверняка, привлекла бы готовая продукция, а не сырье, из которого делают шоколад. Вероятно, вы даже не обратили бы внимание на мешки с бобами какао. Они не сладкие и не вкусные; только сильно пахнут шоколадом.

На таких мешках можно заметить этикетку — «*Ghana Cocoa*» — ганское какао. Я вспомнила о шоколадных фабриках, когда увидела эти мешки в деревне Неребехи, расположенной в области Ашанти. Они хранились на складе, только что построенном государственным закупочным комитетом. Здесь, кстати, я впервые почувствовала специфический для шоколадных фабрик запах. В лесу и до ферментации плоды шоколадного дерева так не пахнут.

Шоколадное дерево растет в Гане всюду, где есть леса. Его золотистые плоды — почти единственное яркое пятно среди однообразных зеленых зарослей. Гана — крупнейший в мире поставщик бобов какао. Поэтому кажется невероятным, что до 1876 года их здесь вообще не знали.

Севернее Аккры, в центре Аквапимской возвышенности, расположен городок Мампонг, который мало чем

отличается от других ему подобных. Правда, через него проходит одна из важнейших автомобильных магистралей Ганы, кроме того, здесь живет врач и в то же время один из самых знаменитых современных скульпторов Ганы. Его произведения украшают площадь перед крупнейшей столичной гостиницей, они встречаются и в других местах Аккры. Но все это может показаться мелочью по сравнению с услугой, которую оказал своей стране один из жителей Мампонга.

В центре города, прямо на главной улице, стоит маленький глинобитный домик, в котором когда-то жил кузнец Тете Кварши. В 1876 году он привез сюда с острова Фернандо-По, расположенного в Гвинейском заливе, первые бобы какао. Кварши посадил их и обнаружил, что растения великолепно прижились. Такой случай англичане, естественно, упустить не могли и начали всячески поддерживать разведение шоколадного дерева. Под его плантации были отведены лучшие земли, усилия многих специалистов сельского хозяйства сосредоточились на решении связанных с ним проблем.

Бобы какао растут на деревьях. Первый урожай приносят деревья трех-шестилетнего возраста, в зависимости от сорта какао. Цветы шоколадного дерева растут прямо на стволе, они белые и такие мелкие, что их вначале даже не замечаешь. Зато плоды крупные, оранжевого цвета и видны издалека. Они похожи на фонари, развешанные по случаю праздника. Каждое дерево в год дает около тридцати пяти плодов — по два урожая ежегодно, в первый раз — больше, во второй — поменьше. Один сезон сменяется другим, и на стволе всегда можно найти зрелый плод. Как у большинства тропических растений, на одном шоколадном дереве можно одновременно заметить и цветы, и плоды.

Каждый плод содержит в среднем сорок пять бобов какао. Они фиолетового цвета, обволакивает их белая слизистая жидкость. Ни цветом, ни вкусом, ни запахом они не похожи на порошок какао. Я попробовала один свежий боб. По вкусу он напоминает абрикосовую косточку, правда, чуть больше горчит.

Бобы начинают напоминать какао-порошок лишь после шестидневной ферментации. Их заворачивают в широкие банановые листья и каждый день переворачивают, чтобы все плоды обогрелись равномерно. При этом важно, чтобы слизистая жидкость свободно обте-

кала бобы. Поэтому «пакеты» с плодами шоколадного дерева размещают на своеобразных подставках.

Хотя за эти шесть дней значительная часть жидкости испарится, тем не менее после ферментации бобы надо просушить. Их выставляют на солнце. Повсюду пахнет шоколадом.

Еще сильнее чувствуется этот запах на складах, где хранятся мешки с бобами какао. Сейчас мы ввозим их прямо из Ганы, а еще несколько лет назад весь мир должен был покупать ганское какао в Великобритании. В самой Гане почти не было складов. Урожай бобов вывозили в порт, грузили на суда и везли в Англию.

Я видела склады бобов какао в новом портовом городе Теме, видела их и в деревне Неребехи. Половина населения деревни и окрестностей — около триста сорока семей — живет за счет выращивания и обработки бобов какао. Кофи Боку, председатель местного управления государственного закупочного комитета, показал нам новый склад. Он рассказал, что крестьяне из десяти окружающих деревень стали теперь членами местной сельскохозяйственной организации. Со времени ее создания увеличились урожаи, улучшилось качество бобов какао.

Крестьянам во многом помогает близлежащая государственная опытная ферма.

Я поинтересовалась, какого ухода требует шоколадное дерево. Ведь на первый взгляд работы немного.

Мы наблюдали за крестьянами на одной из плантаций. Главы семьи не было, но его жена и трое родственников собирали урожай и уничтожали сорняки, разросшиеся у шоколадных деревьев. В первые годы эти деревья нуждаются в тени и растут под прикрытием своих более взрослых собратьев. Раз в год нужно провести прополку, дважды в год собрать урожай. А ведь следует еще опрыскивать деревья, чтобы защитить их от болезней. Как видите, выращивание шоколадных деревьев вовсе не такое уж праздное занятие, как это иногда кажется.

Чего Тете Кварши не предвидел

Никто в Гане не может сказать, как долго живет шоколадное дерево и сколько времени оно плодоносит. Специалисты считают, что оно может давать урожай

добрых двести лет. А так как Тете Кварши привез первые семена какао в Гану лишь в 1876 году, опыта, связанного с естественным вымиранием этого дерева еще нет. Это, конечно, не значит, что все деревья, высаженные Тете Кварши, до сих пор живы и плодоносят. Некоторые еще растут — те, что не болели, но большинство погибло. Так мы столкнулись с противоречием, которое нарушает, казалось бы, идеальную систему выращивания бобов какао.

В 1938 году какаоводы обнаружили, что недалеко от городка Кофоридуа на шоколадных деревьях появились признаки болезни, которая поражала пока лишь только дикорастущие растения. Молодые побеги стали опухать — на них появились кольцеобразные утолщения. Болезнь из-за этого характерного признака по-английски называется «*swollen shoot*» — опухший побег. На листьях появились светлые пятна, и хотя деревья, казалось бы, обещали большой урожай, плоды на них не созревали. Дерево гибло. А болезнь распространялась очень быстро. Стало ясно: надо принимать решительные меры, чтобы спасти монокультуру страны.

В том же году в зараженном районе, в городе Нью-Тафо, был основан научно-исследовательский институт с целью обнаружить возбудителя болезни и найти эффективные средства борьбы с ним. Задача оказалась значительно сложнее, чем предполагалось раньше. Лишь в 1945 году ученые нашли вирус, а после этого тщетно пытались справиться с ним. Никакие ядохимикаты не помогали.

До сих пор существует единственный способ борьбы с болезнью «опухший побег». Надо срубить дерево. Для крестьянина — это существенная потеря. Но еще сложнее убедить его в том, что наряду с больным нужно уничтожить и окружающие, вроде бы здоровые деревья. Они тоже могут быть заражены и стать разносчиками заразы.

Эта проблема превратилась в широкую кампанию по разъяснению крестьянам, отказывавшимся рубить деревья, необходимости этого мероприятия. В период английского господства кампания эта получила даже политическую окраску. В конце концов крестьян удалось убедить в пользе нововведения. В наши дни «опухший побег» встречается редко. Работники мини-

стерства сельского хозяйства регулярно проверяют плантации шоколадного дерева по всей стране. При первых же признаках болезни дерево выкорчевывается, чтобы болезнь не распространялась дальше. Правительство возмещает крестьянам стоимость каждого срубленного дерева.

В научно-исследовательском институте в Нью-Тафо мы видели на экспериментальных участках шоколадные деревья, зараженные «отекившим побегом», и коричневых жуков — переносчиков этой болезни. Но это далеко не все, чем занимается институт. Его задачи значительно шире, чем борьба с вредителями шоколадного дерева. Здесь исследуются пути повышения урожайности, выводятся новые сорта, наиболее пригодные для условий Ганы.

Погода в Нью-Тафо стояла не совсем обычная для Западной Африки, где небо либо безоблачно, либо идет ливень. В тот день лишь слегка накрапывал дождик. У нас такой майский дождик земледельцы называют золотым. Сыпавшаяся с неба водяная «пыль» вряд ли кого могла испугать — особенно в Гане, где так жарко, — и мы, не обращая на дождь никакого внимания, отправились на экспериментальный участок.

По дороге нам рассказывали об опытах, которые здесь проводятся уже несколько лет. Шоколадные деревья как будто бы любят тень и быстрее растут среди своих старших собратьев. Однако опыты показали, что это не совсем так: шоколадному дереву тень необходима лишь первые несколько лет. Взрослому дереву очень нужно солнце. Так за чем же дело стало? Но выступать против укоренившейся традиции иногда сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Чтобы доказать правоту необходимы убедительные аргументы. К счастью, таких в Нью-Тафо предостаточно. Нам показали опытный участок, где с 1957 года шоколадные деревья выращивали традиционным способом. Здесь добились урожая, чуть выше средних по стране — шестьсот семьдесят четыре килограмма сушеных бобов какао с гектара. Затем на этом участке вырубил деревья, дававшие тень. Урожай начал быстро подниматься и вскоре достигли тысячи шестисот семидесяти семи килограммов с гектара. Это была большая победа, но и она оказалась скромной по сравнению с теми результатами, которых сумели добиться на соседнем участке.

Ученые-агрономы несколько лет назад применили здесь еще одно новшество — начали вносить в почву удобрения. Результаты превзошли все ожидания — получен невиданный урожай — две тысячи семьсот шесть килограммов бобов какао с гектара. Это в четыре раза превысило урожай с участка, где бобы выращивались традиционным способом. Полученные достижения, бесспорно, велики, но это не единственный путь повышения продуктивности культуры бобов какао.

К полудню опять пошел прекратившийся было дождь, на этот раз — настоящий ливень. Мы с удовольствием укрылись от него в лаборатории. Здесь мы узнали о новых, более эффективных способах сушки и ферментации бобов какао. Однако даже самые прекрасные результаты, полученные на опытных участках, не имеют никакого практического значения, если не станут всеобщим достоянием. Поэтому ученые Нью-Тафо видят важнейшую задачу в популяризации своих достижений.

Мы наглядно убедились в этом, как только покинули пределы института. На опытных участках деревья высажены правильными рядами, земля вокруг вспахана и тщательно возделана. А рядом, через дорогу, на землях частных владельцев, шоколадные деревья, посаженные как попало, заросли сорняками. Хозяева, видно, не слишком-то заботились здесь о внедрении новых методов агротехники. Иногда просто диву даешься, почему столь наглядный пример не оказывается убедительным — ведь разница в результатах налицо.

Нам не раз встречались плантации, где чувствовалась опытная рука специалиста. И мы еще и еще убеждались в том, какую огромную роль играет этот институт в сельском хозяйстве Ганы.

Трантора для Квану

Тропинка была узкой, местами едва проходимой, как и везде в джунглях. Над головой переплелись ветви деревьев и лиан, сквозь которые изредка проглядывало небо. И снова нас поразило однообразие леса в Гане — вокруг сплошная зелень, и лишь изредка попадает яркий цветок. И только красный поверхностный слой почвы оживлял картину. Цвет ее настолько яркий, что впоследствии, когда я показывала своим друзьям

слайды, мне долго приходилось убеждать их, что это естественный, а не подкрашенный на негативе цвет почвы.

Пробираясь по тропе, я не фотографировала — было слишком темно, да к тому же не хотелось отставать от друзей. Как-то неожиданно мы очутились у цели своего пути: перед нашими глазами предстало подготовленное к вспашке поле. Надо сказать, что оно вовсе не походило на европейские пахотные поля. В Гане, так же как и во всей Западной Африке, крестьяне, выжигая кустарники и деревья, отвоевывают таким образом новые посевные площади. Это, естественно, делается после повала, когда деревья станут сухими. При этом огонь полностью уничтожает траву в саванне. Густые и влажные леса горят не так быстро, и после пожара на выжженном месте остаются обгорелые стволы, а в земле — густо переплетенные корни. Все это надо выкорчевать и глубоко перепахать. У здешних крестьян тракторов нет, а без них делу не поможешь. Поэтому выжженные поля часто бросают невспаханными.

На участке, который мы посетили, немолодая женщина сеяла кукурузу. Низко склонившись к земле, она взрыхляла почву и бросала в ямки кукурузные зерна. Остатки корней и ветки она отбрасывала в сторону. То же самое женщине придется делать, собирая урожай.

Высоких урожаев на таких полях ждать нечего. Как уже говорилось, крестьяне в Гане почву не удобряют, по-настоящему о земле не заботятся, и поэтому, несмотря на идеальные климатические условия, на большей части территории страны урожайность низка. Собранного урожая хватает лишь на то, чтобы прокормить себя. Товарного зерна остается очень мало.

Хотя Гана — страна сельскохозяйственная и большинство населения занято в сельском хозяйстве, большую часть продуктов питания приходится импортировать из-за границы. В магазинах Аккры я покупала новозеландское масло, голландское молоко, английский и швейцарский шоколад. Даже картофель импортировался и часто случалось, что, когда корабль запаздывал, мы оставались без картофеля.

Теперь понятно насколько бессмысленной была экономическая система, унаследованная Ганой от английских колонизаторов. Англичане считали, что для них выгоднее отдать землю под плантации шоколадного де-

рева и сосредоточить все усилия на его выращивании. Продовольствие же для европейцев, живущих в колонии, можно доставлять из Европы. А как же жители Ганы? Они пусть заботятся о себе сами. Кого могла интересовать тогда проблема питания ганцев?

Вот почему в Гану везли картофель из Европы. Во время второй мировой войны морской путь через Атлантический океан был перерезан. В Западной же Африке оставалось еще много английских солдат, которые привыкли к картофелю. Им ничего не оставалось, как начать выращивать его в Гане. Картофель прекрасно здесь прижился. Англичане обнаружили также, что в этой стране хорошо растут многие из культур, которые ранее здесь никогда не выращивались. Картофель сажали вплоть до конца второй мировой войны. Затем снова появилась возможность доставлять его из Европы, и он опять исчез с полей. До сих пор Гана его ввозит. Цена на картофель входит в ту огромную сумму, которую стране приходится платить за импортируемые продукты питания. Если эта сумма будет расти в тех же темпах, как и раньше, то в 1972 году она превысит восемьдесят миллионов фунтов стерлингов. Расходовать столько может лишь высокоразвитая страна, расплачивающаяся за продовольствие своими промышленными изделиями. Но государство, только начинающее создавать собственную промышленность и вынужденное ввозить значительную часть промышленного оборудования, подобной роскоши позволить себе не может.

Поэтому одна из важнейших задач, стоящих перед народами Ганы, — повысить уровень сельскохозяйственного производства и начать выращивать те культуры, для которых в Гане имеются подходящие условия.

Если бы меня спросили, что самое удивительное в Гане, то я не задумываясь ответила бы — количество необработанной земли. Мы в Чехословакии привыкли к тому, что каждый гектар земли обработан, и там, где кончаются поля одного кооператива, начинается земля другого. Не остается неиспользованным ни один квадратный метр. Если земля где-то пустует, то это повод для критического выступления в газете или по телевидению.

В Гане же вы можете ехать часами и не увидеть ни клочка обработанной земли. Изредка мелькнет воз-

деланное поле и опять бесконечные пустоши. Причин тому немало. Во-первых, Гана по территории вдвое превышает Чехословакию, а жителей в ней вполовину меньше. Во-вторых, для обработки больших полей нужны машины, которых у частных земледельцев нет. В-третьих, для крупных агротехнических мероприятий необходимы специальные знания, почва нуждается в обработке, орошении и подкормке. Все это не под силу неграмотным крестьянам, владеющим подчас всего лишь киркой.

С начала шестидесятых годов нашего столетия правительство Ганы стало проводить систематическую работу по увеличению посевных площадей. Всюду, где для этого есть необходимые условия, созданы государственные хозяйства, цель которых — обучить крестьян агротехнике. В стране появилось также несколько сельскохозяйственных училищ, в которых выпускники низших средних школ учатся на агрономов (первое открылось в 1959 году). Теперь эти училища уже имеются во всех уголках Ганы и помогают отдельным сельскохозяйственным районам решать конкретные задачи.

К югу от Аккры раскинулась равнина, покрытая высокой, густой травой. Но и здесь после многокилометрового пути мы лишь изредка встречали обработанные поля. Дело в том, что почвы в этих местах илистые; в сухой период они превращаются в камень, а во время дождей — в грязь.

Иногда здесь можно встретить небольшие стада крупного рогатого скота. Но коровы страшно страдают от жары, ведь в долине Аккры осадков выпадает мало. Так как же использовать эти бесконечные плодородные земли?

Примерно в сорока километрах от Аккры в море впадает речка Дечидау. Строители перекрыли ее плотиной. Образовалось озеро площадью примерно восемь квадратных километров. Отсюда государственная ферма берет воду для орошения полей. В этом хозяйстве изучают возможности повышения продуктивности скота, урожайности бахчевых культур и, главным образом, риса, для разведения которого здесь условия идеальные. Специалисты сразу начали получать рекордные урожаи риса. Притом два урожая в год. Климатические же условия позволяют получать даже по три урожая.

Слушатели сельскохозяйственных училищ получают

хорошую практику. Я посетила одно такое хозяйство в Венчи. Оно открылось в 1963 году. Там обучалось около сорока человек, главным образом выпускники восьмилетней школы. Курс рассчитан на двенадцать месяцев. Четыре из них отведены на теорию и занятия в лабораториях, остальные — на работу в поле. Слушатели изучают земледелие и животноводство, осваивают современные агротехнические методы, удобряют почву и получают удостоверения на право вождения тракторов.

Одним из слушателей был шестнадцатилетний Кваку Ома. Он родился в семье крестьянина в деревне, расположенной в лесном поясе Ганы. Не так давно его семья вступила в кооператив. Когда Кваку уезжал учиться, в кооперативе ждали прибытия трактора, который им выделил Союз кооперированных хозяйств.

Кваку мечтал только об одном — работать на этом тракторе. Я, правда, не знаю, исполнилось ли его желание. Но, думаю, что он получил трактор, и возможно это была чехословацкая машина марки «Зетор».

Кваку продолжал заниматься изучением сельскохозяйственного производства в училище, а мы поехали в Тему. За несколько дней до нашего приезда здесь выгрузили сто сорок тракторов «Зетор». Это была первая часть крупной партии чехословацких машин, направленных в Гану. Затем мы отправились на торжества, во время которых председатель Союза должен был принять эти трактора. Наши «Зеторы» предназначались именно для кооперативов, подобных тем, что образовались в родной деревне Кваку.

Я хватилась за фотоаппарат, чтобы запечатлеть прибытие первых чехословацких тракторов на землю Ганы. «Зеторы» — голубые и красные — блестели так, словно их отполировали специально к параду. Мне никак не удавалось поместить в кадр вместе с тракторами хотя бы частицу африканского пейзажа. Вокруг простиралась долина Аккры, покрытая густой травой. Огромный баобаб с голыми, переплетенными ветвями и свисавшими с него, словно украшения, плодами был единственным типично африканским атрибутом среди этого невыразительного ландшафта. Наконец баобаб и трактора вошли в кадр, но туда попал еще один спутник тропиков — яркое солнце, так что большая часть пленки оказалась засвеченной. Однако вряд ли кто-нибудь примет одно солнце за чисто африканское явление.

Государство Ашанти

Дорога в Кумаси проходит по самым богатым районам Ганы — лесному поясу, родине могучего ганского племени ашанти. Здесь больше всего шоколадных деревьев, самые богатые золотые рудники и множество алмазных россыпей, удивительно пышная растительность — короче говоря, здесь есть все, чем природа может одарить человека.

Подъезжая к Кумаси, столице ашанти, мы мечтали напиться холодной воды и искупаться под душем. Мы решили, что первым делом заедем в рест-хауз, где для нас был уже забронирован номер. Но когда на перекрестке двух шоссе увидели указатель (стрелка говорила о том, что дорога ведет к ганскому университету), мы не удержались и повернули к нему.

Вскоре машина остановилась в саду возле здания университета. О нем в то время много говорили и писали. Официально университет — первый в Гане — был открыт в ноябре 1961 года. К моменту нашего посещения в нем обучались семьсот восемнадцать студентов, среди них двадцать одна женщина.

Когда у нас заходит речь об университете или техническом вузе, то сразу же возникает представление о старом здании где-нибудь в центре города, куда студенты направляются из своих общежитий в переполненных трамваях и откуда после окончания занятий разъезжаются в разные концы города.

Университет в Кумаси, так же как и в Аккре, выглядит совершенно по-иному. Это утопающий в садах студенческий городок, где рядом с аудиторными корпусами построены общежития, почта, столовая, магазины. После занятий можно погулять по прохладным, тенистым аллеям. Для будущей интеллигенции Ганы действительно созданы все условия для учебы. Но мы, к со-

жалению, не могли воспользоваться ни одним из этих благ и после осмотра, вызвавшего у нас чувство радостного удовлетворения, отправились в рест-хауз.

Эта гостиница была значительно современнее, чем та, в которой мы останавливались в Такоради: целый квартал отдельных домиков, каждый из которых имеет собственный гараж. «Шкода» расположилась отдыхать в одном из них от палящего солнца, а мы поспешили под душ. Освежившись и переодевшись, мечтали теперь только об одном — как бы чего-нибудь выпить и, быть может, слегка закусить. Однако двери ресторана были закрыты. Служитель гостиницы, отдыхающий в тени на веранде, удивленно посмотрел на нас. Кому это может прийти в голову, что ресторан в три часа пополудни должен быть открыт? Разве не ясно, что обед подается с двенадцати часов тридцати минут до четырнадцати часов, а ужин — с семнадцати тридцати до девятнадцати тридцати? В три же часа нет ни обеда, ни ужина. Естественно, что ресторан закрыт. Таков порядок везде. Не мы его придумали и в этом рест-хаузе. Пора бы уж нам было привыкнуть к такому режиму питания, да и к минимальному выбору блюд. Везде, за исключением нескольких крупнейших столичных ресторанов, нам подавали меню, которое удивляло своей бедностью. Думаю, что у вас есть знакомые чревоугодники, которые любят похвастаться тем, что могут съесть все блюда, имеющиеся в меню сверху донизу. В ресторанах Ганы я тоже могла бы сойти за такого гурмана. Да и не так-то уж это трудно, если в карточке значится суп, два вторых и одно сладкое. При этом блюда постоянно повторяются, так что не остается ничего другого, как чаще менять рестораны.

Поэтому мы снова сели в машину и поехали в магазин. Заодно осмотрели город, который считают самым красивым не только в Гане, но и во всей Западной Африке. Не знаю так ли это, но Кумаси мне действительно очень понравился.

Сразу бросается в глаза, что дома здесь построены рядами вдоль улиц, как мы привыкли к этому на родине. В Аккре, как уже говорилось, дома строились во всех направлениях, без соблюдения рядности и тротуаров. Ничего не поделаешь, мы привыкли к тому, что город — это прежде всего улицы, и поэтому Кумаси показался нам таким близким. К чести здешних жителей

будет сказано, что они умеют поддерживать необыкновенную чистоту и порядок на улицах. Мы не могли сдержать чувства восхищения.

В Кумаси вообще было чему удивляться. Перед самым нашим приездом в городе открыли новое, современное здание рынка. Нам с гордостью показывали спортивный комплекс, единственный в Гане стадион с искусственным освещением, и культурный центр с музеем — предметом особой гордости горожан. Это не удивительно — история ашанти весьма богата. Их древние традиции до сих пор живы. Они проявляются и в национальной одежде, и в фольклоре, и в искусстве чеканки по золоту. Единство традиции и современности воплощает местная больница.

Это одна из крупнейших и самых современных больниц Ганы. Во время нашего посещения здесь работали три чехословацких врача. Во дворе больницы в землю воткнут меч жреца и колдуна Окомфо Аночье. Никому еще не удалось вытащить из земли этот меч, олицетворяющий собой свободу и могущество народа ашанти.

Меч Окомфо Аночье

На рубеже XVII и XVIII веков королем ашанти стал Осей Туту, сыгравший значительную роль в истории страны. Он унаследовал лоскутную империю, состоящую из отдельных племен и родов, часто воевавших между собой. А в 1731 году передал своему наследнику единую, могущественную державу. Но это была заслуга не самого короля, а его жреца, или окомфо, как называют ашанти верховных жрецов. Окомфо Аночье был мудрым и дальновидным политиком. В наши дни он стал почти легендарной личностью. Народные сказания приписывают Аночье самые фантастические подвиги, но даже закоренелый скептик не отмахнется от того факта, что Аночье создал могущественное централизованное государство Ашанти.

Легенда гласит, что во время великого схода Окомфо Аночье принял дар небес — золотой престол, в котором скрыт дух ашантийского народа. Другими словами, он сделал из него символ политического и культурного единства народа, символ королевского авторитета. С тех пор о правителях ашанти говорят, что они вос-

сезают на золотом престоле. В действительности на этом троне никогда никто не сидел — ведь это священная реликвия. Больше того, когда его раз в год выносят для всеобщего обозрения, то трон ставится на носилки или на кресло, чтобы не осквернить прикосновением к земле. В течение остального времени он укрыт в месте, известном лишь несколькими самым знатным вождам. Его прячут для того, чтобы никто не мог овладеть престолом, в котором скрыта душа ашанти.

До тех пор, пока ашанти владеют золотым тронном, им не грозит никакая опасность. Так же как никто не сможет поколебать их могущества, пока из земли будет торчать меч, который вонзил в нее Окомфо Аночье. Никому еще не удалось его вытащить. А согласно пророчеству, день, когда меч будет вырван из земли, станет последним днем государства Ашанти.

Таково сказание о мече, торчащем из земли во дворе больницы в Кумаси. Строил ее, естественно, не Окомфо Аночье; больница — творение наших дней. Но зато Аночье основал город, в котором есть и больница, и меч.

В легенде говорится будто король Осеи Туту и его жрец посадили в разных местах три дерева кумнины. Два из них погибло. На этих местах возникли малозначительные поселения, почти не растущие, как и деревья, которые здесь высажены. Третье дерево привилось, оно быстро росло и крепло. Рядом с ним был основан «город под кумнином» — Кумаси.

Не удивительно, что столь монолитная и, главное, такая богатая империя становилась все более могущественной и сильной. Во многом способствовала этому и торговля рабами, которых ашанти захватывали во время многочисленных войн и с помощью племени фанти продавали европейцам.

Империя, о богатстве которой ходили легенды, не давала покоя англичанам, которые к тому времени уже прочно закрепились на побережье. Первыми европейцами, добравшимися до Кумаси, были члены английской торговой экспедиции под началом Эдварда Боудича.

Белые люди, пробившиеся сквозь джунгли в Кумаси, действительно не могли пожаловаться на холодный прием. Ашанти встретили их по-королевски, с искренним радушием и гостеприимством. Они еще не знали,

что несут им европейцы, точнее, что они захотят у них взять. Со временем отношение к чужеземцам изменилось. И нигде англичане не встречали такого упорного сопротивления, как в стране ашанти.

Говоря о золотых рудниках Ганы, мы уже рассказали о том, как в 1877 году коммерсант Пьер Бонна начал добывать этот драгоценный металл современными методами. К этому времени идиллическая эпоха Боудича давно уже отошла в историю. Русский полководец Суворов считал, что там, где может пройти один солдат, должна пройти целая армия. И там, где первая группа европейцев обнаружила сказочное богатство, впоследствии должны были показаться торговцы и, естественно, солдаты. В 1874 году город Кумаси был сожжен дотла — иначе англичане им бы не овладели.

Когда в 1895 году господину Кейду показали в Лондоне образцы самородков, найденных около Обуаси, он пришел в восторг. Английское правительство решило раз навсегда покончить с непрекращающимся сопротивлением ашанти. Через год король ашанти Премпе Первый был низвергнут. В крепости Эльмина вам покажут камеру, в которой его содержали, пока не вывезли из страны. Лишь в 1924 году Премпе Первому было разрешено вернуться в Кумаси, но он так и не сумел оставить за собой титул асантехене — короля ашанти. Ему пришлось смириться с титулом кумасихене — правителя города Кумаси.

Англичане всячески старались скомпрометировать идею единого государства Ашанти. 28 марта 1900 года английский губернатор колонии Золотой Берег сэр Фредерик Годсон как управляющий территорией ашанти потребовал себе «Золотой трон». Однако он скоро понял, что зашел слишком далеко. Ашанти поднялись на защиту символа своего единства и могущества, и в деревне Эджису, недалеко от Кумаси, начали собираться войска под предводительством королевы-матери.

Королева-мать не является матерью вождя, ее основная задача — защищать женщин племени. Как правило, королевами были самые энергичные женщины. Яаа Асантева была, бесспорно, наиболее достойной среди них. Своей смелостью она превосходила многих мужчин. Англичан, заблокированных в крепости, спасли лишь ее стены, которые они построили из плит разрушенного дворца Осея Осиеба. Около месяца губерна-

тор, двадцать девять европейцев и семьсот пятьдесят солдат гарнизона сидели в осажденной крепости, пока английские войска, подоспевшие с юга, не освободили их. Ашанти не смогли долго противостоять во много раз превосходящему их по силе и технике противнику. Но хотя они и потерпели поражение, золотой трон ашанти спасли. Сберегли они также свои традиции и культуру, без которых история Ганы выглядела бы значительно беднее. Многие из того, что было присуще ашанти, сейчас стало обычаями других племен. Это относится прежде всего к одежде, которую носят и женщины и мужчины. Но главным образом — мужчины.

О чем говорит платье

Если вы пригласите к себе в гости ганцев, то кто-нибудь из мужчин обязательно придет в кенте. Если же вы пойдете на танцы, то большинство мужчин там тоже будет одето в кенте, хотя в другой одежде они чувствовали бы себя значительно свободнее. А если попадете на открытие парламента, то увидите всех депутатов в праздничных кенте.

Кенте — это кусок полотна длиной четыре и шириной два с половиной метра, сшитый из узких полос, сотканых ручным способом. Его носят без единой застежки. Один конец перебрасывают через левое плечо, правая же рука и плечо остаются открытыми. Свободная рука все время находится в движении — кенте надо постоянно подтягивать и поправлять. Практичной эту одежду не назовешь, но она служит символом национального достоинства и очень популярна в Гане.

Кенте носят как свидетельство причастности к молодой, независимой республике, как знак африканского патриотизма. После стольких лет унижений приятно чувствовать себя свободным, и пусть весь мир знает, что Африка имеет свои собственные традиции. Наши друзья из Ганы говорили, что никогда раньше кенте не было так широко распространено, как сейчас.

Наряду с причинами патриотического характера популярность кенте объясняется также яркостью, красочностью и сложностью узора. Как правило, рисунки гео-

метрические, повторяющиеся на каждой полосе. Эти полосы ткуются на станке, а затем сшиваются. Ткацкие станки для кенте мы видели во многих ашантийских деревнях.

Ткачи, укрываясь от лучей палящего солнца, сидят под навесом. К большому камню тянется многометровая полоса основы. Работающий на станке все время натягивает основу и постепенно, по мере продвижения материи, подтягивает камень к себе.

Первый ткацкий станок привез в государство Ашанти в XVII веке некто Отто Краван, который приобрел его где-то на территории нынешнего Берега Слоновой Кости. Он установил его близ Кумаси в пятницу, и с тех пор пятница считается днем, посвященным ткацкому делу. В пятницу на станке нельзя ни начинать, ни кончать работу.

До того времени, как Отто Краван привез свой станок, ашанти носили одежду, изготовленную из коры дерева чьенчьен. Кору замачивали, пока она не размягчалась, потом расстилали на стволе срубленного дерева и били по ней деревянным молотком, чтобы она стала тоньше и вытянулась до размеров, примерно втрое превышающих первоначальную длину. Обработанная таким образом, кора становилась мягкой и податливой, но с тканью она, конечно, сравниться не могла, и не удивительно, что ткацкий станок стал предметом поклонения.

Ашанти прониклись к нему таким почтением, что старый, отслуживший свой век станок никто не смел ни сжечь, ни сломать. Если ненароком кто-нибудь ломал станок, то должен был поплатиться за это курицей. Если ткач уезжал из дому на долгое время, то опускал свой станок в воду, чтобы его случайно не сожгли. Профессия ткача всегда считалась почетной. Ремеслом этим могли заниматься лишь мужчины. И до сих пор в Гане трудно найти женщину-ткачиху.

Я видела не только ткачей-одиночек, работающих дома, по старинке, но и большую мастерскую в городе Нсавам, расположенном в получасе езды к северу от Аккры. В этой мастерской трудились тридцать три ткача. Чтобы удовлетворить спрос на кенте, им приходилось работать по многу часов. Среди ткачей было всего лишь несколько человек ашанти. Один из самых молодых работников — девятнадцатилетний Винсент Ха-

то — родился в прибрежном городке Кета. Ткацкому ремеслу он стал учиться с девяти лет, работал у одного из родственников по субботам и воскресеньям, в дни, когда не надо было ходить в школу.

Закончив обучение, юноша сразу же пошел в мастерскую в Нсаваме и, спустя несколько лет, стал одним из лучших мастеров. Он зарабатывал от пятнадцати до восемнадцати фунтов стерлингов в месяц — примерно вдвое больше, чем простой рабочий. Я спросила его, сколько требуется времени, чтобы изготовить одно кенте. Ни на секунду не прерывая работы, он ответил, что все зависит от сложности узора, но в среднем ему требуется около двух месяцев, чтобы соткать двадцать четыре полосы длиной по четыре метра каждая. Из них две работницы на современных электрических швейных машинах сошьют потом кенте. Это уже проявление технического прогресса.

Новшеством является также и значительно больший выбор пряжи, из которой теперь ткут кенте. Я, например, видела огромные мотки яркого японского шелка. Несколько девушек разматывали их, готовя материал для ткачей.

Вначале кенте ткали только из местного хлопка. Но впоследствии, когда стала развиваться торговля с европейцами, кому-то пришла в голову мысль разделять импортные шелковые ткани на отдельные нитки и затем ткать из них кенте. Это был нелегкий труд, но, вероятно, он окупался.

Общественное положение ткачей определялось еще и тем, что они были близки к самому асантехене. Лишь он имел право одобрять новые узоры, определять, кто какой узор может носить. Каждый узор имел свое название, благодаря чему мы знаем сегодня, что носили вожди высокого ранга и какие узоры в качестве награды получали вожди рангом ниже. До наших дней сохранился, например, узор *адвенеаса*. Он сложен, создать его мог лишь очень опытный ткач. В переводе название узора означает — «я достиг вершины знаний и мастерства», или, другими словами, — «никто не может создать ничего более совершенного». Не удивительно, что такой рисунок имели право носить лишь самые знатные из вождей. Более простой узор — *макову*, или «маленький стручок перца», названный так из-за мелких рисунков в красных и желтых тонах, могли носить

менее родовитые военачальники. Многие узоры кенте символизируют народные сказания, пословицы, поговорки. Несложен, но довольно привлекателен, например, рисунок, означающий утверждение: «лгун будет пристыжен». Этот узор слагается из белых, синих и красных лент разной ширины.

В университетской библиотеке на холме Легон я изучала обширный и очень обстоятельный труд об ашанти путешественника и писателя Реттри. Книга эта вышла в 1927 году, и я нашла в ней много образцов кенте, которые видела затем на улицах Аккры. В наши дни узоров, конечно, значительно больше, тем более, что теперь их не должен утверждать асантехене и отменены указания, кому какое кенте носить. Единственное ограничение — цена кенте, так как стоит оно весьма недешево. Поэтому очень часто вместо настоящих, ручным способом сотканых кенте, те, что предназначены на каждый день, шьют из простых тканей. Однако не думайте, что в Гане строительные рабочие или грузчики одеты в кенте. Единственная их рабочая одежда — шорты. Но после трудового дня кенте надевают часто, а в дни праздников ганцы носят настоящие, яркие, сотканые вручную кенте.

В книге Реттри кроме образцов шелковых кенте есть и узоры хлопчатобумажных, которые мне ни разу не приходилось встречать. Они в основном сине-белого цвета, так как в домашних условиях легче всего изготовить синюю краску. Хлопчатобумажные кенте были намного проще, и их названия точно определяли имущественное состояние того, кто их носил. Название *бирибиде не хиа нсе*, например, означает — «нет ничего более ужасного, чем бедность», а *хиампоа* — «у меня нет даже самой мелкой монетки». Узкие сине-белые полосы означают — «поймайте леопарда». Кенте воскрешает в памяти событие, когда ашантийский правитель Кваку Дуа Первый приказал своим подданным поймать этого опасного хищника живьем.

Сине-белую хлопчатобумажную одежду в Гане сейчас уже никто не носит, но вообще кенте очень популярно. Оно олицетворяет свободу, национальное самосознание и достоинство народов Ганы.

А как же женщины?

Пока мы говорили только об одежде мужчин. В Европе привыкли уже к тому, что в деревнях национальные костюмы, как правило, носят женщины, а мужчины одеты по-городскому.

В Гане положение иное. Помню, как однажды к нам в гости пришел редактор радио Ганы с супругой. Он был одет в прекрасное золотисто-желтое кенте с яркими красными и синими узорами. На жене был элегантный европейский костюм и туфельки на высоком каблуке. И так бывает довольно часто. Но это не значит, что у ганских женщин нет национальных костюмов. Женское кенте состоит из двух кусков. Большой обматывается вокруг пояса, и его носят как длинную до пят юбку. Меньший идет на верхнюю часть одежды — своеобразную блузку, стянутую в поясе наподобие короткой юбочки. Это кенте тоже не полагается скалывать булавками или застегивать на пуговицы, и надо обладать немалой ловкостью, чтобы его носить.

Женщины — существа более практичные. И кроме того, им приходится значительно больше работать, чем мужчинам. А для работы женщинам нужна удобная одежда. Поэтому на их длинные юбки идет ровный кусок материи, который обматывают вокруг пояса. К женской одежде относится еще один кусок ткани; у замужних женщин — с таким же узором, как и на остальной ткани, у девушек — с отличным. Назначение этого куска ткани различное. Когда холодно — он согревает, когда жарко — спасает от палящих лучей солнца. Женщины также носят в нем детей.

Ребенок лежит за спиной, подвязанный этим платком так, что всего один угол можно подвернуть. Когда матери кажется, что ребенок сползает, она наклоняется вперед и подтягивает платок. Причем он не завязан, а лишь подоткнут сбоку под мышкой. Я не представляю себе, как они не боятся носить детей, но, вероятно, это действительно безопасная конструкция, ведь ганские женщины часто ходят, да и работают с ребенком за спиной и с грузом на голове. Иногда из-под платка выглядывает болтающаяся головка спящего младенца. Ева утверждает, что это очень удобный способ. Она судит по собственному опыту — именно так в Аккре моя дочь носила свои куклы.

Язык говорящих барабанов

О тамтамах слышали даже те, кто почти ничего не знает о самой Африке. Нередко с ними связаны фантастические легенды. Но как бы то ни было, тамтамы в нашем представлении неотделимы от дремучих девственных лесов, боевых танцев и таинственных ритуалов. Быстрее ветра распространяются сообщения на бесконечные расстояния с помощью тамтамов, и лесные жители благодаря им узнают о приходе белого человека значительно раньше, чем он там появится. Так об этом когда-то писали в приключенческой литературе.

Реальность значительно менее фантастична, но не менее увлекательна. С помощью говорящих барабанов действительно можно беседовать, находясь на больших расстояниях друг от друга. Но в этом нет ничего сверхъестественного и непонятного.

Прежде всего надо сказать, что слова «тамтамы» в Гане не знают. У жителей Ганы есть говорящие барабаны, с помощью которых они понимают друг друга. Всегда должно быть два барабана — один мужской с низкими тонами, а другой женский — с высокими.

Дело в том, что многие языки Ганы тональны. Это значит, что смысл высказанного слова определяется не только самими звуками, но также и их тональностью. Если бы вы могли прослушать говорящий барабан на магнитофоне, то сразу поняли бы, о чем я говорю. Когда слушаешь разговор, например, на языке чви, не только разбираешь слова — длинные и короткие звуки, из которых они состоят, но при этом прослушивается и тон. Именно тона — высокие и низкие — и долготу звука барабанщик воспроизводит на своих говорящих барабанах. И тот, кто его слушает, догадывается, о чем идет речь.

Поэтому можно научиться искусству понимать язык говорящих барабанов. Этому надо учиться так же, как учатся читать. Ибо звуки, которые издает говорящий барабан, это вовсе не набор известных заранее сигналов, похожих, скажем, на азбуку Морзе.

Когда и как возникло искусство говорящих барабанов — неизвестно, но до нас дошел рассказ испанского путешественника XI века о том, как в Гане барабаны передают приказ вождя, собирающего своих подданных. Вспомните также торжество избрания нового вождя.

Его восхваляли говорящие барабаны, их несли в процессии сразу же за самим вождем.

Поэты в своем творчестве пользуются прежде всего образами. Язык говорящих барабанов также основан на своеобразных пословицах, имеющих, как правило, символическое значение. Одна из этих пословиц, например, гласит: «Когда рыбак выпускает воду из пруда, он думает только о рыбе, которую поймает. О мальчиках, которые при этом погибнут, он забывает». Или: «У льва короткий хвост, и все же он им во время схватки отмахивается». Таких пословиц девяносто девять. И те, кто не знает их, не может стать барабанщиком.

Однако он передает не только эти пословицы, хотя ими необходимо овладеть в совершенстве. Кроме того, надо научиться технике и освоить язык говорящих барабанов. Это искусство передается от отца к сыну. Народная мудрость гласит, что талант музыканта проявляется уже с детства, когда младенец кулачками стучит по спине матери.

С давних пор профессия барабанщика считалась весьма уважаемой. Распоряжался говорящими барабанами вождь, который всегда держал музыканта при себе. Так было в то время, когда говорящий барабан был единственным средством передачи сообщений на большие расстояния. Голос говорящего барабана, выдолбленного из целого куска ствола дерева обуа и обтянутого кожей из слоновьих ушей, слышен на расстоянии девяти километров. А если его расположить на вершине холма, то — намного дальше.

Говорящие барабаны во время войны использовались для поднятия духа воинов. Одна из девяносто девяти пословиц гласит: «Почему боец превратился в веревку?» Сравнение воина с непрочной веревкой, которая падает к ногам, было достаточно, для того чтобы они вновь ощутили прилив сил. По крайней мере так рассказывали нам ганские друзья. Период племенных войн уже давно прошел, и вся Гана теперь покрыта сетью телефонных и телеграфных проводов. Но, к счастью, традиции еще живы, и старая культура не умирает. Говорящие барабаны остаются неотъемлемой ее частью.

Их можно услышать во время всех торжеств и празднеств. Однажды я была на танцах, где, как обычно, важнейшую роль играли различные барабаны. И вдруг один знакомый сказал мне:

— Слышите, только что прозвучали говорящие барабаны. Они предупредили, что сейчас начнется новый танец.

Вскоре говорящие барабаны отозвались снова. Так продолжалось несколько раз.

Если вы слушаете передачи радио Ганы, то вам, наверное, понравились его позывные. Часть их — ритм барабанов, исполняющих народную танцевальную мелодию. В начале и в конце говорящие барабаны предупреждают: «Слушайте Гану». Автор позывных — редактор музыкальной редакции радио Ганы.

Есть много примеров, свидетельствующих о том, что язык говорящих барабанов — язык живой. Редактор радио Ганы когда-то был учителем одноклассной деревенской школы и каждое утро созывал своих учеников с помощью говорящих барабанов. Он сообщал им таким образом, что надо взять сегодня в школу, чем они будут заниматься.

Школьные учителя нередко используют барабаны; министерство просвещения издало даже инструкцию, по которой везде, где это возможно, они должны заменить школьные звонки. Однако говорящие барабаны дороги, да и многие учителя их не понимают. Ведь до недавнего времени почти все школы находились в руках миссионеров, которые вместе с английскими колонизаторами стремились уничтожить всяческие проявления национального самосознания или народных традиций под тем предлогом, что они являются языческими. Будущие ганские учителя проходят иной курс обучения. Я посетила несколько педагогических училищ, причем одно из них на востоке Ганы, в городе Хоху. В нем имелся факультативный предмет — обучение языку говорящих барабанов. Преподаватель, ведущий его и являющийся одновременно учителем музыки, готовил пословицы, которые с будущего года должны были возвещать начало и конец уроков. В конце занятий предполагалось выстукивать следующую фразу: «Студенты государства Атенду (так исторически называется эта область), законодатель утверждает, что время меняется и люди должны меняться вместе с ним». Иными словами — занятия окончились, подготовьтесь к следующему уроку. Примерно так, вероятно, они должны это понимать. Когда учеба будет закончена, новые учителя донесут эти слова до учеников своих школ.

Озеро бога Тве

На территории Ганы есть одно-единственное озеро. В стране, где вода играет столь важную роль, такое хранилище пресной воды не могло остаться незамеченным и с ним связано немало легенд и преданий.

Имя этому озеру — Босомтве — якобы дал бог, который в нем живет. Бога этого, по-гански обосома, зовут Тве. Это бог антилоп. Обнаружил озеро будто бы охотник, который в окружающих лесах отстреливал антилоп.

Легенды разных народов по сюжету бывают схожими друг с другом. Так карловарские лечебные источники тоже обнаружил охотник. Правда, это был король Карл IV, что впрочем существенной роли уже не играет. Озеро Босомтве было найдено в воскресенье, вот местные жители иногда к его названию добавляют слово «кваси». Еще до недавнего времени каждое воскресенье озеру Кваси Босомтве воздавали почести, а обитающему божеству в этот день приносили жертвы.

Если бог Тве доволен преподнесенными ему дарами, то дает взамен много рыбы. Воды озера ею очень богаты, но обосом придумал массу всяких запретов, чтобы помешать рыбакам. Он не позволяет, например, касаться его вод металлическими предметами — рыбу можно ловить только сетями. Крючки и тому подобные приспособления бог отвергает. Как старая капризная дева, которая стремится испортить жизнь другим, бог Тве не желает, чтобы воды его озера бороздили долбленые лодки. Он разрешает плавать по нему лишь на ровных досках, которые в крайнем случае могут быть слегка загнутыми спереди. И так как Тве ненавидит весла, то рыбаки должны на этих «лодках» сидеть верхом, свесив ноги в воду, отталкиваясь от поверхности воды руками. Я наблюдала как при выполнении этого акробатического номера рыбаки успевали еще закидывать в воду сеть и вытаскивать ее. После каждого улова им, однако, приходилось подплывать к берегу, так как держать пойманную рыбу на узкой дощечке негде.

Сидящий в озере бог Тве — странный и злой. Я не удивлялась тому, что люди приносили ему жертвы, старались предотвратить вспышки гнева и забирали рыбу из его озера с большой осторожностью. В те давние времена, когда народное мифотворчество создавало поэтические сказки и легенды об озере и его боге, люди

не могли знать того, что им известно сейчас — озеро имеет вулканическое происхождение и его уровень постоянно поднимается; сюда впадает несколько рек, но не вытекает ни одна. А так как озеро это образовалось среди высоких, отвесных гор и к нему ведет крутая дорожка, по которой приходится носить рыбу и сосуды с водой, то не удивительно, что местные жители выдумали бога, который чинит им всяческие препятствия.

Воды озера Босомтве менее чем за тридцать лет отвоевали еще два с половиной километра суши, и сейчас ширина его превышает одиннадцать километров. Все время поднимаясь, оно поглотило уже несколько деревень: из сорока четырех поселений осталось теперь лишь около двадцати. Поэтому жители предпочитают селиться подальше от его берегов и повыше в горах.

Вид на озеро Босомтве с окружающих гор — один из прекраснейших в Гане. Над гигантской водной чашей стелется легкий туман, и кажется, что вы попали в какой-то нереальный, сказочный мир. Время от времени, раз в несколько лет, озеро словно взрывается — это сердится бог Тве. Попробуйте-ка после этого бороться с представлениями о сверхъестественных существах: ведь даже ученым не совсем ясны причины этих взрывов. Предполагают, что на дне озера проходит процесс гниения старых растений, а когда газов становится слишком много, они вырываются на поверхность.

Во время подобных взрывов гибнет много рыбы. Должно пройти немало времени, прежде чем озеро полностью успокоится. И что бы ни говорила наука, местные жители, особенно старики, твердо верят: озеру нужна жертва — белая корова. И тогда только бог Тве снова наполнит рыбой свое водное царство.

И все-таки у меня создалось впечатление, что власть бога Тве ослабевает. Однажды я видела, как девушки мыли в озере кукурузные початки, сложенные в металлическом тазике. Меня-то не удивило, что обосом Тве ничего не имел против такого явного нарушения его инструкций, но вот, почему это не смущало девушек?

Нет, раз люди решили изменить свою жизнь, они не могут жить в постоянном страхе перед озером. Незадолго до отъезда из Ганы я прочитала в газетах сообщение о том, что местное самоуправление выделило свыше сорока одной тысячи фунтов стерлингов на благоустройство прибрежных районов. Деньги эти — добро-

вольные пожертвования населения, и их использовали для покупки строительных материалов. Большинство работ местные жители выполнили сами.

Добровольных рабочих бригад в Гане я видела немало. С результатами их труда мы встречались почти на каждом шагу. Но в окрестностях озера Босомтве, где многие еще живут в плену старых представлений и веры в озерного бога, меня это удивило. Как был бы, вероятно, поражен обосом Тве, если бы он теперь вышел из глубин озера, носящего его имя.

Лев вернулся из-за моря

Ева мечтала посмотреть в Африке на животных, которых она до этого видела лишь в зоопарке. Она полагала, что в Гане стоит только отойти от дома, как сразу увидишь бегущих львов и слонов, а на деревьях обезьян.

Признаюсь, до некоторой степени и я разделяла ее надежды, ожидая, что тропические животные будут нам попадаться на каждом шагу. Я знала также, что гербом Золотого Берега когда-то был слон, стоящий под пальмой, и думала, что этот символ не случаен. И когда в первый же день своего пребывания в Аккре увидела пальмы, то решила, что слонов здесь будет предостаточно.

Можете себе представить мое удивление, когда я узнала из газет, что кумасийский зоопарк купил в Лондоне льва. Я перечитала это сообщение несколько раз. И мне очень захотелось побывать в Кумаси, чтобы увидеть льва, который из Европы вернулся на свою родину.

Однако нам не скоро удалось совершить эту поездку, а за это время я кое-что узнала о животном мире Ганы. Одной из оборотных сторон человеческой деятельности является уничтожение природы и окружающего животного мира. В Чехословакии, наверняка, не осталось бы животных, если бы о них не заботились охотничьи хозяйства, лесники, если бы не было национальных парков. В Гане раньше такой заботы о сохранении отдельных видов животных не проявлялось, поэтому в Западной Африке диких зверей почти не осталось.

В большинстве стран Восточной Африки положение иное. Там более подходящий климат, не такая влажность, да и средняя температура в горах значительно ниже, чем в западной части континента. Поэтому европейцы издавна ездили сюда охотиться. Они основали

здесь национальные парки и заботились о сохранении поголовья животных. Это, конечно, вовсе не значит, что в Гане животных совсем нет. Время от времени, примерно раз в год, газеты помещают сообщения о какой-нибудь деревне, которую вытоптало стадо диких слонов. Кроме слонов встречаются еще и некоторые виды степных животных. В лесном поясе живут обезьяны и крокодилы, в кустах и на дорогах кишат змеи.

Теперь вы понимаете, почему мне было так интересно взглянуть на льва, привезенного из Лондона. Он с достоинством ходил из одного конца клетки в другой, не обращая на нас никакого внимания. Он даже не подавал вида, что рад возвращению на родину.

Вначале мне показалось, что кумасийский зоопарк ничем не отличается от европейского. Мы пришли сюда в воскресное утро. Народу было битком. Взрослые и дети толпились около клеток; к самым любимым животным подступить было не так-то просто. Вокруг лотков с прохладительными напитками и мороженым собралась толпа, такая же как у нас, в чехословацком зоопарке. Мы посмотрели обезьян, которые играли со старой крышкой. Потом пошли к крокодилам. Они жили в бассейне и были хорошо видны. Тут я услышала:

— И это — крокодил? Такой маленький? Да подобную мелюзгу мы тысячу раз видели в реках! Любому ребенку известны крокодилы и побольше!

Я поняла, что крокодилы для здешних посетителей столь же обычны, как для нас — белки, и попыталась посмотреть на все вокруг глазами местного жителя. Поэтому меня не удивила надпись над стеклянным террариумом: «Кобра домашняя». Говорят, что ее нашли совсем недавно в одном из садов прямо в Кумаси и не убили, а привезли в зоопарк.

Тем больше людей толпилось у клетки с другим зверьком, которого привезли издалека и многие посетители видели впервые. Маленькое белое создание сидело в углу, а стоявшие вокруг люди рассуждали — какие у него сильные задние лапы по сравнению с передними, как он шевелит носом и какие у него красивые глаза. Вы уже, вероятно, догадались, о каком зверьке идет речь. Надпись на клетке сообщала, что это — кролик. Но вовсе не «домашний». Он прибыл сюда из далекой Европы. Итак, кобра — домашняя, кролик — дикий, а лев — из Лондона.

На севере страны

Там, где кончается лесной пояс, начинается северная саванна. Лесной пояс — это огромное, вечнозеленое пространство. А так как деревья меняют листву не все сразу, то леса никогда не остаются голыми.

В северной части Ганы вы начинаете постепенно, но потом все сильнее и сильнее ощущать жаркое дыхание пустыни. Особенно в засушливый период, ибо харматан дует здесь намного сильнее, чем у моря. Животные собираются у нескольких сохранившихся источников. От недостатка воды страдают и люди. Им приходится ходить за ней долго, часа по два. Носят ее при этой нестерпимой жаре в кувшинах на голове.

На севере август и сентябрь — период дождей. Количество осадков, которое выпадает за это время, вовсе не так уж мало — от ста до ста двадцати сантиметров. У нас, в Чехословакии, в среднем выпадает лишь семьдесят один сантиметр осадков в год, а для нашей страны вовсе не характерен засушливый климат. Однако, когда в Северной Гане начинают идти благодатные дожди, иссушенная почва уже успевает превратиться в камень и значительная часть влаги просто стекает по ее поверхности. Проходит немало времени, прежде чем вода начинает просачиваться в почву. С этого момента деревья зеленеют, растут на глазах, быстро зреют многочисленные плоды, густая трава поднимается до высоты трех с половиной метров. Период дождей — это расцвет северной природы. Но слишком быстро вновь наступает засуха. В течение всего остального времени года земля вновь будет страдать от недостатка влаги, трава пожелтеет, листья опадут, люди и животные начнут искать воду.

Мы отправились в Тамале — крупнейший город Северной Ганы в самом начале засушливого периода.

Путь из Кумаси занял почти целый день. Сразу за Кумаси дорога нырнула в лес, она извивалась по холмам, часто встречались повороты. Но постепенно дорога выровнялась. В стене деревьев стали попадаться все более широкие разрывы, трава становилась гуще и выше. Все вокруг было покрыто красной пылью, и кое-где рощи стали напоминать нам давно заброшенные фруктовые сады. Мы приехали в самую бедную часть Ганы.

Львов мы так и не увидели

Впечатление от кумасийского зоопарка было еще свежо, поэтому мы решили прежде всего отправиться в заповедник, расположенный недалеко от города Дамонго в Северной Гане. Этот заповедник — ровесник независимой Ганы. Он был основан в конце 1957 года.

На территории заповедника запрещен любой вид охоты. И животные и растения здесь находятся под охраной. Это обязанность работников заповедника. Они обеспечивают животных необходимым количеством воды и пищи, стремясь создать для них наиболее благоприятные условия. Естественно, что ни о какой охоте здесь не может быть и речи.

Территория под заповедник была выбрана очень удачно, — здесь почти никто не жил. В окрестностях Дамонго мало воды, да и почва не очень плодородна. На всей огромной территории в тысячу четыреста сорок квадратных километров, отведенной под заповедник, располагались лишь три маленькие деревеньки по несколько глинобитных домиков в каждой. Жителей пришлось постепенно эвакуировать. Хотя от них и можно было ожидать уважения прав львов, слонов и всех остальных обитателей заповедника, но вряд ли дикие звери ответили бы им взаимностью.

Перед работниками Дамонгского заповедника была поставлена еще одна задача. Дело в том, что крупнейшая река Ганы — Вольта, которая не пересыхает даже в самые жестокие засухи, начинается не в Гане, а на территории Верхней Вольты. Значение этой реки для Ганы неопределимо, и поэтому правительство проявляет о ней большую заботу. Чтобы река стала более плодородной, необходимо вокруг ее истоков посадить деревья. На территории Дамонгского заповедника берут начало

несколько притоков Вольты, и работники его, проводя лесопосадки, способствуют экономическому развитию всей страны в целом.

Нам прежде всего хотелось увидеть животных и понаблюдать за африканским львом в естественных условиях.

Мы переночевали в местном рест-хаузе, чтобы выехать на следующий день рано утром. Научный работник заповедника Эмануил Асибей предупредил нас, что, если мы хотим увидеть животных, идущих на водопой, нужно выезжать на рассвете.

Вечер в Дамонго мы провели в обществе нашего проводника. Асибей еще молод, но уже многое повидал. В университете он занимался биологией, вопросами охраны природы и на всю жизнь увлекся изучением жизни животных. Когда ему представилась возможность работать в заповеднике, Асибей принял это предложение с радостью, несмотря на то что человек с университетским образованием не привык жить без электричества. В Дамонго его в то время еще не провели, но ни молодой ученый, ни его жена не жалели, что поехали сюда. Асибей пополнял свою библиотеку самыми последними научными исследованиями, которые получал из многих стран мира. Появились у него и свои труды — результаты наблюдений, проведенных в заповеднике.

Эмануил Асибей живо интересовался нашим национальным парком в Высоких Татрах.

— Видите ли,— говорил он,— мы только начинаем эту работу и не все пока что получается так, как мы бы этого хотели, но начало многообещающее. Главное — животным здесь неплохо.

Асибей рассказал нам, как он с товарищами каждое утро обходит заповедник. Слухи о легкой жизни в заповеднике, оказывается, распространяются быстро не только среди людей, но и в мире животных, поэтому диких зверей становится здесь все больше.

Я поинтересовалась, как чувствует себя человек, передвигающийся в одиночку по местам, где живут львы, дикие слоны, буйволы и другие не совсем безобидные звери. Не испытывает ли Асибей хоть изредка страх?

— Животных нужно понимать,— ответил он.— Я знаю, что их никогда нельзя дразнить. Опасны лишь звери раненые или те, кого преследуют. Поэтому мы

следим, чтобы в заповеднике не оказалось незваных гостей. Ведь никто не гарантирован, что на нашей территории кому-нибудь не взбредет в голову поохотиться. А что касается страха, то у меня глаза и уши всегда открыты, а рот — закрыт. И наконец, в каждой профессии есть элемент риска.

Асибей ходил по заповеднику целый год без ружья, так как был убежден, что всегда можно найти выход лучший, чем выстрел. Видимо, нервы у него были крепкие.

На другое утро я позавидовала Асибею, на котором был толстый свитер и куртка. Мы выезжали очень рано, значительно раньше, чем обычно вставали, и только теперь я убедилась, насколько правы те, кто советовал мне одеться потеплее. Разница в температуре ночью и днем здесь значительно больше, чем на побережье.

Я села в машину в легком платье и подумала, что не выпалась: меня слегка знобило. Странно, ведь даже в открытой машине мне всегда было жарко. Оказалось, что это не так. Машина тронулась, и я сразу почувствовала резкий, холодный ветер. Небосвод был совсем темным, и ничто не предвещало скорого восхода солнца. За все время пребывания в Африке, я никогда не ждала солнце так, как в это утро. Как все-таки быстро человек забывает то, к чему привык! За несколько дней до нашей поездки мы изнывали от жары на берегу моря и с грустью думали о том, что дома падает снег и как было бы здорово, если бы и нам хоть на несколько минут стало холодно. В Дамонго же я никак не могла дожждаться восхода солнца.

Заповедник — это не зоопарк. Вы не можете заранее запланировать встречу со слоном, то есть пожелать-то этого можете, но удастся ли вам его действительно увидеть — никто не знает, особенно если вы едете по дорожкам в открытой машине. Для пеших прогулок у нас времени не было. И мы увидели лишь несколько обезьян, антилоп и пару редких птиц. В одном месте нам показали следы слона. Ни сам слон, ни тем более лев нам так и не встретились... Прожив почти два года в Западной Африке, я так и не посмотрела царя зверей и утешилась тем, что увижу льва в пражском зоопарке.

Вода дороже золота

В Дамонго мы посетили группу советских геологов, которые в это время проводили широкие изыскания минеральных богатств на севере Ганы. В их задачу входило составление геологической карты области. Они должны были также дать рекомендации по промышленной добыче природных ресурсов.

Специалисты и научные работники не любят преждевременно рассказывать о результатах своей работы. Они должны сначала все досконально проверить и убедиться в правильности своих выводов. Поэтому советские геологи сообщили нам немного. Из их рассказа мы, однако, поняли следующее: во-первых, в Северной Гане сравнительно много золота и там можно заложить рудники и, во-вторых, в нескольких местах были обнаружены подземные источники воды. Последнее для жителей Северной Ганы особенно важно.

Вода представляет здесь большую ценность. Если вопрос о разработке любого месторождения решается в зависимости от его мощности, то скважины начинают бурить сразу же, как только геологи найдут хотя бы незначительные запасы воды. Она здесь дороже золота, особенно если обнаружены подземные источники. С поверхности земли вода сразу же испаряется. В засушливый период пересыхают почти все речки и ручьи; остается лишь растрескавшееся русло. Даже дамбы и плотины не в состоянии удержать воду. Гигантские искусственные озера высыхают под солнечными лучами задолго до окончания засухи. А с началом периода дождей реки выходят из берегов, вода ломает дамбы и их приходится строить заново. Это малопроизводительный, но зато очень тяжелый труд, особенно если принять во внимание те примитивные орудия, которые здесь используются.

Поэтому артезианские источники имеют такое огромное значение. Если бы подземных вод оказалось достаточно, то они полностью изменили бы жизнь Северной Ганы. При этом упала бы роль общественных водопроводов.

Водопроводы в Гане подводят воду на разные расстояния. Это совсем не те сооружения, к которым мы привыкли у себя дома, где стоит повернуть кран, как сразу потечет вода. Одну водоразборную колонку в

Гане устанавливают у группы домов или у нескольких близлежащих деревень. Сюда ходят дети, обычно девочки с кувшином на голове, или женщины, которые прямо на месте стирают белье. Поэтому водопровод — это своеобразный общественный центр, где люди встречаются, беседуют, обмениваются мнениями.

Здесь же матери купают своих детей. У меня сложилось впечатление, что это самые чистоплотные люди в мире. Повсюду, где течет вода, они намывают своих младенцев. На юге воды значительно больше, и мы при виде этого зрелища только улыбались. На севере каждое купание означало, что мать с детьми прошла далекий и нелегкий путь к воде или же перенесла каждую ее каплю на большое расстояние.

Поэтому мы от всей души желаем, чтобы на севере Ганы было найдено как можно больше подземных источников воды. Вода — это решение многих сложных проблем, связанных с повышением уровня жизни населения и культуры земледелия. Только воды не хватает здесь для того, чтобы земля начала давать невиданные урожаи.

Нианкпала и Понг Тамале

О том, какими могут быть урожаи, свидетельствуют результаты, полученные на государственной ферме в Нианкпале. Здесь благодаря использованию тракторов, применению глубокой вспашки добились урожая кукурузы вдвое больше среднего. Механизация работ плюс агротехника принесли свои плоды. Крестьяне из окрестностей Нианкпалы стали приходить сюда за советом. Позже они начали брать в аренду трактора и, таким образом, государственная ферма вскоре стала центром распространения знаний и высокой культуры обработки земли.

Однако в Нианкпалу нас привела иная цель. Во время своего пребывания в Тамале мы жили у словацкого врача, который работал в здешней больнице. У него были две дочери, младшей еще не исполнилось и двух лет, и ее мать ездила в Нианкпалу за свежими овощами. Правда, ферма была расположена дальше нашего овощного магазина, но в засушливый период овощи в Северной Гане исчезают, поэтому покупают их в опытном хозяйстве Нианкпалы.

Хозяйство это небольшое. Весь участок разделен на

прямоугольники площадью два квадратных метра. На каждой делянке определеннй вид овощей — помидоры, перец, салат, морковь. Мы их заметили еще издали — делянки располагались чуть ниже дорожек, и почва под ними отличалась своей структурой и цветом — темная и влажная в отличие от белесой, сухой пыли вокруг. Рассаду поливали по нескольку раз в день. Но на дорожки воды уже не хватало. Поэтому они всегда оставались сухими и потрескавшимися.

Почва Северной Ганы бесцветна. Такой ее делает солнце, так безжалостно высасывающее влагу до последней капли.

Мы купили салат, морковь и помидоры. И так, на несколько дней наши дети были обеспечены витаминами, но для скольких малышей хватит овощей с этого участка? И снова вечная проблема — вода. Откуда ее взять, чтобы полить поля на больших площадях.

В Нианкпале мы побывали на птицеферме, которой руководит Чарльз Лари. Он выращивает около двух с половиной тысяч птиц, и с первого же взгляда было видно, насколько лучше ухаживают здесь за птицей, чем в тех местах, которые нам приходилось посещать, где куры тщетно пытаются обнаружить в пыли хоть какие-нибудь зерна. Естественно, что там, где воды не хватает человеку, ее недостает и домашним животным. На выпасах в Гане чаще всего можно встретить стада овец и коз. В деревнях — домашнюю птицу. Однако выглядят они далеко не блестяще, так как предоставлены самим себе.

У питомцев Чарльза Лари — иное положение. Они живут в образцовых курятниках, их кормят, строго придерживаясь указаний специалистов. И не удивительно, что куры дают здесь рекордное количество яиц. На ферме установлен инкубатор — источник многочисленных хлопот для управляющего фермой. Инкубатор доставили из-за рубежа, и рассчитан он был на европейские условия. В Нианкпале температура всегда высокая, поэтому было трудно надеяться на исправную работу инкубатора. Чарльз Лари поговаривал о том, что в помещении, где стоит инкубатор, следует смонтировать установку искусственного климата. Но это, конечно, были несбыточные мечты. Нельзя же всерьез говорить о подобной установке для цыплят в стране, где не везде еще удалось добиться элементарных бытовых усло-

вий. Но как же тогда быть с инкубатором? Ведь яйца — тоже для детей. На этот вопрос ответить нелегко.

А пока что ганцы обходятся подручными средствами. К северу от Нианкпалы есть городок Понг Тамале с научным центром, исследующим вопросы увеличения продуктивности животноводства. Его работники начали свою деятельность с борьбы против тропических болезней. Проблему животноводства Ганы можно выразить кратко: там, где достаточно влаги, гнездится муха цеце — возбудитель губительной сонной болезни; там, где нет мухи цеце, слишком сухо.

Последствия недостатка воды для скота мы наблюдали в Северной Гане. В засушливый период крупный рогатый скот теряет около четверти своего веса, и не только потому, что нечего пить, но и потому, что нечего есть. Коровы дают в среднем около ста тридцати пяти литров молока в год — его не хватает даже на то, чтобы прокормить теленка. Поэтому животные вырастают малопродуктивными, дающими лишь минимум молока и мяса. На севере Ганы живут дети, которые никогда не пили молока, не ели мяса, но зато очень хорошо знают, что такое голод и болезни.

В Понг Тамале я беседовала со специалистами, которые ищут выход из создавшегося положения, опираясь на достижения науки. Скот здесь страдает не только от сонной болезни. Поэтому работники центра создают действенные сыворотки, которые прививают животным в широких масштабах. Наряду с борьбой против болезней идет работа по выведению новых видов животных, наиболее приспособленных к жизни в условиях тропиков. Например, в Западной Африке хорошо известна зебу. У нее непривычно длинные ноги, между лопатками — горб, а под шеей длинный мешок из отвисшей кожи, сильно развиты железы, выделяющие пот, что позволяет легко переносить жару. Запасы воды и пищи зебу накапливает в своем горбу. Но вместе с тем зебу дает мало молока и еще меньше мяса. Специалисты хотят скрестить ее с другим видом коров. Но с каким? Этот вопрос еще ждет своего решения. А пока что необходимо быстро решать самые неотложные проблемы, с которыми сталкиваются местные крестьяне.

Уже свыше полутора десятилетий рядом с научным центром действует ветеринарная школа, выпускники ко-

торой отправляются на работу непосредственно в деревни. Это хотя и небольшой, но все же решительный шаг вперед.

По дороге из Понг Тамале мы увидели, как горит буш. Это поистине фантастическое зрелище. Представьте себе серую землю с жухлой травой; на потемневших высохших деревьях кое-где еще сохранились отдельные листья. А над всем этим, гонимая ветром, поднимается стена пламени. Она несется вперед с головокружительной быстротой. Красные языки огня нарушают однообразие ландшафта. Солнце ослепительно сверкает, и лишь в его лучах пламя теряет свои краски. А позади огня — сплошная чернота. Травы исчезают бесследно, от деревьев остаются лишь обгорелые стволы и пни. Пожар мчится все дальше.

Мы остановились на узкой дороге и, оставив машину, двинулись навстречу огню. Однако вскоре нам пришлось сломя голову бежать назад — огонь приближался к машине так стремительно, что мы испугались за бензобаки. К счастью, мотор завелся сразу и нам удалось благополучно убраться. Должна сказать, что чувствовали мы себя при этом неважно.

Когда мы спрашивали, для чего жгут буш, то чаще всего слышали в ответ: «Для того, чтобы удобрить почву». Однако ученые из Понг Тамале объяснили нам, что это опасное заблуждение. Во время пожара испаряется вода, накопившаяся в растениях, уничтожается верхний слой почвы, для которого намного полезней было бы, если прошлогодняя трава просто истлела. Да и зачем заботиться об урожайности земли, на которой никто ничего не собирается сеять?

Один тамальский охотник объяснил, что буш жгут для того, чтобы облегчить охоту, ибо животным на обгоревшей земле некуда скрыться. Но специалисты опять же доказали, что копытные животные убегают туда, где нет огня, а змеи и грызуны прячутся глубоко под землю.

Работник местного муниципалитета утверждал, что буш жгут дети просто для забавы. Издавались специальные приказы, запрещающие жечь траву, но все безрезультатно. Ведь в засушливое время достаточно одной спички, чтобы огонь распространился очень далеко. Я собственными глазами видеда взрослых, которые поджигали буш.

Наверное, в каждом из ответов есть доля правды. Но особенно убедительно звучит довод, высказанный одним крестьянином:

— Почему мы сжигаем буш? Да в этот период траву всегда жгут. Так делали и наши отцы...

Так делали отцы, так поступают и сыновья.

Но чем больше я узнавала Северную Гану, тем больше убеждалась, что ее растительности не угрожает никакой пожар. Достаточно одного дождя, чтобы плодородная земля вновь оживала. Не раз мы проезжали по черной пустыне — таков результат недавнего пожара. Но на обгоревших ветвях, посреди пепла, зеленели побеги молодых листьев. Обугленные деревья выпускали удивительно свежую, ярко-зеленую листву — стоило им лишь ощутить несколько освежающих капель благодатной влаги. А из земли уже тянулись вверх тонкие стебельки молодой травы. Вскоре здесь вновь смогут пастись стада.

Не хотите ли взглянуть на крокодилов?

— Будете в Болгатанге, не забудьте посмотреть на крокодилов. Правда, они обленились и стали совсем ручными, но такого количества крокодилов и с такого близкого расстояния вы не увидите нигде. Проводников искать не придется, мальчишки сами прибегут к вам. Их будет даже слишком много. Не позволяйте лишь обобрать себя...

Такой совет дали нам тамальские друзья. Нагруженные термосами с прохладительными напитками, мы отправились на самый север Ганы, к границе с соседней Верхней Вольтой.

Еву мы с собой не взяли, так как знали, что нас ждет не очень легкий путь и будет лучше, если она останется в Тамале. Особенно восторга это решение у нее не вызвало. Ведь девочке очень хотелось увидеть крокодилов, и вообще она была убеждена, что самую интересную часть путешествия мы сделаем без нее. Однако наши друзья наполнили для нее водой огромный резиновый бассейн, и Ева перестала спорить. Позже я не раз с тоской вспоминала об этом бассейне, стоящем в тени веранды и заполненном прохладной водой.

Дорога была длинной и — что самое утомительное — очень однообразной. Время от времени мы встречали гигантский баобаб. В его тени располагались деревеньки с круглыми глинобитными домиками и островерхими крышами. Они напоминали грибочки из миндального теста. Только цвета поменялись местами. Ножка, точнее, сам дом, была темная, а соломенная крыша — светлая. Весь домик состоит из одного помещения с утрамбованным земляным полом. Окон нет, а вход расположен так близко к земле, что взрослому человеку приходится низко нагибаться. Зато внутри — освежающий полумрак, а от пола и глиняных стен веет прохладой. Крестьяне ночью спят на рогожах. Вся домашняя работа производится на улице. У каждой семьи несколько домиков-грибов. Центральный дом принадлежит главе семьи, а окружающие — его женам. Домики жен соединены между собой стеной, так что семья живет как бы в закрытом комплексе с внутренним двориком, где готовят пищу и играют дети.

Но деревень нам встречалось мало. Езда же по равнине с высокой травой и следами пожарищ была отупляющей. Расстояния между селениями в Северной Гане еще большие, чем на юге страны. Время в раскаленной от солнца машине тянулось медленно.

Наконец мы добрались до Болгатанги, самого крупного города к северу от Тамале.

В Болгатанге нет никакой промышленности, зато здесь есть другая достопримечательность, источник многочисленных доходов местного населения. Это рынок, известный во всей стране. Здесь продаются изделия из кожи, цветные корзины, шляпы и другие предметы из соломы, которые изготавливаются прямо на рынке. Но нам не удалось понаблюдать за ловкими движениями корзинщиков. Не успели мы выйти из машины, как перед нами вырос мальчик. И сразу же образовалась целая толпа:

— Не хотите ли вы взглянуть на крокодилов?

Наши друзья оказались правы. Мы взяли одного паренька в машину. Он должен был показать нам экзотическое зрелище.

Мы уже видели крокодилов в реке Вольте и в водохранилище, которое питает Тамале и его окрестности. Там их столько же, сколько щук или карасей в наших реках. Специалисты утверждают даже, что эти пресмы-

кающиеся очищают воды. В Гане их много, наверное потому, что здесь на крокодилов не охотятся. Многие племена Северной Ганы верят, что в крокодилов вселяются изменившие свой облик предки, и считают, что их нельзя убивать. Пресмыкающиеся нередко платят за это черной неблагодарностью. О нескольких случаях людоедства нам рассказал тамальский врач. Зубы «предков» напоминают острую пилу; когда они голодны, то хорошо умеют ими пользоваться.

Крокодилы не так пугливы, как обитатели лесов. Однако, если хочешь на них посмотреть, приходится ждать, пока они высунут свои морды. Около тамальского водохранилища мы простояли больше часа, так и не увидев ни одного крокодила. Лишь пару раз на поверхности показались движущиеся бугорки — ноздри крокодила, торчащие из воды.

Зато около Болгатанги есть небольшое озеро, из которого крокодилы выходят на зов человека. Именно к нему и привел нас мальчик. Дорога была не так уж плоха, чувствовалось, что машины ездят сюда довольно часто. Каждый приезжающий в Болгатангу считает нужным взглянуть на крокодилово озеро. По дороге мы встретили нескольких женщин, несущих на головах длинные пучки сухой травы, которую крестьяне используют для покрытия крыши. Около озера паслось несколько коров. Мы не успели остановиться, как к нам бросилась новая группа ребятшек. В руках каждого из них были веревочки с привязанными лягушками. Мы искренне их пожалели, так как большинство лягушек уже сдохли. Чтобы привлечь крокодила, ребята издали такой звук, который нельзя ни описать, ни повторить. Они дважды или трижды повторяли свой клич, пока несколько пар бугорков не устремилось к берегу, туда где мы стояли.

Мороз невольно пробирает по коже, когда видишь, что крокодилы направляются прямо к вам. Вот из воды вылез первый. Я вспомнила о посещении кумасийского зоопарка. Действительно, этот крокодил оказался значительно более крупным. Он медленно, с достоинством полз к ребятам. Дети перестали кричать. Один из них начал махать прямо перед крокодилом привязанной на веревочке лягушкой. Крокодил открыл свою пасть. Вы когда-нибудь видели вблизи пасть крокодила? Так вот мы ее видели. Пораженные, забыв о стра-

хе, щелкая фотоаппаратами, приблизились мы к крокодилу на расстояние нескольких шагов. Своими ленивыми, медленными движениями он притуплял нашу бдительность, хотя мы и знали о свойстве пресмыкающихся бросаться на добычу с быстротой молнии. Но, видимо, это были не те крокодилы. Здесь их так раскормили, они так привыкли к подобным ежедневным спектаклям, что спокойно ждали окончания представления. Даже коровы, которые паслись рядом, не боялись крокодилов, ибо видели этих ленивцев несколько раз в день.

Итак, гигантский крокодил лежал неподвижно с широко раскрытой пастью. Мы могли внимательно рассмотреть его. Крокодил лишь слегка поворачивал голову за лягушкой, которую мальчик водил прямо перед его носом. Мы даже не успели заметить, как крокодил молниеносным рывком бросился вперед и захлопнул пасть. Лягушки как не бывало.

Наш крокодил, по всей вероятности, знал, что больше ничего не получит, и спокойно улегся на берегу. Мы же стали следить за его собратьями, которые между тем вылезли из воды, постепенно окружив нас. Двум или трем крокодилам досталось еще по лягушке. Остальных ребяташки припрятали. Мы не успели заплатить, как четверо ребят приподняли тяжелый хвост одного крокодила. Как только голова пресмыкающегося оказывается ниже хвоста, животное становится беспомощным, ибо ему нечем отталкиваться. Остается лишь покорно ждать своей судьбы. Надо сказать, что болгатангские крокодилы — добродушные животные. Благодаря им местные мальчишки подрабатывают не так уж плохо.

А как же школа?

Не только эти обслуживающие туристов ребята помогают своим родителям. Дети в Гане часто пасут скот. Мы видели девочек, которые носили своих младших братишек по рынку за спиной. Сейчас большинство детей Ганы ходят в школы.

Школы в Гане — самые различные: от глинобитных домиков в деревнях до самых современных зданий из стекла, алюминия и цветного бетона в столице.

В 1957 году, когда Гана получила независимость, в стране было свыше девяноста пяти процентов негра-

Моѣных — лишь пять человек из каждой сотни умели читать и писать. Большинство немногочисленных школ построили миссионеры с целью распространения христианства. Здесь они внушали ученикам покорность белым господам. Все школы находились на юге. Они, естественно, не могли вместить желающих учиться. Что же касается засушливого севера, то туда христианские миссионеры не добрались. Поэтому сюда вместе с караванами, пересекающими пустыню, пришло мусульманство. Эта религия до сих пор является господствующей. Надо сказать, что мусульманство здесь плохо уживается с просвещением. Вершиной знаний оно считает умение наизусть декламировать Коран. Поэтому в тех местах на севере, где было какое-то подобие школ, детей учили арабскому языку и заставляли зубрить длинные суры из этой мусульманской Библии.

Короче говоря, чем дальше на север, тем беднее была страна и тем хуже обстояло дело с образованием. С 1962 года в Гане принят закон об обязательном школьном обучении. На юге его, как правило, соблюдают. Там действительно учатся почти все дети школьного возраста. Что же касается севера, то было принято мудрое решение не оказывать давления на родителей, которые не хотят еще пока посылать детей в школу. Ведь тому, кто никогда в жизни не ходил в школу, нелегко осознать пользу образования. Многие родители считают, что учеба — всего лишь потеря времени и значительно полезнее занять детей трудом. Кроме того, сейчас в школе учат латинскому алфавиту, который бесполезен для чтения Корана. Но и это еще не все. Как могут ходить в школу дети, которые живут в значительно удаленных друг от друга отдельных поселениях? Где найти учителей для севера, когда их не хватает даже на юге? Мы много слышали о том, что учителя не хотят ехать на север, предпочитая оставаться на юге, где условия жизни значительно лучше.

Многим родителям не по карману посещение школы их детьми. И хотя министерство просвещения Ганы предоставляет учебники бесплатно, тем не менее на юге в школу надо ходить в форме, которую каждый ученик должен приобрести сам. На севере школьную форму носить не обязательно, но зато надо иметь ботинки, а они многим родителям еще не по карману. Ведь, как правило, дети в жарких странах их просто не носят.

Но даже когда учитель этого не требует, босой ученик чувствует себя неловко.

Заведующий отделом народного образования в Тамале Джеймс Калим говорил, что следует очень осторожно, проявляя большое чувство такта, добиваться того, чтобы все дети ходили в школу. И, как это ни странно, первыми на этот призыв откликнулись вожди племен. Они послали своих детей в школу, послужив убедительным примером для других. Заведующий привлек на свою сторону нескольких мулл, которые учат детей читать Коран. Но больше всего он способствовал делу просвещения, когда много лет назад написал учебник языка дагомбо, на котором говорит большинство местного населения. И хотя официальным языком Ганы является английский, дагомбо, как правило, его не знают. И поэтому Калим еще в тридцатые годы, будучи молодым преподавателем, написал учебник, который используется в школах до наших дней.

Калим рассказал о начале своей педагогической деятельности в Тамале. В 1936 году его послали в городок Енди, чтобы основать там первую школу. Незадолго до его прибытия другой учитель уже пытался открыть в этом городке специальную школу, где ребята учились бы столярному мастерству. Но сопротивление родителей оказалось слишком велико, и школу пришлось закрыть. Молодой Калим решил сделать еще одну попытку. Он не стал проявлять излишней поспешности, в течение первого месяца знакомился с местными жителями, ходил по деревням, беседовал с будущими учениками. Родителям он объяснял, что им сторицей воздастся за то, что они временно теряют, отдавая рабочую силу. Результат превзошел все ожидания — в первый же день пришло семьдесят восемь учеников.

Тут же возникла новая проблема. Школа была задумана как интернат, но не на такое большое количество учеников. Но и это еще не все. Заведующий отделом народного образования — как и все высокопоставленные чиновники того времени — был англичанин. Он решил, что молодой энтузиаст зашел слишком далеко, и заявил, что у него нет второго учителя, который мог бы помочь Калиму. Тогда учитель привлек на преподавательскую работу одного государственного служащего.

Бывшие ученики Джеймса Калима сегодня уже хорошо известные в Гане люди. Многие из них избрали

профессию учителя. Но до сих пор им приходится сталкиваться с теми же проблемами, которые приходилось решать еще Калиму, хотя, конечно, многое за эти годы изменилось. Прежде всего, в стране уже не господствуют англичане. Общество теперь в полной мере осознает значение труда учителя. Сейчас курсы по ликвидации неграмотности посещает большое количество взрослых, и, видимо, Гана станет первой страной Западной Африки, которая покончит с этой проблемой. О том, что учебники предоставляются здесь бесплатно, мы уже говорили. Причем это учебники новые, не имеющие ничего общего с колониалистскими. Ведь англичане преподавали по английским учебникам, которые непригодны для ганцев, ибо все исторические процессы в них объяснялись с проанглийской точки зрения. Так, например, раньше дети детально изучали биографии английских королей и не имели никакого представления о прошлом своего континента. Они изучали географию Британских островов, но им ни слова не говорили об истории Западной Африки. Им рассказывали о сельскохозяйственных машинах, которых никто из них никогда не видел, но как повысить урожай на собственных полях — детей не учили.

Министерство просвещения Ганы систематически издает школьные пособия, написанные местными авторами. Новые африканские учебники улучшили дело народного образования, повысили интерес к учебе. Недалеко то время, когда все дагомбо станут посещать школу.

И не только мальчики, но и девочки. До недавнего времени в больших школах девочек было вчетверо меньше, чем мальчиков, а в небольшие деревенские школы ходили одна, от силы — две девочки, как правило, дочери учителя. Эту проблему, по мнению Калима, надо решать как можно быстрее. И он опять ходит по деревням и вновь убеждает родителей, чтобы они посылали в школу своих дочерей. Он объясняет, что женщинам тоже нужно образование, что становится все больше и больше профессий, в которых они смогли бы применить свои силы, если бы получили образование.

Женщины могут, например, стать медицинскими сестрами, которые так нужны больницам и поликлиникам. И Калим, конечно, прав. Ибо на севере Ганы, в самых бедных ее районах, жизнь тоже меняется. И может быть, именно здесь — особенно быстро.

Дорога на юг

Вероятно, каждый из вас когда-нибудь в детстве стоял на берегу ручья или реки и бросал в поток щепку или бумажную лодочку, думая о том, куда она доплывет и что ей встретится на пути. В Северной Гане мы несколько раз видели небольшую речку. Это та же река Вольта, которая была уже нам знакома по Южной Гане, где она кружит по непроходимым лесам, пока наконец не вольется в море вблизи города Ада. Если бы мы спустили на ее воды нашу лодочку, то она проплыла бы по районам, которые вскоре станут наиболее богатыми в стране.

За то время, пока мы жили в Гане, она без помех преодолела бы расстояние от северных границ страны до самого Гвинейского залива. Но если мы пустили бы ее сейчас, когда вы будете читать эту книгу, она закончила бы путь раньше — скорее всего, потерпела бы кораблекрушение около Акосомбо, у плотины гигантской гидроэлектростанции.

Вдоль Вольты на юг не проедешь — ее берега поросли слишком густыми лесами. Нам пришлось вернуться в Аккру и затем уже оттуда отправиться в Акосомбо. Вся дорога занимает меньше двух часов. Она часто петляет, а в деревнях приходится снижать скорость, потому что на проезжей части стоят продавцы различных товаров и идут женщины, несущие на головах сосуды с водой. И хотя здесь воды больше, чем на севере, тем не менее носить ее приходится от общественных колодцев. Особенно внимательно надо следить за детьми, которые играют неподалеку и каждую секунду могут выбежать наперерез автомобилю.

В период дождей в лесном поясе ребяташки стоят на дорогах со странными растениями в руках, похожими на цветы для подружек невесты, со свисающими до

самой земли лентами. Это — местные грибы, а ленты — их длинные ножки. Кто хоть раз пробовал белые грибы в сметане, тому навряд ли понравится этот единственный вид грибов Ганы, которые притом почти что безвкусны. Поэтому мы, не останавливаясь, проезжали мимо ребят, стоявших вдоль дороги с грибами в руках. Путь наш лежал на северо-восток.

Акосомбо

Мы поняли, что приближаемся к цели, когда вдали увидели дугу моста, переброшенного через Вольту.

Берега Вольты так густо поросли тропической растительностью, что мы, не видя реки, сразу догадались о ее приближении: кустарники и деревья становились все выше и гуще. Правильность наших предположений подтвердил мост — единственный на этой реке. Когда на севере нам нужно было перебраться на другую сторону, то всегда приходилось пользоваться паромом. Мост, строительство которого закончилось в январе 1957 года, является настоящей гордостью Ганы. Его смелая грациозная дуга видна издали, он настолько современен, что группа девушек, шагающая по нему с грузом фруктов на головах, показалась нам вначале некоторым анахронизмом. Но в Гане к противоречиям и контрастам привыкаешь быстро.

Оба конца моста теряются в зеленой гуще. Поэтому он напоминает железную дугу, опрокинутую над лесом. Самый лучший вид на Вольту открывался с моста. Вода была коричневатого цвета, а в ней плавали сказочные острова. Говорят, в реке много крокодилов, но с моста их не видно.

Мы проехали еще немного, и река вновь исчезла. Она теперь где-то с правой стороны за деревьями. Новая встреча с ней ожидала нас лишь в Акосомбо.

Мы удобно расположились в тени веранды современного отеля, который возвели здесь в связи с постройкой электростанции. Шелестели разноцветные зонты, на столах стояли большие стаканы с прохладительными напитками. А внизу текла река Вольта и раскинулась панорама строительства. Вольта около Акосомбо делает довольно резкий поворот влево, и именно здесь строилась плотина. Мысль о плотине на Вольте

не нова. Еще в 1917 году в сообщении о геологических исследованиях Золотого Берега была высказана мысль, что Акосомбо может оказаться удобным местом для строительства гидроэлектростанции. Тогда она показалась чересчур смелой. В конце пятидесятых годов первое национальное правительство Ганы решило претворить в жизнь этот план. Но для осуществления такой огромной стройки у Ганы не хватало средств, и правительство вынуждено было запросить иностранные кредиты. Они были получены, и в августе 1961 года начато строительство.

Мы побывали в Акосомбо в то время, когда работы были в полном разгаре. Должна признаться, что, увидев гигантскую панораму стройки, мы почувствовали себя несколько растерянными. Тысячи людей, работавшие здесь в три смены, совершенно терялись на огромной территории. Только гигантские землеройные машины и огромные бульдозеры казались на своем месте в этом котловане. Вольта тоже исчезла; она текла по временному тоннелю, чтобы в ее русле можно было провести необходимые работы. Столетние джунгли потревожили — тропическому лесу пришлось уступить место широким дорогам, по которым везли сюда строительные материалы и механизмы. А сами берега приходилось укреплять, чтобы они выдержали напор будущего озера, которое возникнет после строительства плотины.

Это будет самое большое искусственное озеро в Африке. На севере оно достигнет городка Ярпей. Во время своего путешествия по Северной Гане мы видели этот городок. Он ничем не отличается от других северных поселений и также страдает от засух, несмотря на то что находится на берегах Вольты. Когда же перед ним раскинется зеркало искусственного озера, водная проблема будет здесь решена. Местные жители используют воды озера для обводнения полей и смогут засеивать его плодородные берега, так как вода искусственного водохранилища в засушливый период спадет и на открывшихся площадях можно будет выращивать рис — важную составную часть экспорта Ганы.

Какую роль будет играть этот водоем для народного хозяйства, видно хотя бы из того, что здесь предполагается выловить примерно десять тысяч тонн свежей рыбы в год. Насколько упростится проблема транспор-

та, какое количество домов отдыха будет построено вокруг — об этом всего даже и не расскажешь. Теперь плотина на Вольте уже готова.

В Гане долго велись споры — нужно ли стране такое огромное количество энергии, ведь большинство деревень даже не электрифицировано. Не получится ли так, что Гана произведет больше электроэнергии, чем сможет потребить? Чтобы ответить на этот вопрос, я хочу еще раз вернуться в порт Такоради. Мы видели в нем много товаров и сырья, которые экспортирует Гана, в том числе бокситовую руду, идущую по очень низкой цене. А если наладить производство из нее алюминия в стране, то это потребует огромного количества электроэнергии.

Акосомбская электростанция будет производить много дешевой электроэнергии. По предварительным подсчетам, на алюминиевом комбинате в Тебе будет работать около полутора тысяч человек. Естественно, что капиталистические фирмы, которые строят алюминиевый комбинат, делают это не из желания помочь независимой Гане. Они поставили условие, что будут обрабатывать на нем свой полуфабрикат. Его производство из боксита обходится дешево, не требуя больших затрат энергии. Наиболее энергоемкой считается вторая стадия — получение алюминия из полуфабриката. Электрическая энергия во всем мире дорога, в Акосомбо ее много и она дешева. Поэтому полуфабрикаты сюда выгодно ввозить и получать алюминий в Гане.

Мы поехали на стройку. «Шкоде» приходилось все время уступать место большегрузным самосвалам, возившим щебень и цемент. Часто навстречу нам попадались бульдозеры и другие дорожные машины; большинство водителей были ганцы. Итальянские специалисты (плотину возводила итальянская компания) обучили местных жителей многим профессиям, так что после окончания строительства в Гане останутся сотни квалифицированных рабочих — ядро будущих строек.

В центре строительной площадки мы нашли группу старых глинобитных домиков. Они здесь не круглые, как на севере, а прямоугольные и напоминают детские рисунки. Сами домики маленькие, с соломенными крышами, а окна — еще меньше, чтобы в помещении не было жарко. В городах крыши обычно покрывают гофрированным железом. Так что, когда смотришь с горы, ка-

жется, словно видишь заржавевшие жестяные волны. Но здесь, в Акосомбо, еще сохранились традиционные соломенные крыши. Перед одним из домиков стоял современный сварочный аппарат. Два ганца сваривали с его помощью какой-то шов. Мы долго смотрели на них, и трудно было сказать, что оказывало более сильное впечатление — современный аппарат на фоне глинобитного домика или свет автогена, озаряющий сосредоточенные лица рабочих.

Это соседство было столь же непривычно, как и вид нашей «шкоды», приютившейся под гигантским баобабом. Но в Гане начинаешь привыкать к картинам, которые еще недавно трудно было себе представить.

Гибнущий город

С Эдуардом Дигби — редактором музыкальных передач радио Ганы — я познакомилась, когда записывала народную музыку. Потом он сам часто приходил к нам в гости, чтобы послушать грампластинки. Больше всего он любил музыку Дворжака. Мы рассказывали ему о Чехословакии, о Праге, о наших музыкальных фестивалях. Он был благодарным слушателем и с любовью отзывался о своем родном городе.

Родился Дигби в Кете. Отец его был вождем одной из близлежащих деревень. Большинство жителей на его родине занимаются рыбной ловлей и выращивают лук, который развозят по всей Гане. Редактор пригласил нас в свой родной город, добавив полушутя-полусерьезно, что это надо сделать как можно скорее, ибо мы можем вообще города не застать, так как Кета гибнет. Мы страшно заинтересовались. Прошло не так уж много времени, и вот однажды рано утром мы действительно отправились в Кету.

Кто внимательно посмотрит на карту Ганы, наверняка заметит, что на восточной части побережья в море выдается длинный, узкий полуостров. Он так узок и тонок, что не выдержал, видимо, ударов морского прилива, загнулся по направлению к материку и теперь идет почти параллельно побережью. Это — полуостров, и тому, кто хочет побывать в Кете, надо добраться почти до самой восточной границы Ганы, сделать поворот на юго-запад и вернуться назад.

Жителей кормит здесь море. Глиняные домики рыбацких деревень покрыты пальмовыми листьями, рядом с каждым из них — круглые печурки для копчения рыбы. По форме они напоминают дома на севере страны, только в карманном исполнении. Даже крыши у них такие же, хотя во время копчения рыбы их снимают. Ее здесь либо коптят, либо сушат на солнце.

Мы ехали по не совсем обычной дороге. Лента полуострова была очень узкой, дорогу засыпал прибрежный морской песок, и почти все время мы видели море — либо с левой, либо с правой стороны. Слева — это были волны океана, справа — зыбь морской лагуны. А иногда полуостров сужался настолько, что мы видели синеву моря с обеих сторон сразу.

Нам казалось, что, должно быть, очень скоро песок поглотит вода и лишь постоянно ремонтируемая дорога сможет продлить жизнь полуострова. После часа езды мы подъехали к месту, где полуостров окончательно ушел под воду. Это была Кета — цель нашего пути.

Слово Кета в переводе означает — «город, построенный на песке». И, надо сказать, название это полностью соответствует действительности. Кета — старый город, один из первых, где высадились когда-то европейцы. Здесь есть ветхий костел и школа, которую построили еще миссионеры. Но в то время Кета была совсем другим, значительно более крупным городом.

Что же случилось? Раз в год море поднимается и заливает часть полуострова, а вместе с ним — часть Кеты, каждый раз разрушая дома на окраинах. Примерно через месяц вода спадает, но уровень ее уже никогда не становится прежним. Через год все повторяется, вода отвоевывает новую территорию, разрушая еще несколько домов и оставляя после себя один песок.

Незадолго до того как мы приехали в Кету, спал очередной морской паводок. Автомобильная дорога в центре города была полностью разрушена. Ее засыпало песком, поверх которого лежали доски, чтобы хоть как-то обеспечить движение. Мы довольно легко проехали по ним, стараясь не думать о том, что будем делать, если наша «шкода» здесь увязнет.

Мы вышли из машины, чтобы поближе посмотреть разрушенные улицы. Глубокий и очень мелкий песок при первых же шагах посыпался в ботинки, затем они стали полны, и не оставалось уже ничего иного как

разуться. Однако ступни не выдерживали раскаленного песка, хотя дети рыбаков играли на нем как ни в чем не бывало. Нам казалось, что мы идем по горячей плите; пришлось снова обуться и черепашьям темпом двинуться вперед: шаг — ботинки полны песку, мы высыпаем его, снова шаг...

Дамба вдоль берега должна была либо остановить морские волны, либо хотя бы уменьшить силу их ударов. Но грустная картина, которая раскрылась перед нами, свидетельствовала о том, что все надежды здесь тщетны. В тени домика, стоящего на черте, до которой дошло в этом году море, на стуле сидел старик. Мы поздоровались с ним. Оказалось, что это старый приятель нашего гида, и он остановился с ним поговорить. Старик помнил еще те времена, когда его дом находился на расстоянии добрых двух километров от моря, а нынче до воды рукой подать. Пройдет немного времени, и он тоже станет жертвой морских волн. Что будет делать этот старый человек? Куда ему идти? Он останется в Кете, переселится чуть подальше от моря. Но дальше от моря — значит ближе к лагуне. В один прекрасный день морские воды моря и лагуны встретятся. Молодежь не хочет дожидаться того дня, когда это произойдет, и, покидая Кету, переселяется в Тему. Там требуется много рабочих рук, там бурлит жизнь. И в то время как Кета, город, построенный на песке, гибнет, Тема — дитя прогресса — растет, устремленная в будущее.

Город, устремленный в будущее

Еще в 1951 году случайный путешественник не заметил бы здесь ничего особенного. Тема была прибрежной рыбацкой деревенькой, как и десятки ей подобных. Глинобитные домики, печурки для копчения рыбы, рыбацкие лодки и дети — все было таким же, как и повсюду.

В наши дни вы, увидев Тему, с трудом сдержите возглас восхищения. Город очаровывает каждого, и, однажды увидев его, хочется вновь и вновь вернуться сюда. Это — будущее Ганы. И раскрывается оно сразу во всей своей красе.

Когда мы по прекрасной автостраде направились из

Аккры на восток, то начало нашего путешествия трудно было назвать приятным. Долина Аккры слишком однообразна — высокая трава высохла и пожелтела, а море, проглядывавшее сквозь пальмы, так ярко блестело на солнце, что мы старались на него не смотреть. К тому же окружающие холмы ограничивали горизонт. Поэтому мы страшно обрадовались, когда увидели наконец стрелку с надписью: «К Теме». За поворотом сразу же открылся город. Трава сменилась современными трехэтажными белоснежными домами с огромными окнами и разноцветной лепкой, небольшими коттеджами и высокими жилыми зданиями. Это была Тема, самый современный город не только в Гане, но и во всей Западной Африке.

Здесь электрифицированы все дома, они снабжаются водой, словом, имеют все удобства. Чтобы электрические провода не портили облик города, кабели проложили под землей. Строители помнили и о том, что дети должны ходить в школу, что на дорогах их поджидает опасность. Поэтому размещение жилых кварталов и школ спланировано так, чтобы ученикам не нужно было пересекать ни одной улицы, по которой движется транспорт. Город строится по этапам, отдельными кварталами. Сразу такую гигантскую задачу не решишь — ведь по плану население Темы будет превышать двести тысяч человек. А создавался этот план в то время, когда в Гане было всего лишь шесть городов с населением более шестнадцати тысяч человек.

Почти все жители Темы приехали сюда из разных уголков страны. Многие из них впервые поселились в современных комфортабельных домах. И оказалось, что не так легко привыкать к новой, хотя и лучшей жизни. Мы видели забитые досками окна и сломанные стены некоторых зданий. В городском жилищном управлении нам рассказывали, какие неожиданные проблемы и трудности иногда возникают. Например, те, кому всю жизнь приходилось ходить за водой бог весть куда и носить ее в сосудах на голове, не привыкли к тому, что водопровод может иногда засориться. Поэтому очистка городского водопровода является одной из важнейших коммунальных работ.

Но вообще-то новоселы осваиваются здесь довольно быстро. Чтобы этот процесс протекал еще быстрее, здесь проводятся регулярные социологические обследо-

вания. Рассылаются анкеты с вопросником. Как вам живется в наших типовых домах? Что вам нравится здесь, что удовлетворяет, а что — нет? Что вам придется менять и почему? Анализируя ответы, архитекторы и строители меняют и совершенствуют планировку домов и квартир в новых кварталах.

По плану Tema будет разделена на двенадцать районов. Они вытянутся с востока на запад, и примерно в 1985 году Tema сольется с Аккрой. Таким образом, новый порт действительно станет частью столицы, ее воротами.

Когда мы впервые приехали в Гану, корабль с нашим багажом отправили прямо в Аккру. Но здесь в то время не было порта. Рейд был недостаточно глубок для крупнотоннажных судов. И грузы, несмотря на большие волны, приходилось вдалеке от берега перекладывать на небольшие лодки. Естественно, что при таком способе перегрузки грузы иногда падают в воду, ящики бьются, а мешки рвутся. Один из наших чемоданов тоже оказался разбитым. Видимо, искупался и радиоприемник. По крайней мере именно этим мы объясняли его нежелание издавать звуки.

В Аккру в то время доставляли только то, что могло поместиться в лодках, а крупногабаритные грузы, механизмы и машины выгружались в Такоради. После того как Tema была построена, положение изменилось и нашу «шкоду» уже доставили в новый порт. Здесь же выгружали, как мы говорили, и чехословацкие трактора.

В наши дни существуют две Темы — современный порт и рыбацкий городок, который называют старым, хотя он довольно молод. История его интересна. В конце сороковых годов инженеры стали подыскивать место для будущего порта. Наконец была выбрана деревня Tema, хотя здесь не было естественной бухты и ее нужно было еще создать. Не последнюю роль в этом решении сыграло то обстоятельство, что Tema находилась довольно близко от города Акосомбо.

В 1952 году начались работы по строительству самого крупного искусственного порта на Африканском континенте. Ровно через десять лет — в 1962 году — новый порт был открыт. За это время проделана гигантская работа. Старую рыбацкую деревеньку пришлось разрушить. Для рыбаков построили новую Тему — не

глинобитную, а каменную. Причем при строительстве тщательно учитывались все родовые связи, традиции и привычки, так что жители почувствовали себя сразу же как дома. Эта «старая» Тема приютилась под боком у нового города. Жизнь в ней течет почти так же размеренно, как много лет назад. Правда, труд рыбаков стал иным. Оборудованный всем необходимым для приема рыбы, порт значительно облегчил его.

Рыбацкий порт

Краски рыбацкого порта в Теме можно передать лишь на цветной пленке. Всюду к причалам приткнулись барки, лодки и суденышки всевозможных форм и расцветок. Здесь не только привычные посудины, которые мы встречали повсюду на побережье. То и дело попадаются крупные рыболовные траулеры, способные уходить далеко в море и вести там лов длительное время.

На молу сидело около десятка рыбаков, чинивших огромную сеть. Мы прошли мимо них и направились к невысокому зданию, где помещалось рыболовецкое управление. Управляющий усадил нас у огромного окна и стал рассказывать о повадках рыб, особенно тунцов.

Оказывается, тунец, чтобы не умереть, должен постоянно двигаться. И чем теплее вода, тем быстрее, чтобы обеспечить себя необходимым количеством кислорода. В Гвинейском заливе вода теплая. Поэтому тунцы здесь ходят особенно быстро. Ловить их — сложная задача для рыбаков с их небольшими лодками. С середины июня до конца января, хотя тунцы и заплывают сюда большими стаями, местные рыбаки их, как правило, не ловят. В магазинах Аккры я покупала консервированных тунцов, доставленных сюда из Японии.

Гана ввозит не только тунцов. За год сюда было импортировано свыше полутора тысяч тонн различной рыбы, несмотря на то что Гвинейский залив рыбой очень богат. Решить эту проблему и должно государственное рыболовецкое управление. Специалисты считают, что достаточно иметь несколько крупных сейнеров, чтобы не только обеспечить рыбой страну, но и отправлять ее за рубеж. Чтобы рыба не портилась, в Теме построен рыбоконсервный завод. А в крупных городах расширя-

ется сеть магазинов, торгующих свежемороженой рыбой.

Мы осмотрели один из сейнеров. Он стоял у причала. Рыбаки готовились к выходу в море. Сразу было видно, что сейнер предназначен не для туристских прогулок. С берегом он не был связан ни трапом, ни даже доской, и, признаюсь, у меня екнуло сердце, когда я увидела, как один из рыбаков перепрыгнул через широкую полосу воды. Вероятно, страх отразился на моем лице, потому что двое матросов перекинули для нас с берега на борт нечто подобное трапу.

Мы без всяких приключений оказались на корме, где лежала огромная рыболовная сеть. Длина ее превышала километр. Вытаскивает ее из воды склонившийся над ней журавль. Трудно было представить себе размеры сети, хотя нам и объяснили, что с помощью этого невода можно вытащить из воды свыше ста тонн рыбы. Даже самая крепкая сеть не выдержала бы такого груза, поэтому во время подъема ее поддерживает сеть поменьше. Улов сразу же замораживают, укладывая в большие бочки. Мы видели лишь их крышки, так как сами бочки спрятаны в трюме. Они расставлены по обеим его сторонам и заполняют трюм равномерно, чтобы сейнер не накренился на один борт.

Подпалубные помещения особенно заморозили Еву — так здесь все было миниатюрно. На каждом квадратном сантиметре пространства размещалось предельное количество всяких шкафчиков и ящичков. Столы здесь складывающиеся, кровати выдвижные, обеденный стол точно повторяет форму помещения. Короче, продумано все, чтобы облегчить рыбакам жизнь в открытом море, пока не наберут необходимых двести сорок тонн рыбы.

Сейнеры почти всегда возвращаются с хорошим уловом, несмотря на то что ганские рыбаки лишь недавно научились ловить рыбу вдалеке от берегов. Ведь они привыкли к иным методам и масштабам рыбной ловли.

Нас познакомили с английским специалистом, который передавал рыбакам свой опыт вождения новых сейнеров. Мы спросили, доволен ли он своими учениками? Сдержанные англичане редко кого горячо хвалят. Однако на этот раз учитель был щедр на эпитеты:

— Это природные рыбаки. Из них получатся отличные специалисты. Знаете, у нас, англичан, есть та-

кая пословица — когда у кого-нибудь всё идет как по маслу, мы говорим, что он чувствует себя как рыба в воде. К рыбакам Ганы эта пословица применима вполне.

Недалеко от причала, на огромной площадке, сохнут самые мелкие рыбешки. Запах, распространяемый ими, нельзя назвать особенно приятным. Но издали его не чувствуешь. Виден лишь серебристый блеск сверкающей на солнце чешуи. Без рыбы и рыбаков Тему представить себе невозможно.

Тема — не только рыбацкий порт

Как и в каждом современном городе, промышленные предприятия Темы строятся вдали от жилых кварталов. Пока здесь преобладают небольшие фабрики, принадлежащие частным владельцам. Один из них — господин Гейзи — делает чемоданы и дамские сумочки. Одну такую сумочку я привезла с собой в Прагу — модная и прекрасно выделанная, она вызывает восхищение моих друзей. До того как открыть фабрику в Теме, у господина Гейзи было подобное предприятие в Великобритании. Когда Гана добилась независимости, он решил уехать из Англии и вернуться домой. Для того чтобы выпускать столько же продукции, сколько в Англии, ему приходится держать значительно большее число рабочих.

И здесь мы сталкиваемся с одной из главных проблем индустриализации Ганы. Тем, кто никогда раньше даже не видел станков и других механизмов, нелегко привыкнуть к сложному, современному производству. Тем, кто никогда не посещал школы, кто по старинке обрабатывал свои маленькие поля, трудно подчиниться дисциплине и организации заводского труда. На фабрике надо приступать к работе в определенный час и выдерживать определенный ритм до конца рабочего дня. Многие ганцы нелегко усваивают эти порядки. А отсутствие дисциплины значительно снижает производительность труда.

Мы приняли участие в конференции, на которой обсуждался этот вопрос. Выступали директора заводов, руководители профсоюзов. Они говорили о разных формах профессионального обучения, о повышении чувства ответственности. Во время обсуждения кто-то пошутил,

что, может быть, эту сложную проблему удастся решить с помощью орехов кола.

Кола — маленькие с фиолетовым оттенком орешки — продаются на всех рынках Ганы. Они растут на высоких деревьях и издавна применяются в качестве тонизирующего средства, помогая превозмочь усталость. Ими запасались проводники караванов, которым надо было пересечь Сахару; до сих пор их употребляют все те, кто занимается тяжелым физическим трудом. Орешки содержат кофеин и другие подобные стимуляторы; они оказывают, видимо, такое же действие, как чашечка крепкого кофе.

Орешки кола весьма популярны. Однако с их помощью поднять производительность труда, конечно, нельзя. Чтобы решить эту задачу, необходимо наладить руководство, улучшить организацию труда, систематически повышать квалификацию рабочих. В Теме мы побывали на нескольких предприятиях, и всюду вопрос повышения производительности труда является одним из важнейших. Господин Гейзи пока что выходит из положения, набирая большее число рабочих. Но проблема, наверняка, будет решена по-настоящему, когда начнут возникать такие промышленные центры, каких Гана до сих пор еще не знала. Для тех, кто приезжает в Тему из далекой провинции, многие механизмы кажутся диковинкой. Но для детей, посещающих городские школы, будут уже привычны фабрики, заводы и их напряженный трудовой ритм.

Каждый раз, приезжая в Тему, мы «открывали» новое промышленное предприятие. Здесь быстро развивается не только легкая, но и тяжелая промышленность. Однако больше всего нас, жителей сухопутной страны, восхищал порт. Не тот маленький рыболовецкий причал, а сама Тема — крупнейший искусственный порт Африки.

Мы довольно часто ездили сюда на мол, где хорошо ловилась рыба. Ведь, собственно, сам порт образован двумя гигантскими каменными молами, которые, как бы смыкаясь в своем объятии, образуют залив, где воды всегда спокойны и без всякого риска могут швартоваться корабли. Длина каждого мола около двух километров, а ширина такова, что по ним проложены удобные автострады. Мы обычно проезжали их от начала до конца.

Я любила смотреть в воду с высоты мола. Внизу медленно плавали прозрачные, напоминающие большие грибы медузы. Мы бросали в воду остатки завтрака, на них набрасывались стайки разноцветных рыбешек. Надо, правда, признаться, что мы так и не поймали ни одной из них, но не огорчались. Ведь перед нами открывался прекрасный вид, особенно когда мимо проплывали корабли. Мы наблюдали за тем, как они покидают порт. Суда шли под флагами разных стран, и каждый раз, когда они выходили в открытое море, на борту стояла шеренга матросов, салютующих порту.

Мы много часов провели здесь. Слева от нас ревел бушующий океан, справа раскинулись спокойные воды искусственного залива. В самом порту было оживленно, как и везде, где перекрещиваются морские пути. А ведь всего несколько лет назад здесь было тихое место, малолюдная рыбацкая деревенька. Все эти перемены — результат трудовых побед освобожденного народа Ганы.

Где-то в этом месте море омывало скалу, лежавшую на нулевом меридиане. Теперь этой скалы нет. А Гринвичский меридиан проходит теперь через Тему — современный африканский порт, которому принадлежит будущее.

Гана глазами друга

В современной истории каждой африканской страны был иногда короткий, иногда более длительный период, который можно назвать героическим. Это время, отмеченное подъемом политической активности народа. Другой его чертой было появление на общественной арене плеяды деятелей с широким историческим кругозором, с яркими, выразительно очерченными характерами.

Пережила подобную эпоху и Гана. Мне представляется, что в этой стране героический период наступил в конце сороковых годов, когда на золотых рудниках происходили мощные забастовочные выступления организованных шахтеров, когда в столице страны — Аккре и других крупных городах безработная молодежь начала подхватывать лозунги национальной независимости, выдвигаемые возвращающимися после войны из европейских и американских университетов вчерашними студентами.

Напротив, приближение конца этой эпохи стало ощутимо в середине шестидесятых годов. Тогда выступили наружу усталость и разочарование трудящихся масс, тогда в народе заговорили о моральном падении вчерашних героев. Перспективы развития, еще вчера казавшиеся безбрежными, резко сузились.

Был 1962 год, когда я познакомился в Аккре с молодой чехословацкой журналисткой Ольгой Прхаловой. Жизнерадостная, энергичная, с деятельным, живым умом, она жадно вглядывалась в тот своеобразный, часто непонятный европейцу мир, который ее окружал. Дом, в котором жила и работала семья Прхалов, находился в Кокомлемле и сам по себе мог служить прекрасным наблюдательным пунктом, поскольку именно через Кокомлемле проходила граница между районами крайней нищеты — Нимой, Нью-Лагосом, где прозябали недавно приехавшие в ганскую столицу отходники, безработные, босяки, и районами, где отстраивались виллы высших чиновников, разбогатевших предпринимателей.

Семья Прхалов немало времени проводила в разъездах. Муж Ольги — Мирек работал корреспондентом Чехословацкого телеграфного агентства и основательно, систематически изучал страну. Вместе с женой и дочерью Евой он объехал все побережье Ганы, то есть собственно бывшую колонию Золотой Берег. На машине он не раз пересекал страну, направляясь в северные, наиболее от-

стальные районы республики. Неоднократно и Мирек и Ольга бывали в главном городе области Ашанти — Кумаси.

Каждая из этих поездок запечатлена в книге «Нулевой меридиан проходит через Тему». Гана — край редкого разнообразия и природных условий и культурных традиций, так что из очередной командировки Ольга всегда возвращалась с новыми впечатлениями, с новыми идеями. Ее воодушевляла и эпоха, переживаемая молодой республикой. Хотя уже определились экономические трудности и социальные противоречия, постепенно разъевшие фундамент власти управлявших тогда страной революционно-демократических сил, еще не рассеялась атмосфера патриотического подъема, еще повсюду шла работа по созданию государственного промышленного сектора, по модернизации архаичного сельского хозяйства, по культурному обновлению, по перестройке школы. Старые традиции причудливо переплетались со свежими веяниями.

В книге О. Прхаловой хорошо ощущается эта особая атмосфера тех лет. Она заразила автора оптимизмом и проявляется в восхищении, с которым тот пишет обо всем увиденном в Гане. И это восхищение не слепо, оно оправданно. Разве можно забыть, что народ Ганы согласился на немалые жертвы, чтобы сделать начальное образование своих детей обязательным и бесплатным? Разве не заслуживало внимания строительство долгое время бывшей самой мощной в Тропической Африке гидроэлектростанции? А сооружение нового крупного порта — Темы?

К тому же в годы, описанные О. Прхаловой, престиж Ганы в Африке был чрезвычайно велик. Правительство республики выступало инициатором объединения Африканского континента. Им была выдвинута программа полного освобождения Африки от колониализма, и оно последовательно добивалось ликвидации расистских режимов в Родезии и Южно-Африканской Республике. Громадный повсеместный интерес вызывали усилия, направленные на возрождение национальных культур страны. Всей прогрессивной африканской общественностью пристально изучался опыт борьбы за экономическую независимость, накопленный в Гане.

Этот сочувственный интерес разделялся и журналистами из социалистических стран, работавшими в Аккре. Конечно, он виден в книге О. Прхаловой. Но, вероятно, ее репортаж не читался бы с таким увлечением, если бы авторская влюбленность в Гану не сочеталась с острой наблюдательностью.

Чехословацкая журналистка подметила немало особенностей ганского быта, ганской культуры. Улицы Аккры, деревенский праздник, пестрый африканский рынок — эти сценки написаны живо, с мягким юмором, с массой точных, выразительных подробностей. В Гане сосуществуют несколько десятков разноязычных на-

родностей, причем богатство их культуры с особенной полнотой обнаруживается во время народных торжеств.

Наблюдательность позволила журналистке увидеть и то новое, что рождалось в независимой Гане. Речь идет, конечно, не только о громадных стройках вроде гидроэлектростанции в Акосомбо на реке Вольте, о чем существует богатая литература. Особенно интересны содержащиеся в книге описания сложных, часто еле уловимых для равнодушного, невнимательного взгляда изменений, которые в годы независимости происходили в самом характере ганского народа. Развивались предприимчивость, инициативность, сознание долга и ответственности. Заметно окрепло чувство национального достоинства, ранее часто подавляемое.

Эпоха, описанная О. Прхаловой, была резко оборвана военным переворотом. В книге чехословацкой журналистки нет рассказа об этом эпизоде политической истории Ганы, отчасти, видимо, потому, что она избегала писать о том, чему не была непосредственным свидетелем. Переворот произошел в начале 1966 года, когда О. Прхалова уже оставила Гану. В этой связи может возникнуть вопрос: а не устарела ли ее книга?

Конечно, реакционное офицерство, взявшее в свои руки власть, отбросило Гану на годы назад. Сначала делами страны заправляла группа высших офицеров армии и полиции, позднее было восстановлено гражданское правление, но и в том и в другом случае общий курс страны не изменялся — резко возросла внешнеполитическая зависимость республики от империалистических держав, был практически ликвидирован государственный сектор в экономике, вновь оживилась деятельность западных монополий, которым были предоставлены всевозможные льготы, снижался жизненный уровень трудящихся, множилось число безработных. Когда рабочий класс страны в десятках забастовок выразил свое возмущение правительственной политикой, его организационный центр — Конгресс профсоюзов Ганы — был запрещен. И вот 13 января 1972 года в Аккре произошел второй переворот. Снова в политическую жизнь страны вмешалась армия. Народ приветствовал смещение ненавистного правительства в надежде, что, может быть, в истории его родины действительно откроется новая глава.

Эти бурные события во многом изменили политический климат Ганы. Но повлияли ли они на дущу ганского народа, его быт, его традиции, о чем рассказала в своей книге О. Прхалова? Думается, нет. Со страниц этой книги Гана встает во всем своем красочном многообразии, и этот нестареющий портрет африканской страны еще долго будет привлекать читательский интерес.

Вл. Иорданский

Содержание

Из Гринвича в Гану	3
'Чужая страна — чужие нравы	5
«Море никогда не высохнет»	9
«Для чего у тебя голова на плечах?»	11
Музыка — это когда...	13
Кофи, Кваку и Адвоа	15
Сумеют ли договориться?	18
Это были не клетки	19
Блочный дом, простоявший века	22
На улицах Аккры	28
Внимание, тро-тро!	30
На рынке есть все	32
На раундбауте — налево	35
Экран мокнет от дождя	38
Из Аккры в Такоради	41
Масличная пальма	42
С деревьев капает латекс	45
Новый вождь в Ассин-Джакае	47
Такоради лишается своего богатства	53
Наш друг — вождь	57
Золото, алмазы и какао	60
Алмазы лежат в болоте	62
Золото из глубин земли	63
Шоколад растет на деревьях	67
Чего Тете Кварши не предвидел	69
Трактора для Кваку	72
Государство Ашанти	77
Меч Окомфо Аночье	79
О чем говорит платье	82
А как же женщины?	86
Язык говорящих барабанов	87
Озеро бога Тве	90
Лев вернулся из-за моря	92
На севере страны	94
Львов мы так и не увидели	95
Вода дороже золота	98
Нианкпала и Понг Тамале	99
Не хотите ли взглянуть на крокодилов?	103
А как же школа?	106
Дорога на юг	110
Акосомбо	111
Гибнущий город	114
Город, устремленный в будущее	116
Рыбацкий порт	119
Тема — не только рыбацкий порт	121
Гана глазами друга <i>Вл. Иорданский</i>	124

Ольга Прхалова

НУЛЕВОЙ МЕРИДИАН
ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ ТЕМУ

*Утверждено к печати
Институтом Африки
Академии наук СССР*

•
Редактор *Э. О. Секар*
Младший редактор *Л. Э. Шварц*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

•
Сдано в набор 17/IV 1972 г.
Подписано к печати 2/VI 1972 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 4. Усл. п. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,85
Тираж 30 000 экз. Зак. № 510. Изд. № 3014.
Цена 36 коп.

•
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 36 коп.

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН